

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2018

№ 4 (26)

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ**

ББК 66.4
М 43

Научно-экспертный совет:

*А. В. Торкунов (председатель), В. Б. Кириллов, Е. М. Кожокин, Н. Б. Кузьмина,
А. В. Мальгин, В. М. Морозов, С. А. Орджоникидзе, А. Н. Панов,
А. И. Подберезкин, Н. А. Симония*

Главный редактор

А. А. Орлов

Редакционный совет:

*Г. М. Бонэм, И. М. Бусыгина, Б. Виттрок, Н. П. Грибин, В. В. Дегоев,
А. А. Казанцев, С. К. Кушкумбаев, А. В. Лукин, В. А. Морозов, В. М. Муханов,
А. И. Никитин, К. Ж. Нугманова, Л. С. Окунева, П. Б. Паршин, В. В. Попов,
В. М. Сергеев, П. М. (Кепа) Содуне Коркуэра, А. В. Федорченко,
С. И. Чернявский, А. Л. Чечевишников*

Редакторы номера:

П. Б. Паршин, А. Л. Чечевишников

ББК 66.4

ISSN 2587-8476 (print)
ISSN 2541-9633 (online)

© МГИМО – Университет, 2019

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

Institute for International Studies

INTERNATIONAL ANALYTICS

2018

No. 4 (26)

**Moscow
IIS MGIMO-University**

Scientific advisory council:

*A. Torkunov (chairman), V. Kirillov, Ye. Kozhokin, N. Kuzmina, A. Malgin,
V. Morozov, S. Ordzhonikidze, A. Panov, A. Podberezkin, N. Simoniya*

Editor-in-chief:

A. Orlov

Editorial board:

*G. M. Bonham, I. Busygina, A. Chechevishnikov, S. Chernyavskiy, N. Gribin,
V. Degoyev, A. Fedorchenko, A. Kazantsev, S. Kushkumbayev, A. Lukin, V. A. Morozov,
V. Mukhanov, A. Nikitin, K. Nugmanova, L. Okuneva, P. Parshin, V. Popov,
V. Sergeyev, P. M. (Kepa) Sodupe Corcuera, B. Wittrock*

Editors of the issue:

A. Chechevishnikov, P. Parshin

Содержание

ПРОБЛЕМЫ СТАРОГО КОНТИНЕНТА

К. П. Боришполец

Союзное государство Белоруссии и России: равные права граждан 7

К. Е. Петров

Политические последствия процесса выхода Великобритании из ЕС:
шотландский и ирландский вопросы 17

И. Н. Щербак

Вызовы европейской стабильности и роль антикризисного потенциала
ОБСЕ в управлении кризисными ситуациями 26

ЛОГИСТИКА ГЕОПОЛИТИКИ

Д. Г. Евстафьев

Глобальные трансформации и Россия: источники конфронтации
и перспективы глобального взаимодействия 33

О. Г. Парамонов

Внешнеполитический аспект транспортно-инфраструктурной ситуации
в АСЕАН: новые возможности и риски для стран ЕАЭС 47

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

М. А. Конаровский

Афганский дневник. Год 2002-й 56

В. И. Куликов

Трансрегиональный подход в политике США в АТР в начале 1980-х гг. 71

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кавказоведческий семинар во втором полугодии 2018 г. 76

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. Н. Зинин

«Политические портреты деятелей Ближнего и Среднего Востока». 84

Contents

PROBLEMS OF THE OLD CONTINENT

Ksenija Borishpolets

The Union State of Russia and Belarus: Equal Rights for Citizens –
The Solved and Demanding Questions 7

Kirill Petrov

Brexit and Its Political Implications:
the Cases of Scotland and Northern Ireland. 17

Igor Shcherbak

Towards Strengthening of the OSCE Effectiveness in
Responding to International and European Security Challenges..... 26

LOGISTICS OF GEOPOLITICS

Dmitry Evstafiev

Global Transformations and Russia: the Sources
of Confrontation and Prospects for Cooperation..... 33

Oleg Paramonov

External Aspect of the Transport and Infrastructure
Situation in ASEAN:
New Opportunities and Risks for the EAEU Countries..... 47

THE TOPICAL PAST

Mikhail Konarovsky

An Afghan Diary. The Year 2002..... 56

Vladimir Kulikov

A Transregional Approach in US Policy
in the Asia Pacific Region in the Early 1980s 71

ACADEMIC LIFE

The Activities of the Caucasian Workshop (July to December, 2018) 76

REVIEWS AND SURVEYS

Yuri Zinin

“Political Portraits of Near and Middle East Personalities” 84

ПРОБЛЕМЫ СТАРОГО КОНТИНЕНТА

К. П. БОРИШПОЛЕЦ

Союзное государство России и Белоруссии: равные права граждан – решенные и проблемные вопросы

Ксения Петровна Боришполец, канд. полит. наук,
профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО,
вед. науч. сотр. Центра постсоветских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: oksabor@mgimo.ru

Аннотация. Обеспечение равных прав граждан России и Белоруссии как жителей Союзного государства (СГРБ) является одной из важнейших задач российско-белорусской интеграции. В настоящее время обе страны в плане социального законодательства и прав трудящихся создали единую законодательную базу, однако на некоторых других направлениях российско-белорусского взаимодействия по гуманитарным вопросам как нормативная, так и правоприменительная практика отстают от темпов наращивания двустороннего сотрудничества. В этой связи на этапе 2017–2018 гг. был очерчен круг нерешенных проблем и предприняты дополнительные шаги по совершенствованию практики реализации профильных положений Договора о создании союзного государства (1999 г.).

Совместная работа российской и белорусской сторон по обеспечению равных прав граждан на пространстве СГРБ продолжается на парламентском уровне, на уровне министерств и ведомств, муниципальных структур. Достигнутый уровень согласованного взаимодействия России и Белоруссии позволяет позитивно решать широкий спектр вопросов, связанных с человеческим измерением российско-белорусской интеграции.

Ключевые слова: Союзное государство России и Белоруссии, интеграция, права граждан, гуманитарное сотрудничество, законодательные гарантии.

Обеспечение равных прав граждан России и Белоруссии как жителей Союзного государства (СГРБ) играет заметную роль в углублении российско-белорусской интеграции. Хотя конфликты, возникающие на этой почве, крайне редко становятся предметом публичного обсуждения, реальная ситуация требует продолжения усилий не только практического, но и нормативного плана¹.

В принципе, тренд, заданный полтора года назад постановлением Парламентского Собра-

¹ См.: Постановление Парламентского Собрания Союза Беларуси и России «О сближении законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации по вопросам обеспечения равных прав граждан Союзного государства» (Минск, 15 июня 2017 г.). — URL: <http://pandia.ru/text/80/333/5673.ph>

ния России и Белоруссии, последовательно развивался. Как заявил в начале декабря 2018 г. министр труда и социальной защиты Российской Федерации М. А. Топилин, «права трудящихся в Беларуси и России уравниены... Россия и Беларусь с точки зрения социального законодательства, прав трудящихся создали единую законодательную базу. И права трудящихся в двух странах уравниены, правила работы единые. Это является серьезной основой Союзного государства. Все поручения в этом отношении, которые давали главы государств, наши министерства исполнили»². Тем не менее к концу 2018 г. остается ряд вопросов, которые предполагают дополнительное осмысление и проработку.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА СИТУАЦИИ

Союзное государство России и Белоруссии (СГРБ) — политический проект с поэтапно выстраиваемым единым политическим, экономическим, военным и гуманитарным пространством. Оценки развития этого проекта значительно различаются, в том числе и в работах российских специалистов. Говоря об отечественной профильной аналитике, можно сослаться на ряд публикаций, последовательно освещавших российско-белорусские отношения с учетом как достижений, так и нерешенных вопросов, соотношения объективных интересов двух стран и субъективных подходов к регулированию взаимодействия (см., напр., [6–8]).

Что касается содержательной стороны вопроса, то необходимо отметить, что декларируемые цели российско-белорусской интеграции реализованы лишь частично, и фактически единым, причем не без изъятий, является лишь таможенное пространство [2]. Существенные ограничения для продвижения на всех направлениях накладывает отсутствие единой юридической базы Союзного государства, создание которой объявлено приоритетом 2018 г. [2; 5]. При этом следует подчеркнуть, что белорусская сторона достаточно успешно приспосабливалась к сложившейся ситуации благодаря стратегии «точечных партнерских связей» на уровне регионов и ряда ведомств, обходя различия экономических моделей двух стран и компенсируя объективные последствия неравенства потенциалов России и Белоруссии как участников интеграционного проекта³.

На сегодняшний день в рамках Союзного государства в полной мере подтверждены равные права граждан в выборе места жительства, передвижения, трудоустройства, в сфере образования, медицинского и пенсионного обеспечения⁴.

²Топилин: права трудящихся в Беларуси и России уравниены // Новости Беларуси. — 2018. — 7 декабря. — URL: <https://www.belta.by/society/view/topilin-prava-trudjaschihsja-v-belarusi-i-rossii-uravneny-328450-2018>

³ В настоящее время действует более 250 российско-белорусских соглашений в области межрегионального сотрудничества. Взаимодействие выстраивается одновременно в двух плоскостях: по линии административно-территориальных образований государств, а также между субъектами Российской Федерации и правительством Беларуси. Белорусские структуры активно сотрудничают с различными торгово-экономическими ассоциациями в регионах России, среди которых лидируют «Центральная Россия», «Сибирское Соглашение» и «Северо-Запад». Их доля в общем товарообороте двух стран составляет более 75 %. Состоявшийся в июне 2016 г. третий Форум российских и белорусских регионов показал, что развивается практика общего рынка труда, сбалансировано правовое поле в сфере медицины, образования, социальной защиты, взаимного признания трудового стажа для получения пенсии по выслуге лет, признания дипломов об образовании. Был подписан ряд контрактов по поставкам в Россию белорусской техники, продукции предприятий концерна «Белнефтехим» и другие документы. Составлено по: Татьяна Валова: Белорусские строительные компании работают на российском рынке без ограничений // Информационно-аналитический портал Союзного государства. — 2018. — 29 сентября. — URL: <http://www.soyuz.by/news/finance/29417.html>

⁴ Правовой основой для обеспечения равенства прав граждан Белоруссии и России являются Договор о создании союзного государства (1999 г.); Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь при реализации положения договора о создании союзного государства (1999 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан (1998 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании равных условий с субъектами хозяйствования (1998 г.); Соглашение об обеспечении равных прав граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территории государств — участников Союзного государства 2006 г., (вступило в силу 2009 г.), Концепция социального развития Союзного государства на 2011–2015 гг. (2011 г.); Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития союзного государства на 2014–2017 гг. (2013 г.). Для урегулирования ряда наиболее острых вопросов обеспечения равных прав российских и белорусских граждан в рамках заседания Высшего Государственного Совета Союзного государства 24 января 2006 г. в Санкт-Петербурге были заключены четыре международных договора: Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помощи гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь и гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации; Протокол к Соглашению между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь об избегании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от

Граждане России и Белоруссии обладают на взаимной основе рядом преимуществ по сравнению с иностранцами. Это прежде всего безвизовый режим и отсутствие каких-либо разрешительных документов; не требуется и заполнения миграционных карт при пересечении границы. Законодательно закрепляется упрощенная процедура получения разрешения на постоянное жительство и освобождение от регистрации по месту пребывания граждан Беларуси и России в течение 30 дней с даты въезда. Облегчен порядок привлечения и использования иностранной рабочей силы в отношении граждан РБ в РФ и граждан РФ в РБ. Установлено, что РФ и РБ обеспечивают гражданам РБ и РФ равные права на трудоустройство, оплату труда и иные условия труда на территориях обоих государств⁵. Кроме того, документы, выданные в РБ и РФ для реализации трудовых прав и социально-трудовых гарантий их граждан, или их копии, заверенные в установленном порядке, признаются без легализации. Для того чтобы российские и белорусские граждане имели возможность оценить предлагаемые вакансии и должности, при министерствах труда и соцзащиты РБ и РФ созданы интернет-порталы, на которых размещена информация о трудовых вакансиях в РБ и в РФ. Не возникает вопросов пенсионного обеспечения для граждан Республики Беларусь, проживающих в РФ, и для россиян, которые живут в Белоруссии, эти проблемы не возникают. Человек, имеющий право на пенсию, может её получать в полном объеме независимо от того, поменял ли он место жительства или нет [5; 8].

К продвинутому (хотя и не до конца симметрично представленными) в плане соблюдения на взаимной основе равенства прав граждан России и Белоруссии эксперты обычно причисляют такие сферы, как медицина⁶, в том числе фармацевтика, и финансы⁷. Значительные позитивные результаты достигнуты в сфере образования, причем работа по дальнейшему совершенствованию интенсивно ведется ведомственными структурами двух стран в 2016–2017 гг., хотя «узким местом» остается пока завершение проекта открытия Российско-белорусского университета⁸.

В список результативных примеров совместной деятельности также входят приватизация жилья, оформление документов на ввоз домашних животных, случаи получения материальной помощи в связи с бракосочетанием или юбилеем. Очень многие вопросы решены в отношении признания дипломов.

уплаты налогов на доходы и имущество от 21 апреля 1995 г.

⁵ В ближайшее время предстоит ликвидировать расхождения между требованиями Министерства внутренних дел Российской Федерации, об уведомлении работодателем миграционных служб и работодателями. Будет только уведомление со стороны работодателей миграционных служб о приеме на работу белорусских граждан (соответствующий нормативный документ находится с лета 2017 г. на рассмотрении в ГД РФ).

⁶ Постоянно проживающий на территории РФ гражданин РБ и, соответственно, россиянин — на территории РБ имеют право на бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения той страны, в которой они проживают. Если они временно проживают, но работают по трудовому договору, они также имеют право на получение медицинской помощи в государственных медицинских учреждениях. Если же каждый из них приехал: белорус — в Россию, а россиянин — в Беларусь в качестве туриста или погостить к родственникам, или это может быть деловая поездка, то в случае острого заболевания или несчастного случая будет оказана только скорая медицинская помощь. Наличие медицинской страховки для посещения России и Беларуси не обязательно. Прививки также не требуются. Скорая медицинская помощь при внезапных острых состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни пациента или здоровью окружающих, несчастных случаях, отравлениях, травмах, родах и неотложных состояниях в период беременности оказывается бесплатно и в полном объеме. С момента, когда угроза устранена, оказание плановой медицинской помощи осуществляется на платной основе. Вопрос о расширении категорий граждан Республики Беларусь и Российской Федерации, получающих медицинскую помощь бесплатно прорабатывается с 2013 г. Министерствами здравоохранения двух стран рассматривается включение в эту категорию беременных женщин, мужа которых временно пребывают и работают по трудовым договорам, а также их детей в возрасте до 3 лет.

⁷ На взаимной основе граждане РФ и РБ свободно могут открывать депозитные счета в банках стран-партнеров, имеют право получать налоговые вычеты в случае, если являются налоговыми резидентами, могут приобретать земельные участки, однако, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения белорусским гражданам могут быть предоставлены только на праве аренды.

⁸ Действующими межправительственными соглашениями и протоколами к ним урегулирован вопрос о взаимном признании эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях в области лицензирования образовательной деятельности и аттестации образовательных учреждений. Это позволяет гражданам предъявлять свои документы об образовании в любой точке союзного государства без дополнительных процедур легализации. Одновременно Министерство образования и подведомственные организации проводят необходимую работу по созданию схожих образовательных стандартов, унификации требований к подготовке специалистов всех категорий. Решением группы высокого уровня Совета министров Союзного государства от 11 сентября 2015 г. признаны достаточными меры по созданию равных условий при поступлении в вузы Белоруссии и России. Министерством образования предстоит совершить работу по совместной аккредитации высших учебных заведений, что предусмотрено протоколом развития приоритетных направлений развития союзного государства на 2018–2022 гг.

Знаковыми шагами российской стороны в направлении сближения правового статуса белорусов и россиян стала отмена для граждан РБ, работающих в РФ, требования обязательной сдачи экзамена по русскому языку (2015 г.), унификация процедур паспортного контроля в аэропортах (2017 г.), а также разрешение использовать национальное или международное удостоверение в бизнесе или работе, связанной с управлением транспортом (2017 г.)⁹. Замена водительского удостоверения (в том числе дающего право управлять общественным транспортом, такси и грузовыми автомобилями, коммунальной техникой) гражданам Белоруссии, работающим в России, на сегодняшний день не требуется¹⁰. Большое внимание уделяется сегодня инициативе по созданию единого миграционного пространства Союзного государства, включая выдачу единой визы, которое позволит не только упорядочить практику временного пребывания иностранцев, но будет также способствовать развитию туристического бизнеса [3].

Вместе с тем в соответствии с национальными законодательными актами государств — участников Союзного государства граждане Белоруссии на территории России, равно как и граждане России на территории Белоруссии, обладают статусом иностранных граждан. Тем самым на осуществление ими прав и свобод налагается ряд ограничений. Так, на белорусов распространяются существующие в России ограничения на использование рабочей силы в определенных сферах деятельности. Постановлением Правительства РФ от 08.12.2016 № 1315 установлена на 2018 г. допустимая доля иностранных работников, которые трудятся в компаниях, осуществляющих деятельность в определенных сферах бизнеса: в розничной торговле фармацевтическими товарами присутствует полный запрет; в области спорта — 25 % кадрового состава. В Белоруссии россияне ограничены только в приеме на государственную службу. Есть различия в миграционных процедурах при переезде на ПМЖ, в наборе бесплатных медицинских услуг, требований зачисления льготников в вузы (для россиян условия во всех случаях сложнее, чем для белорусов).

К числу проблемных для рядовых белорусских граждан на российской территории вопросов относят, в частности, необходимость регулярного возобновления регистрации через каждые 90 дней, причем даже в случае наличия собственного жилья; сложности при получении прилагаемого к регистрации медицинского заключения (каждый раз требуется полный пакет анализов); выплата больших госпошлин при получении вида на жительство (включая малолетних детей); отсутствие финансирования соцстрахования и, как следствие, невозможность официально оформить бюллетень временной нетрудоспособности¹¹.

В качестве неудобства россияне в массовом порядке называют необходимость иметь для управления автомобилем на территории Белоруссии полис обязательного страхования гражданской ответственности, аналогичный российскому ОСАГО. Его функцию для временно въезжающих на территорию страны автомобилей берет международная система страхования — «зеленая карта». Российский полис ОСАГО в Белоруссии не имеет силы. Также, несмотря на сотрудничество медицинских ведомств двух стран, по-прежнему имеет место разная стоимость медицинских услуг: для россиян плановое лечение, то есть не связанное с оказанием неотложной помощи, в РБ стоит в 2–3 раза дороже. Существуют также повышенные, причем весьма высокие, ставки для санаторно-курортного обслуживания россиян и обучения россиян в белорусских вузах. У российских граждан отсутствует право приобретения земель в Белоруссии: россияне могут их только наследовать, хотя белорусы имеют возможность становиться собственниками земли в России (за исключением земель сельхозназначения). Имеется заинтересованность российской стороны в гармонизации в области уголовного законодательства. Например, в Белоруссии запрещены все виды травматического оружия, в России на него выдается разрешение, но при пересечении белорусской границы периодически возникают серьезные конфликты.

В ходе слушаний на заседаниях Парламентского Собрания Союза Белоруссии и России на тему «Сближение законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации по вопросам обеспечения равных прав граждан Союзного государства» (Брянск, декабрь 2017 г.) неоднократно указывалось, что гармонизация норм и правил в каждой отрасли постепенно

⁹ Изменения к федеральному закону «О безопасности дорожного движения».

¹⁰ Данное положение вступило в силу 1 июля 2017 г. и касается также тех прав, которые будут выдаваться водителям после 1 июля текущего года.

¹¹ По российским источникам считается, что с 1 января 2015 г. вопрос о предоставлении постоянно работающим на территории друг друга гражданам Белоруссии и России пособий по временной нетрудоспособности и в связи с материнством принципиально урегулирован.

развивается. Наиболее активно работа ведется, по-видимому, по линии министерств юстиции¹², образования и здравоохранения, отчасти счетных и налоговых ведомств (обмен базами данных). Но это именно ведомственные двусторонние согласования подзаконных актов и инструкций, а не системные действия по широкому кругу вопросов, прежде всего в отношении правоприменительной практики. На местном уровне в регионах, даже приграничных (например, Смоленской и Брянской с российской стороны), периодически возникают коллизии, требующих вмешательства областных властей.

Учитывая содержание Постановления Парламентского Собрания Союза Белоруссии и России (Минск, 15.06.2017)¹³, целесообразно обратить внимание на следующие моменты поступательного сближения законодательства для обеспечения равных прав граждан Союзного государства (ср. [1; 6]):

1. При том что на массовом уровне положение российских и белорусских граждан на территории страны-партнера сравнительно сбалансировано, вопросы принятия единого трудового и миграционного законодательства с соответствующими инструктивными материалами для органов и исполнительной власти на местах сыграло бы значительную роль в продвижении интеграционного взаимодействия РФ и БР и обновлении его форм. Существует ассиметричная заинтересованность российской и белорусской сторон в содержательных аспектах обеспечения равных прав граждан Союзного государства. Для РФ приоритетными на сегодняшний день декларируются тарифы/оплата медицинских и образовательных услуг (эти интересы затрагивают ограниченные группы населения: например, в белорусских вузах обучается около 1 700 российских студентов, а в российских — 17 000 белорусов). Реально большую значимость имеют ограничения на приобретение земли; на участие в приватизации предприятий (на слушаниях в Брянске этот вопрос даже не поднимался), интеграции информационных ресурсов, создания новых производств, то есть условий для движения не рабочей силы как таковой, а капитала. В то же время руководство РБ и лично А. Г. Лукашенко считают, что все проблемы свободного перемещения людей, рабочей силы решены и необходимо сосредоточиться на облегчении правил передвижения товарной массы.
2. Важным для белорусской стороны, хотя и не предлагаемой пока темой публичного обсуждения, является предоставление возможностей участия белорусских граждан в выборах и работе местных органов самоуправления¹⁴ в российских регионах, вступления в локальные отделения российских партий, повышения общественного статуса белорусских землячеств, некоторые из которых уже сегодня являются активным фактором жизни ряда приграничных городов, а также городов в Сибири и на Дальнем Востоке. Другими словами, речь идет о том, чтобы открыть «окно возможностей» для белорусских элит по вхождению в российское политическое пространство при сохранении своей идентичности.
3. Наиболее неоднозначной областью с точки зрения политических последствий является обеспечение равенства прав граждан Союзного государства создавать по своей инициативе общественные объединения и вступать в действующие общественные объединения. Ее рассмотрение не стоит в ближайшей повестке дня, но в отдельных научных публикациях вопрос артикулировался с середины прошлого десятилетия и, следовательно, обращение к нему как к одному из элементов двусторонних дискуссий в ближайшем будущем исключить нельзя [3].

¹² Взаимодействие в сфере юстиции осуществляется на основании Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, уголовным делам (1993 г.); Соглашения между РФ и РБ «О порядке взаимного исполнения судебных актов Арбитражных судов Российской Федерации и Хозяйственных судов Республики Беларусь» (2011 г.). В развитии этой базы под эгидой объединенных коллегий было разработано, подписано и затем вступило в силу Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов» (2015 г.). В целях дальнейшего совершенствования взаимодействия в сфере юстиции по состоянию на 2017 г. разработан проект соглашения «О порядке и взаимном исполнении судебных актов судов Российской Федерации и судов Республики Беларусь», приоритетной является работа по подготовке соглашений о порядке взаимодействия органов ЗАГС двух стран, взаимодействия при принудительном исполнении судебных решений, взаимодействия в сфере оказания юридических услуг.

¹³ «О сближении законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации по вопросам обеспечения равных прав граждан Союзного государства».

¹⁴ Россияне такими правами на белорусской территории обладают.

В целом в интересах системного обеспечения более эффективной реализации гражданами СГРБ своих прав необходимо принять ряд дополнительных двусторонних договоров о порядке действий по вопросам гуманитарного характера на конкретных интеграционных направлениях.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РБ И РФ ПО ОЦЕНКАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОФИЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ВЕДОМСТВ ДВУХ СТРАН (АНАЛИЗ ДИСКУРСА ЗА ЯНВАРЬ-ДЕКАБРЬ 2017 Г.)

Проблемные вопросы по представлениям белорусской стороны:

1. Требования о сближении законодательств Беларуси и России в рамках Союзного государства в настоящий момент не оказывают должного практического влияния на деятельность нормотворческих органов РФ и РБ.
2. К насущным и нерешенным вопросам относятся: принятие единого визового и миграционного законодательства; формирование единых подходов к реализации прав граждан Белоруссии и России в сфере образования; формирование единых подходов к реализации прав граждан Белоруссии и России в сфере предпринимательской деятельности.
3. Отсутствие механизма координации действий по вопросу сближения законодательств государств — участников Союзного государства в профильных сферах с указанием четких приоритетных направлений, а также критериев проведения процесса и указания способов оценки выполнения задач.
4. Обеспечению равных прав граждан РФ и РБ препятствует отсутствие в должном объеме практики формирования полноценного единого экономического пространства без барьеров и ограничений — с реально созданными равными условиями для деятельности субъектов хозяйствования, принятия правовых актов, направленных на защиту и стимулирование хозяйственной деятельности национальных производителей без учёта фактора Союза. Это проявляется в периодическом введении различного рода ограничений на доступ белорусской продукции на российский рынок и на участие белорусских организаций в закупочной деятельности, что вступает в противоречие не только с двусторонними договорами, но и с правом евразийского экономического союза и иными международными обязательствами.
5. Не создана единая система социальных гарантий.
6. Не определены механизмы равнодоступности медицинских услуг.
7. Не определены механизмы расширения культурно-информационного и образовательного пространства.
8. В последнее время участились случаи, в которых белорусские граждане при выезде на работу в Россию попадают, по сути, в трудовое рабство.
9. В области профессионального спорта и подготовки молодых спортсменов: белорусские хоккеисты в российских клубах Континентальной хоккейной лиги продолжают рассматриваться как иностранные легионеры.
10. В РФ с января 2015 г. появился новый элемент социального регулирования — индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК), при определении которого учитывается только объем взносов, уплаченных в пенсионный фонд РФ, что ущемляет в правах граждан Белоруссии на пенсионное обеспечение в Российской Федерации. Работа экспертов двух стран по этому вопросу идёт, но она увязана с работой над договором в рамках ЕАЭС.
11. В настоящее время определение работающих на территории другого государства прав граждан Союзного государства на получение государственного пособия регулируется двумя Международными договорами: Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения (2006 г.) и Договором о Евразийском экономическом союзе (2014 г.). Граждане Белоруссии, работающие в Российской Федерации, и граждане России, работающие в Белоруссии, имеют право на получение пособия по временной нетрудоспособности, по материнству на тех же условиях и в том же порядке, что

и граждане государственного трудоустройства. На сегодняшний день эти два договора в отдельных позициях входят в противоречие: например, единовременное пособие при рождении ребёнка в рамках Союзного договора назначается и выплачивается согласно законодательству договаривающейся стороны на территории постоянного проживания ребёнка с одним из родителей. Согласно договору о ЕАЭС, пособие выплачивается в рамках государства трудоустройства одного из родителей. Поэтому белорусская сторона предлагает в Союзном договоре сгруппировать государственные пособия для семей с детьми по их видам (это пособие по государственному социальному страхованию и иным государственными пособиями) внести в текст уточнения и дополнения из-за отсутствия которых возникают повседневные коллизии для граждан.

12. На медицинском направлении имеет место чрезвычайно длительное согласование концепций и программ, в результате чего новые научно обоснованные методы либо теряют свою актуальность, либо их внедрение осуществляется в других странах, и авторские (белорусские) технологии закупаются уже в дальнем зарубежье.
13. Проблемой остается ситуация с Программой по линии СГРБ «Стволовая клетка-2» (данные на 2017 г. — первая половина 2018 г.).
14. Качество совместной работы российских и белорусских специалистов страдает в силу того, что сегодня они поставлены в условия написания концепций и программ, не зная соисполнителей с одной и со второй сторон.

Проблемные вопросы по представлениям российской стороны:

1. Во взаимодействии правоохранительных органов двух стран не используется в полной мере информационная система «Эльбрус» российского концерна «Ростех». Вместо этого продолжают использоваться продукты американской компании «Оракл», которая напрямую участвует в антироссийских санкциях.
2. В сфере миграции не решён вопрос с гражданами Грузии, которые пребывают без виз на территорию Белоруссии, пытаясь нелегально перебраться в Российскую Федерацию.
3. Существуют проблемы и с миграционным учётом на белорусской территории. Например, по информации белорусской стороны, 200 граждан, пересекших белорусскую границу в безвизовом порядке на срок пребывания на территории Белоруссии до пяти дней, не выехали из Белоруссии по истечении этого срока, и их местонахождение, кроме одного, не установлено.
4. Ведется, но не завершена работа над проектом Соглашения о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств — участников договора о создании Союзного государства. После ее завершения можно будет вести речь, в том числе и в контексте выполнения принятого в Санкт-Петербурге 16 июня 2017 г. плана мероприятий по формированию единого визового пространства, о сближении процедур и регламентов выдачи виз. И затем, как закономерный итог, проработать возможность введения единой визы.
5. Граждане России на территории Белоруссии, как и граждане Белоруссии на территории России, обладают статусом иностранных граждан, при этом Белорусским законодательством во многих случаях предусмотрены более строгие ограничения или обязательства в отличие от российского. Россиянам, находящимся в РБ и проживающим там без вида на жительство, приходится платить за медицинские услуги, образование и санаторно-курортное лечение наравне с гражданами третьих стран.

Основные проблемные моменты для россиян, связанные со статусом иностранцев в РБ, таковы:

- Существует требование к российским гражданам, постоянно проживающим в Республике Беларусь, оформлять национальные водительские права, в то время как белорусские граждане, имеющие вид на жительство в Российской Федерации, могут пользоваться белорусскими водительскими удостоверениями как в профессиональной, так и в личной сферах.

- У российских граждан отсутствует право приобретения земли в собственность — белорусские граждане в РФ таким правом обладают.
 - Для граждан РФ действуют повышенная оплата медобслуживания в государственных и частных клиниках в РБ и повышенные ставки стоимости путевок в санатории РБ.
 - Для российских граждан действуют также повышенная оплата обучения в высших учебных заведениях Белоруссии и требование двухлетней отработки по распределению после окончания белорусских вузов; более сложной для россиян является и система сдачи вступительных испытаний для поступления в белорусские вузы.
 - Граждане России, окончившие юридические вузы РБ, лишены возможности получить статус адвоката в Белоруссии.
6. Сохраняются сложности реализации механизмов Союзных программ, в том числе и на направлениях гуманитарного интеграционного сотрудничества (ср. [3]).
 7. Наличие неразрешенных противоречий по вопросам взаимного признания отмен, предоставляемых в документах органами пограничного контроля, а также установления для иностранцев и лиц без гражданства единых правил въезда на территорию союзного государства и перемещения внутри него.
 8. Расхождения на уровне нормативно-правовой базы Российской Федерации и Республики Беларусь в части правил, регламентирующих условия приема и обучения в образовательных организациях двух стран.
 9. Наличие в ряде регионов, например в Смоленской области, диспаритета во внешнеэкономическом сотрудничестве с РБ: даже для предприятий приграничных российских регионов не всегда обеспечены равноценные возможности для работы на территории РБ.

ТРАЕКТОРИЯ ПОЗИТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

К настоящему времени опыт российско-белорусского взаимодействия в решении проблемных вопросов по обеспечению равных прав граждан значительно расширился. В области трудовых отношений продолжают рассматриваться пути сближения законодательства в части выработки одинаковых подходов, принципов решения схожих проблем. На уровне министерств труда двух стран активно обсуждаются все, что связано с анализом профессиональных рисков и заболеваний, формирования системы по их предотвращению, поощрения работодателей и работников в создании здоровых и безопасных условий труда. На ведомственном уровне планируется рассмотреть различные аспекты совершенствования механизмов предупреждения производственного травматизма, создания и перспектив развития информационных систем в сфере социального обеспечения в Белоруссии и России¹⁵.

Завершающие месяцы 2018 г. были отмечены интенсификацией совместной работы российской и белорусской сторон по строительству Союзного государства. Среди важнейших событий этого периода — две встречи президентов В. В. Путина и А. Г. Лукашенко (декабрь 2018 г., см. [4]), принятие на сессии Парламентского собрания СГРБ в Москве бюджета Союзного государства на 2019 г. (7 млрд российских рублей) и проекта концепции по сближению законодательства двух стран¹⁶, рассмотрение вопросов взаимного признания виз и отмены роуминга, создания единого научно-технологического пространства. В интересах развития российско-белорусского взаимодействия в декабре 2018 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между администрацией президента РФ и администрацией президента РБ, создана Российско-белорусская рабочая группа, которая будет заниматься решением проблемных вопросов, связанных с интеграцией в рамках Союзного договора.

¹⁵ Топилин: права трудящихся в Беларуси и России уравниваются // Новости Беларуси. — 2018. — 7 декабря. — URL: <https://www.belta.by/society/view/topilin-prava-trudjaschihsja-v-belarusi-i-rossii-uravneny-328450-2018>

¹⁶ Согласно проекту концепции, Россия и Белоруссия смогут создать одинаковые условия для работы компаний на территории двух стран: избежать двойного налогообложения, унифицировать трудовое законодательство, требования к юридическим лицам и хозяйствующим субъектам; речь идет также об использовании общего транспорта, одинаковых правил развития науки и техники, а также о единой военной доктрине и идентичных подходах к вопросам обороны и безопасности (ПС Союза Белоруссии и РФ приняло концепцию по сближению законов двух стран // ИА «Regnum». — 2018. — 21 декабря. — URL: <https://regnum.ru/news/2542461.html>).

Значительный вклад в продвижение интеграционного процесса внесла состоявшаяся в ноябре 2018 г. в Брянске конференция муниципальных депутатов из сопредельных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь¹⁷. По результатам широкого диалога была принята резолюция, содержащая рекомендательные предложения для органов государственной власти с тем, чтобы углубить российско-белорусское сотрудничество в образовательной, социально-культурной и экономической сферах. Особое внимание было уделено развитию совместных образовательных программ, в частности созданию программы двойного диплома для вузов в приграничной зоне, увеличению квот для выпускников белорусских школ в российских вузах, в первую очередь в Смоленской и Брянской областях РФ.

* * *

Интеграционный проект по созданию Союзного государства России и Белоруссии строится на политических, экономических и социальных основаниях. Достигнутый уровень согласованного взаимодействия России и Белоруссии позволяет решать широкий спектр практических вопросов не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе, и речь в настоящее время идет об усилении межведомственной координации на всех имеющихся направлениях сотрудничества, в том числе по вопросам обеспечения равных прав граждан в контексте углубления интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Боришполец К. П. Союзное государство России и Белоруссии: перспективы углубления интеграции / Под общ. ред. и с предисл. акад. А. В. Торкунова // Внешняя политика России, 1991–2016 — М.: МГИМО-Университет, 2017 (Гл. 3.2).
- Боришполец К. П., Чернявский С.И. Российско-белорусские отношения: угрозы реальные и мнимые // Вестник аналитики. — 2012. — № 3.
- Коктыш К. Е. Белоруссия в европейском контексте / Московский Центр Карнеги // Между Востоком и Западом. Украина и Белоруссия на европейском пространстве. — М.: Гендальф, 2003.
- Коктыш К. Е. Переговоры Путина и Лукашенко // Эксперты МГИМО. — 2018. — 23 декабря. — URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/peregovory-putina-i-lukashenko/>
- Рапота Г. А. Россия и Белоруссия пространство совместной государственности // Международная жизнь. — 2015. — № 1. — С. 1–13.
- Российско-белорусские отношения в горизонте до 2020 года: итоги форсайт-сессии / Под ред. А. Д. Саулина. — М.: ООО «Интеграция: образование и наука», 2017. — URL: <http://eurasia.expert/upload/russia-belarus-foresight-session.pdf>
- Чечевишников А. Л. Феномен Лукашенко и российско-белорусский союз. Т. 3 // Международные процессы. — 2005. — № 1 (7). — Январь-апрель. — С. 107–112.
- Шурубович А. В. Тенденции и проблемы российско-белорусских экономических отношений. — М.: Институт экономики РАН, 2017.

KSENIJA BORISHPOLETS

The Union State of Russia and Belarus: Equal Rights for Citizens – The Solved and Demanding Questions

Ksenia Borichpolets, Ph.D. (Political Science)
Professor, Department of World Politics;
Leading Research Associate, Centre for Post-Soviet Studies,
Institute for International Studies,
Moscow State University of International Relations (University).
E-mail: oksabor@mgimo.ru

¹⁷ В работе Форума также приняли участие депутаты Парламентского Собрания, представители законодательных органов власти государств-участников, органов управления Республики Беларусь и федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь, а также представители субъектов Российской Федерации и Республики Беларусь и руководители предприятий.

Summary. One of the main tasks of the Russia-Belorussian integration is to secure the rights of Russian as well as Belorussian people as citizens of Common State. As of now, both states have developed unified regulatory environment in social and labor legislation. However, normative and law-enforcement practice in some other lines of Russian-Belorussian cooperation in humanitarian sphere stands behind from intensified bilateral cooperation. In this respect there were the problems outlined and additional steps undertaken on enhancing of dedicated provisions of Founders Agreement of Common State (1999). Joint work of both parties on securing the equal rights in the Common State continues at the parliamentary, ministry, agency and municipal level are discussed. The close interaction level between Russia and Belorussia allows solving positively wide range of questions, related to the human dimension of the Russian-Belorussian integration.

Keywords: Russia and Belorussia Common State, integration, citizens' rights, humanitarian cooperation, legislative guaranties.

REFERENCES

- Borishpolets K.P. Sojuznoje Gosudarstvo Rosiji i Belorussiji: Perspektiva Uglublenija Integratsiji [Russia and Belorussia Common State: Prospects for Deeper Integration]. *Vneshnyaja Politika Rossiji, 1991–2016*. [Foreign Policy of Russia: 1991–2016] / Ed. and with Foreword by Academician A. V. Torkunov]. M.: MGIMO Universitet, 2017. (Chapter 3.2)
- Borishpolets K.P., Chernyavsky S.I. Rossijsko-belorusskije otnoshenija: Ugrozy Podlinnyje i Mnimyje [Russia – Belorussia Relations: Real and Fake Threats]. *Vestnik analitiki*. 2012. No. 3.
- Chechevishnikov A.L. Fenomen Lukashenko i Rossijsko-Belorusskij Sojuz [Lukashenko Phenomenon and the Russia – Belorussia Union]. *Mezhdunarodnyje Processy*. Vol. 3. No. 1 (7). January–April 2005. P. 107–112.
- Koktysh K.E. Belorussija v Evropejskom Kontekste // *Mezhdv Vostokom i Zapadom. Ukraina i Belorussija na Evropejskom Prostranstve* [Between East and West. Ukraine and Belorussia in European Space]. Moscow Carnegie Center. Moscow: Gandalf, 2003.
- Koktysh K.E. Peregovory Putina i Lukashenko [Putin – Lukashenko Negotiations]. *MGIMO Experts' Comments*. December 18, 2018. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/peregovory-putina-i-lukashenko/>
- Rapota G.A. Rossija i Belorussija: Prostranstvo Sovmestnoj Gosudarstvennosti [Russia and Belorussia: The Space of Common Statehood]. *Mezhdunarodnaja Zhizn'*. 2015. No. 1. P. 1–13.
- Rossijsko-Belorusskija Otnoshenija v Gorizonte do 2020 goda: Itogi Forsait-Sessiji* [Russia – Belorussia Relations on the 2020 Horizon: Results of the Foresight Session]. Ed. by A. D. Saulin. Moscow: Integratsija, Obrazovanie i Nauka, 2017. URL: <http://eurasia.expert/upload/russia-belarus-foresight-session.pdf>
- Shurubovich A.V. *Tendentsiji i Problemy Rossijsko-Belorusskikh Ekonomicheskikh Otnoshenij* [Trends and Problems of Russia – Belorussia Economic Relations]. Moscow: Institut Ekonomiki RAN, 2017.

К. Е. ПЕТРОВ

Политические последствия процесса выхода Великобритании из ЕС: шотландский и ирландский вопросы¹

Кирилл Евгеньевич Петров, канд. полит. наук,
науч. сотр. Центра глобальных проблем
Института международных исследований.
МГИМО МИД России. E-mail: orkir@mail.ru

Аннотация. В статье описывается политический процесс в Великобритании после референдума о выходе из ЕС, в центре которого находятся непростые и на февраль 2019 г. безрезультатные переговоры правительства консерваторов с ЕС об условиях «Брекзита». Значительное внимание уделено итогам всеобщих парламентских выборов 2017 г., вернувшим в британскую политику жесткую двухпартийность. Статья указывает на очевидную связь «Брекзита» со сбоями в процессе деволюции и появлением новых проблем в отношениях центрального правительства с регионами – Шотландией и Северной Ирландией.

Ключевые слова: Брекзит, деволюция Великобритании, Шотландия, Северная Ирландия, всеобщие выборы 2017 г. в Великобритании.

К началу 2019 г. процесс выхода Великобритании из ЕС, ставший результатом общенационального референдума 2016 г., оказался на грани полного срыва, ведущего ко второму референдуму. Еще большей и зримой угрозой стала возможность неуправляемого хаоса ввиду одновременного падения правительства консерваторов и одностороннего выхода из ЕС без каких-либо новых договоренностей с Брюсселем.

В середине января 2019 г. в британском парламенте прошло обсуждение плана премьер-министра Терезы Мэй, на котором действующее правительство, опирающееся на большинство в парламенте, потерпело одно из крупнейших поражений в истории. То есть, называя вещи прямо, часть депутатов правящей консервативной партии, значительная часть собственной фракции, проголосовали против плана выхода из ЕС премьер-министра Т. Мэй. Одно из важнейших противоречий касалось как раз условий ЕС по сохранению прозрачности границы между Северной Ирландией, выходящей из ЕС вместе с другими регионами Великобритании, и Ирландией, которая является членом ЕС. И Британия, и ЕС однозначно стремились сохранить сухопутную 310-мильную границу¹ в ее нынешнем, прозрачном виде, чтобы не допустить нового витка конфликта в Ольстере. Предлагавшийся парламентариям вариант решения заключался в фактической отсрочке решения о введении физической границы с таможенным декларированием как минимум на два года.

Понимая эти сложности, Т. Мэй максимально отсрочила время голосования по одобрению плана выхода, которое изначально должно было пройти еще осенью 2018 г. Таким образом она надеялась надавить на колеблющихся парламентариев, аргументируя невозможность выработки нового плана отсутствием времени, ведь Британия должна покинуть Евросоюз до новых выборов в Европарламент, в конце марта 2019 г. Лейбористы твердо стоят на позиции сохранения членства страны в ЕС, поэтому отвергли план Т. Мэй. Внутри ее партии раскол оказался сильнее, чем предполагала премьер-министр. Часть депутатов отвергла план как слишком мягкий и не выводящий страну из-под регулирования Брюсселя, другие же сомневаются в необходимости выхода из ЕС и готовы пойти на повторный референдум. В поддержку предложенной премьер-министром сделки с Евросоюзом высказались 202 депутата Палаты общин, против соглашения проголосовали 432 парламентария.

¹ В статье использованы официальные сайты консервативной партии Великобритании (<https://www.conservatives.com/>), лейбористской партии Великобритании (<https://labour.org.uk/>), Шотландской национальной партии, SNP (<https://www.snp.org/>).

После провала в парламенте многие скептики поспешили отправить правительство Т. Мэй в отставку, однако 16 января 2019 г. голосование об отставке правительства провалилось. Таким образом, политическая ситуация на начало февраля 2019 г. в Великобритании напоминает шахматный пат. Глава правительства Т. Мэй не может продать членов Палаты общин на принятие своего плана, но и парламентарии не готовы сделать решительный ход и сместить ее с лидерского поста. Ситуация была бы более понятной и предсказуемой, если бы игроков в партии было два, однако, помимо депутатов и правительства Великобритании, в игре участвует и собственно Еврокомиссия, ведущая переговоры об условиях выхода Великобритании из общеевропейского интеграционного образования, вернее сказать, переговоры идут о минимизации тех потерь, которые понесут экономики [4] и граждане ЕС и Великобритании [1].

Деволуция. Важным следствием подготовки к выходу Великобритании из ЕС стало нарушение медленного процесса деволуции унитарной Великобритании [3], в ходе которого Лондон передавал полномочия от центрального правительства регионам – Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсу. В новой политической реальности после референдума главной головной болью центрального правительства стало достижение выгодной сделки с ЕС о будущих условиях экономического взаимодействия как бы унитарного государства, что, несомненно, не встречает отклика на территории Северной Ирландии и особенно Шотландии, где членство в ЕС стало важной частью самоидентификации – самоуправляемых народов и регионов Европы – и где голосование по вопросу о «Брекзит» однозначно склонилось в пользу сохранения членства в ЕС. Кажется очевидным, что процесс «Брекзит» создаст повышенную асимметрию между деволуционными структурами в Великобритании [3].

Всего за неделю до голосования по вопросу о «Брекзит» такие лидеры и в прошлом премьер-министры страны, как Тони Блэр и Джон Мэйджор, предупреждали, что голосование в пользу выхода из ЕС может серьезно дестабилизировать ситуацию в Северной Ирландии и в Шотландии. Много вопросов возникло в ходе ожесточенных дискуссий в прессе о будущих отношениях Северной Ирландии как с Ирландской Республикой, которая входит в ЕС, так и с остальной частью Соединенного Королевства. «Брекзит» не просто актуализировал вопрос о суверенитете Шотландии, но и поставил его в дополнительный конфликтный контекст. В целом «Брекзит», очевидно, добавил проблем достигнутым в прошлом деволуционным соглашениям. Спустя более чем два года после референдума на сам принцип деволуции оказывается серьезное давление со стороны радикально настроенных оппонентов. Пойдя на поводу у евроскептиков и радикалов в собственных рядах, требовавших всеобщий референдум о членстве в ЕС, консервативная партия решила свои тактические задачи по сохранению у власти, но стратегически усилила линии разлома в британском обществе, в особенности на периферийных территориях.

Шотландский вопрос. В ходе референдума «Брекзит» Шотландия проголосовала за позицию «остаться в ЕС» – 62 % голосов против процедуры выхода. В своем желании остаться вместе с ЕС едины правительство и парламент Шотландии, огромная масса депутатов (в том числе 57 депутатов британского парламента из 59, представлявших Шотландию) и сами жители. Тем не менее вплоть до сегодняшнего момента видимая и серьезная шотландская оппозиция процессу выхода Великобритании из ЕС никак не повлияла на позицию британского правительства на переговорах об условиях предстоящего разрыва с общеевропейским интеграционным образованием.

Согласно имеющимся цифрам социологии, подготовленным *YouGov*, за два прошедших с момента референдума года количество граждан, желающих остаться в ЕС, на территории Шотландии возросло. 66 % респондентов хотели бы, чтобы Великобритания осталась в ЕС. Среди поддерживающих *Шотландскую национальную партию* (далее – партия SNP) и лейбористов число таких людей еще выше – 83 % и 74 %, соответственно.

Следует, однако, учитывать, что подавляющая поддержка курса на сохранение единства со странами ЕС внутри шотландского политического класса не означает автоматической поддержки полной независимости от правительства в Лондоне. Между ответом «да» в отношении независимости и ответом «остаться» по отношению к ЕС имеет место совпадение, но оно не является полным. Сохраняются две различных позиции по двум отдельным вопросам. Вопрос о пределах независимости является более важным для шотландского электората, что не могут игнорировать политические партии и что по-прежнему является драйвером сохранения высокой поддержки партии SNP на выборах всех уровней. По имеющимся социологическим данным, шотландское общество расколото по вопросу нового референдума о независимости, 51 % шотландцев не приветствовали бы решения Н. Стёрджен вновь поднять этот вопрос.

Таким образом, тот факт, что Шотландия проголосовала за позицию «остаться в ЕС», само по себе не оправдывает необходимости скорейшего повторения референдума по вопросу независимости. Первый шотландский референдум в рамках процесса «деволюции», напомним, прошел в сентябре 2014 г., после того как партия SNP с большим отрывом победила на выборах в шотландский парламент в 2011 г. При очень высокой явке, составившей 84,59 %, сторонники полной независимости Шотландии смогли набрать только 44,7 % голосов. Особенно важно помнить, что вопрос об отношениях ЕС не был главным фактором в ходе референдума 2014 г. Тем не менее такой вопрос поднимался в ходе дебатов во время референдума по вопросу о шотландской независимости. По имеющимся социологическим данным, этот вопрос был значительным фактором при принятии решения только для 14 % избирателей и занимал лишь восьмое место среди причин, мотивировавших к голосованию. Ключевой ценностью для 70 % людей, которые проголосовали за независимость Шотландии от Соединенного Королевства, было следование принципу: «все решения о Шотландии должны быть приняты внутри Шотландии».

С другой стороны, в 2014 г. премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон жестко давил на желающих отделиться, заявив, что такое голосование «автоматически» удалит Шотландию из ЕС без каких-либо гарантий в отношении условий возможного будущего членства. Теперь же, несмотря на победу позиции «нет» относительно независимости, Англия на своих плечах выносит Шотландию из ЕС.

Официальная позиция Европейской комиссии заключалась в том, что Шотландии придется снова подавать заявку на членство и закончить процедуру подтверждения соответствия стандартам по аналогии с Хорватией. Шотландское правительство парировало, что Шотландия является частью ЕС с 1973 г., она не может быть исключена. Вместо применения стандартной формы заявки для стран вроде Хорватии в договоры о ЕС следует просто внести поправки, согласно которым Шотландия должна воспользоваться «непрерывностью эффекта», что гарантируют ей те же условия положения в ЕС, которыми в настоящее время пользуется Великобритания. То есть Шотландия или часть ее политического класса хотела бы остаться в ЕС правопреемницей Великобритании.

Тем не менее конституционные изменения, проистекающие из процесса «Брекзит», и их последствия для обязательств, взятых сторонами в рамках конвенции о разграничении полномочий между центральным парламентом Великобритании и парламентами ее отдельных частей (т. н. Sewel Convention²), плохо сочетаются с тем практическим обстоятельством, что правительство Великобритании игнорирует позицию Шотландии в ходе переговоров с ЕС об условиях выхода. Это особенно верно, учитывая, что «Брекзит» влияет на систему правительства Шотландии вопреки желаниям Шотландии, что противоречит принципу «суверенного права шотландского народа определять форму правительства, наиболее подходящую для его нужд».

В 2016 г. правящая шотландская партия SNP выпустила манифест, согласно которому шотландский парламент должен иметь право провести еще один референдум [по вопросу независимости], если есть четкие и устойчивые доказательства того, что независимость стала предпочтительным вариантом для большинства шотландского народа — или если есть существенные изменения в обстоятельствах по сравнению с ситуацией 2014 г., такие как Шотландия, выведенная из состава ЕС против ее воли».

В марте 2017 г. глава правительства Шотландии Никола Стёрджен (SNP) подтвердила свою позицию и заявила о поддержке второго референдума, прямо привязав свое желание провести плебисцит к процессу выхода из ЕС без учета мнения Шотландии³. Очевидно, что кабинет министров во главе с Терезой Мэй высказался резко негативно. Однако лидер лейбористов Джереми Корбин сказал, что его партия не будет препятствовать проведению повторного референдума.

Ирония в том, что для проведения второго референдума Шотландии необходимо одобрение центрального правительства. Голосование вряд ли может пройти до того, как «Брекзит» будет законодательно оформлен. Стёрджен рассчитывает получить право на подготовку референдума после того, как «Брекзит» будет завершен в 2019 г. Таким образом, на горизонте 2020–2022 гг. можно ожидать второго шотландского референдума, причем напряжение в южных регионах Шотландии, тяготеющих к Англии, будет нарастать.

² По подсчетам BBC граница сейчас имеет 208 только формальных переходов. См.: Q&A: The Irish border Brexit backstop // BBC News, December 13, 2018. — URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-politics-44615404>

³ Саммит ЕС одобрил данный принцип в отношении Ирландии. См.: EU leaders agree UK's Brexit deal at Brussels summit // BBC News, November 25, 2018. — URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-46334649>

Ирландский вопрос. Ключевым вопросом в отношении будущего Северной Ирландии в свете процесса «Брекзит» является вопрос о введении таможенных платежей и о физическом обустройстве новой границы, которая теоретически должна возникнуть на острове Ирландия⁴. Республика Ирландия, которая является членом ЕС, привыкла к фактически единой экономике разделенного политически острова. Именно она в наибольшей степени может пострадать от развода Великобритании и ЕС.

Лондон в свою очередь не хочет рисковать возобновлением насилия на этнорелигиозной почве. Это означает, что он не хочет строительства новой полноценной границы («жесткой границы», в терминологии кабинета Т. Мэй) между собственно Республикой Ирландия и северной частью острова Ирландия, входящей в Соединенное Королевство. В Лондоне отдают себе отчет, что не стоит трогать механизм деэскалации и нормализации, работающий больше 20 лет, и будить радикальные силы ирландского национализма.

Тем не менее вопрос будущего обустройства границы для правительства Мэй не является простым, поскольку ее союзниками по правящей коалиции в парламенте как раз и являются североирландские юнионисты в составе фракции из 10 депутатов — партия DUP, которые панически боятся увидеть временную или постоянную морскую границу с Британией.

Поначалу Лондон считал, что ЕС просто даст им наиболее выгодные условия и даже не попросит устанавливать новые торговые режимы на границе с Ирландией, то есть в этом вопросе Великобритания покинет ЕС, но без реальных изменений. Однако выяснилось, что ЕС вовсе не склонен делать поблажки партнеру. Тогда в Лондоне стали активно коммуницировать идею установления системы проверок в портах и аэропортах при передвижении товаров и людей между Северной Ирландией и собственно островом Британия. Это предложение было в штыки встречено партией DUP, которая возмущена тем, что центральное правительство хочет устроить преграды на пути сообщения именно с основной частью государства.

Наконец, осенью 2018 г. была достигнута договоренность, что по вопросу границы в Ирландии будет сделана отсрочка от основного соглашения, чтобы фактически оставить Северную Ирландию внутри таможенной зоны ЕС как минимум до 2020 г. Однако, как мы знаем, в январе 2019 г. британский парламент отказался принять план Т. Мэй и неопределенность вокруг вопроса обустройства границы или вынесения вопроса в особый порядок сохраняется.

Каким бы ни было итоговое решение, приходится учитывать позиции как партии Шинн Фейн (политическое крыло ирландских националистов в Северной Ирландии), так и собственно Ирландии, которая дает понять, что не допускает введения полноценной границы на самом острове. У фракции DUP, казалось бы, оставались значительные возможности для манипулирования позицией правящей партии, однако после того как Т. Мэй недосчиталась сразу 100 голосов в январе 2019 г., говорить о критическом значении 10 голосов фракции DUP не приходится.

Можно предположить, что Лондон ни в коем случае не пойдет на разморозку ирландского вопроса (вопроса объединения Северной Ирландии с Республикой Ирландия). То есть никоим образом не захочет собственными действиями по установлению «жесткой границы» вернуть призраки кровопролития на ирландскую землю. Скорее всего, DUP придется отступить в своих требованиях. Так или иначе североирландский вопрос оказался весьма хитроумной ловушкой, о которой в момент проведения референдума никто особо не задумывался, а теперь любое решение Лондона и центрального правительства будет иметь те или иные негативные политические и экономические последствия.

Британский политический процесс в свете «Брекзит». Очевидно, что уже более двух лет весь британский политический процесс строится вокруг переговоров об условиях выхода страны из ЕС [5] и, соответственно, вокруг руководства этим процессом, которое пока принадлежит партии консерваторов. Наиболее внятные последствия референдума о выходе из состава ЕС состоят в возврате к четкой двухпартийной системе (лейбористы — консерваторы) и уходе с политической сцены *Партии независимости Соединенного Королевства* (UKIP).

Выход из Европейского Союза обостряет внимание к социально-экономическим проблемам, что негативно сказывается на поддержке национальных партий и SNP, в частности. С другой стороны, повышается внимание к проблемам конституционного устройства, но здесь мяч на стороне консерваторов, которые раньше заигрывали с SNP, небезосновательно рассчиты-

⁴ См. социологический опрос службы YouGov, доступный здесь: URL: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/ftpvjhppow/ScotlandinUnion_Results_June18_Client_2_website.pdf

вая с ее помощью выбить лейбористов из шотландских избирательных округов, а теперь, резко поменяв тактику, становятся главным соперником SNP в Южной Шотландии — регионе, наиболее интегрированном в экономику центральной Британии. Реалистично не ждать быстрых решений консерваторов относительно этих вопросов. Каким бы ни был результат переговоров по «Брекзит» с точки зрения отношений между Великобританией и ЕС, Великобритания должна будет найти новое стабильное равновесие для структур внутреннего управления. Пока в отношениях с регионами Лондону далеко до баланса. Это отчетливо показали всеобщие выборы 2017 г., результат и ход которых мы разберем подробнее.

Внеочередные выборы в Палату общин парламента Великобритании состоялись 8 июня 2017 г., то есть спустя всего год после «одного из наиболее значительных событий в современной политической истории Британии и ЕС» [4] — общенационального референдума, на котором было принято решение о выходе из ЕС. Избирались все 650 депутатов нижней палаты по мажоритарной системе в 650 избирательных округах.

Напомним, что очередные парламентские выборы в Британии должны были состояться в 2020 г. Более того, премьер-министр от консервативной партии Тереза Мэй неоднократно после занятия этой должности в июле 2016 г. опровергала слухи о возможности назначения досрочных выборов. Поэтому ее решение о назначении таковых, объявленное ею 18 апреля 2017 г., оказалось неожиданным для всех, в том числе для сторонников ее партии, оказавшихся во многом просто не готовыми к скоротечной кампании. Официально она пояснила, что для проведения сложных переговоров по условиям «Брекзит» с Евросоюзом и их законодательного обеспечения в парламенте необходимо стабильное и прочное большинство.

Досрочные выборы были возможны лишь при поддержке двух основных партий парламента, но поддержку решения обеспечили все партии, кроме SNP. Уже 19 апреля парламент подавляющим большинством (522 против 13 голосов) поддержал назначение выборов. Воздержалась только *Шотландская национальная партия* (SNP), находившаяся на спаде и потерявшая значительную часть избирателей после триумфа на выборах 2015 г. во многом, как оказалось, из-за системного провала партии лейбористов. Однако именно борьба за власть внутри партии сподвигла лейбористов поддержать решение Т. Мэй — партийная элита надеялась обвинить затем в провале своего лидера Джереми Корбина, придерживающегося крайне левых, граничащих с радикальными, взглядов. Корбин же надеялся использовать выборы для устранения основных конкурентов внутри партии. Либерально-демократическая партия — главный неудачник выборов 2015 г. надеялась, что сможет немного поправить свое положение минорной партии.

Избиратели, несмотря на усталость от череды политических кампаний, в целом также поддерживали идею Т. Мэй. Выборы 2017 г. традиционно проходили в 650 округах, которые распределялись следующим образом: 533 — в Англии; 59 — в Шотландии; 40 — в Уэльсе; 18 — в Северной Ирландии.

На момент старта кампании в Британии было зарегистрировано 45 млн 766 тыс. избирателей. Ко дню выборов число избирателей возросло примерно на 1 млн человек. В среднем по стране численность избирателей в округе, отправляющем всегда только одного депутата в национальный парламент, составляла 72 041 (в Англии — 73 728, в Уэльсе — 57 454).

К началу новой кампании консервативная партия обладала абсолютным большинством в парламенте (331 депутатское кресло из 650 доступных). При этом наличие в партии значительных расхождений во взглядах на процедуру «Брекзит» серьезно затрудняло премьер-министру маневр и принятие законов, связанных с этим процессом. Именно этими проблемами Мэй и объяснила свое решение о досрочных выборах.

Одним из решающих факторов в принятии решения о досрочных выборах стало фактическое уничтожение *Партии независимости Соединенного Королевства* (UKIP). После референдума 2016 г. партия потеряла свою цель. В добровольную отставку ушел харизматичный лидер Найджел Фарадж, попытки найти нового лидера привели к постоянной смене руководства и массовому оттоку членов партии. К выборам 2017 г. порвал с партией единственный ее представитель в парламенте (Дуглас Карсвелл), а основной спонсор г-н Бэнкс отказался от ее финансирования. Считалось, что практически весь электорат UKIP перетечет к консерваторам.

Практически все многотиражные СМИ, традиционно поддерживающие консерваторов, горячо приветствовали решение Мэй о проведении выборов в таких условиях. Заголовки и обложки консервативной прессы были весьма агрессивными и обещали тяжелое поражение как соперникам консерваторов, так и внутренней оппозиции во фракции самих тори (см. иллюстрации с обложками газет *Daily Mail* и *The Sun* ниже).

Источник иллюстраций: Daily Mail, The Sun.

Главный смысл предвыборной кампании правящей партии заключался в противопоставлении «сильного и стабильного правительства» партии консерваторов «коалиции хаоса» (лейбористов и шотландской SNP).

Источник: официальный сайт Консервативной партии.

Важно отметить, что тема прохождения процесса выхода из ЕС была важнейшей исключительно для избирателей консерваторов. В то время как избирателей их соперников (лейбористов, либеральных демократов и шотландских националистов) больше волновали другие вопросы.

Особый интерес представляет кампания в Шотландии. Партия SNP находилась на спаде после нескольких лет небывалого энтузиазма шотландских националистов, вызванного самим фактом проведения референдума о независимости и последующей за этим общенациональной кампании 2015 г., к которой партия смогла серьезно нарастить свою численность и проводила масштабные массовые мероприятия. Теперь же, находясь у власти в Шотландии более пяти лет, партия Стёрджен была вынуждена расплачиваться своими рейтингами за непопулярные решения местного правительства. Изначально партия заняла защитные позиции, понимая, что не сможет отстоять все округа, полученные на прошлых всеобщих выборах.

В социальных сетях лидер SNP использовала предвыборное заявление Т. Мэй, чтобы агитировать шотландцев вступать в свою партию и голосовать за нее. *«Это важнее, чем когда-либо раньше — выбор в том, чтобы встать на сторону Шотландии, перед лицом правого, одержимого строгостью правительства тори без какого бы то ни было мандата на власть в Шотландии, но которое почему-то считает, что оно может делать все, что ему захочется»*, — написала она.

С точки зрения Стёрджен, объявление досрочных выборов — большая политическая ошибка Мэй. Тем не менее Стёрджен объездила фактически все избирательные округа Шотландии, особое внимание сосредоточив на юге, более тяготеющем к сохранению Великобритании. Поездки не принесли желаемого эффекта, именно в этих округах SNP потеряла наибольшее число мест. Одной из особенностей этих выборов в Шотландии стало то, что впервые за последние десятилетия консерваторы обошли лейбористов по рейтингам, выйдя на второе место после SNP и составив той основную конкуренцию.

Консерваторы в Шотландии построили свою кампанию скорее не на личностях кандидатов, а на запугивании шотландцев (особенно юга региона, который несколько лет назад голосовал скорее против независимости Шотландии) возможностью второго референдума о выходе из Британии в случае успеха SNP. В прицеле критики была политика Стёрджен, а главной угрозой — новый референдум в случае победы ее партии. Мотором кампании консерваторов в Шотландии стала Рут Дэвидсон, которой прочат большое будущее в руководстве Консервативной партии в целом.

Проведя неяркую, механическую кампанию, консерваторы потеряли абсолютное большинство, новый парламент оказался «подвешенным». В общей сложности они потеряли 13 мест и контролируют 317 депутатских кресел, а лейбористы приобрели 30 мест, доведя число депутатов до 262. Фракция SNP сократилась до 35 человек, партия потеряла сразу 21 депутатское кресло. Либеральные демократы получили символическую прибавку к своей фракции в виде 4 депутатов, доведя ее до 12 человек. В *Таблице* ниже указаны результаты и позиции основных партий относительно «развода» с ЕС.

Таблица

Позиции основных партий нового парламента Великобритании

Партия	Лидер	Позиция по вопросу «Брекзит»	Места в парламенте	Изменение в общей доле голосов по сравнению с 2015 г., %
Консерваторы	Тереза Мэй	Жесткий «Брекзит» ⁵	317	+5,5
Лейбористы	Джереми Корбин	Сначала рабочие места ⁶ , потом «Брекзит»	262	+9,5
Шотландская национальная	Никола Стёрджен	Мягкий «Брекзит»	35	–1,7
Либеральные демократы	Тим Фаррон	Мягкий «Брекзит»	12	–0,5
UKIP	Пол Наттолл	Жесткий «Брекзит»	0	–10,8

Консервативная партия получила болезненный результат в Англии, где она потеряла 22 депутатских кресла. Сохранить свое относительное большинство она смогла за счет неожиданно высокого результата в Шотландии, где впервые обошла лейбористов и заняла второе место после SNP, приобретя там дополнительно 12 кресел.

В то же время основной приток голосов лейбористов произошел за счет консерваторов, голосовавших против «Брекзит». Консерваторы неоправданно рассчитывали на автоматическое

⁵ Forward Together: Our Plan For A Stronger Britain And Prosperous Future. The Conservative and Unionist Party Manifesto 2017. — URL: <https://www.conservatives.com/manifesto>

⁶ For the Many Not the Few. The Labour Party Manifesto 2017. — URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/labour-manifesto-2017.pdf>

перетекание голосов лейбористов за счет проголосовавших за выход из ЕС. Оказалось, что недовольство политикой Евросоюза не означало автоматического переключения на позиции консерваторов.

Значимый просчет консерваторов был связан с надеждами на автоматическое переключение на них всех избирателей разгромленной UKIP. Однако часть избирателей партии евроскептиков из числа «синих воротничков» вернулась к традиционному голосованию за лейбористов.

В итоге сформировать новое правительство консерваторы во главе с Т. Мэй смогли лишь при поддержке *Демократической юнионистской партии* (DUP), получившей 10 депутатских кресел в Северной Ирландии. Этот факт будет играть важную роль при переговорах о границе Ирландии, так как юнионисты боятся остаться внутри таможенного союза с Ирландией и получить затруднения при торговле с основным островом.

По результатам кампании Тереза Мэй и ее партия не только осложнили внутривнутриполитическую ситуацию, но и ослабили свои позиции как внутри страны, так и на международной арене. Как и предполагалось экспертами, сложности в ходе переговоров об условиях сотрудничества с ЕС после выхода Великобритании из союза привели к правительственному кризису. Очевидно, что результат выборов ослабил позиции консерваторов в переговорах с ЕС. Мандат доверия консерваторам выглядит все более сомнительным. И жесткий, и мягкий варианты «Брекзита» в 2017–2018 гг. по-прежнему оставались лишь умозрительными формулами без конкретного содержания. ЕС контролировал ход переговоров и оказался способен эффективно настаивать на выгодных ему условиях развода с Британией, что подрывало позиции Т. Мэй среди ее однопартийцев и политического класса вообще.

Всеобщие выборы 2017 г. усилили двухпартийность в Великобритании и фактически привели к обнулению поднимавшейся «третьей силы», каковой была *Партия независимости* (UKIP) с ее нарочито евроскептической позицией и желанием максимально жесткого сценария «Брекзита». Две главные партии (тори и лейбористы), которые обещали уважать результаты референдума, но одновременно были глубоко разобщены внутренне по вопросу будущих отношений с ЕС, получили в итоге наибольшую совокупную долю голосов с 1970 г. [4].

Социально-демографический анализ результатов выборов выявил рекордный разрыв во взглядах между старшим и младшим поколением. Если еще в 1990-е гг. разрыв между возрастными категориями 18–24 года и «65 плюс» не составлял и 20 % и даже сокращался к «нулевым» годам, то с выборов 2010 г. он неизменно растет. Всего за 7 лет он вырос с 14 до рекордных 83 %.

Между тем, отмечается тенденция стирания разрыва между политическими пристрастиями представителей социальных групп. Например, на выборах 1976 г. 56 % представителей среднего класса голосовали за консерваторов и лишь 19 % — за лейбористов, в то время как 57 % рабочего класса голосовали за лейбористов и 22 % — за консерваторов. Затем доля среднего класса, поддерживающего тори, шла на убыль, в то время как доля рабочих, голосовавших за них, росла. На выборах 2017 г. впервые средний класс разделился ровно пополам, поддержав в равной доле две основные партии. В то же время второй раз в истории число квалифицированных рабочих, проголосовавших за тори, превысило тех, кто поддержал лейбористов (44 на 39 %). Представители неквалифицированных рабочих все еще голосуют за лейбористов (46 % против 34 %), но и среди них заметен рост поддержки консерваторов.

Почти наверняка данный феномен объясняется поляризацией общества по вопросу о «Брекзита». Так, средний класс в значительной степени выступает против выхода из ЕС, а многие «синие воротнички» или близкие к ним категории — за.

Успех консерваторов в Шотландии обнажил серьезные проблемы внутри *Шотландской национальной партии*, которая после референдума по «Брекзиту» рассматривала возможность проведения повторного референдума о независимости региона. Именно этот вопрос мобилизовал юнионистов для голосования за тори. Но лидер SNP Н. Стёрджен не скрывает своих намерений дождаться наступления последствий «Брекзита», чтобы снова активизировать движение сепаратистов. Скорее всего, до этого момента дальнейших заявлений SNP не пойдет. В настоящее время и на ближайшую перспективу вопрос конституционного строительства в Шотландии будет увязан с будущей ролью Шотландии в ЕС.

KIRILL PETROV

Brexit and Its Political Implications: the Cases of Scotland and Northern Ireland

Kirill Petrov, PhD (Political Science), Research Fellow,
Center for Global Problems, Institute for International Studies,
MGIMO University. E-mail: orkir@mail.ru

Summary. The article describes the political process in the UK after the referendum on leaving the EU. Unsuccessful at least until February 2019 negotiations between the Conservative government and the EU are at the center of the process. Considerable attention is paid to the results of the general parliamentary elections of 2017, which brought the decline of multi-party politics. The article points to Brexit's obvious connection with disruptions in the process of devolution and the emergence of new problems in the central government relations with the regions: Scotland and Northern Ireland.

Keywords: Brexit, United Kingdom politics, devolution in the United Kingdom, Scotland, Northern Ireland, 2017 UK general election.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Benton M., Ahad A., Benson M., Collins K., McCarthy H., O'Reilly K. *Next Steps: Implementing a Brexit Deal for UK Citizens Living in the EU-27. Project Report*. Brussels: Migration Policy Institute Europe, April 2018. 50 p. — URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/implementing-brexit-deal-uk-citizens-eu>
2. Gravey V., Burns C., Carter N., Cowell R., Eckersley P., Farstad F., Jordan A., Moore B. and Reid C. *Northern Ireland: Challenges and opportunities for post-Brexit environmental governance*. Brexit & Environment, October 2018. 32 p. URL: <https://www.brexitenvironment.co.uk/wp-content/uploads/2018/10/BrexitEnvNIREport.pdf>
3. Greer A. Brexit and Devolution. *The Political Quarterly*. Vol. 89. No. 1. January–March 2018. P. 134–138. DOI: 10.1111/1467-923X.12442
4. Hobolt S. B. Brexit and the 2017 UK General Election. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2018. Vol. 56. Annual Review. P. 39–50. DOI: 10.1111/jcms.12751
5. Plomien A. Introduction: UK's Membership of the EU: Brexit and the Gains, Losses and Dilemmas for Social Policy. *Social Policy and Society*. 2018. Vol. 17. No. 2. P. 259–264. DOI: 10.1017/S1474746417000549

И. Н. ЩЕРБАК

Вызовы европейской стабильности и роль антикризисного потенциала ОБСЕ в управлении кризисными ситуациями

Игорь Николаевич Щербак, канд. ист. наук,
вед. науч. сотр. Института международных
исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Института Европы РАН;
Чрезвычайный и Полномочный Посол.
E-mail: inshcherbak@gmail.com

Аннотация. В статье акцентирована важность повышения эффективности кризисных механизмов ОБСЕ в условиях эрозии стратегической стабильности на европейском континенте в результате беспрецедентного ухудшения отношений между Россией и Западом. Особое внимание уделяется модернизации антикризисного потенциала ОБСЕ и поддержанию диалога между Западом и Россией, включая создание консультативной платформы в рамках ОБСЕ для обсуждения чрезвычайных ситуаций. Автор предлагает принять ряд мер доверия в целях восстановления диалога и нахождения путей урегулирования кризисных ситуаций. В таком контексте важная роль может быть отведена комплексным миссиям по поддержанию мира, которые целесообразно создать под эгидой ОБСЕ.

Ключевые слова: Управление кризисными ситуациями, меры доверия, платформа для обсуждения чрезвычайных ситуаций, комплексные миссии по поддержанию мира, модернизация антикризисного потенциала ОБСЕ.

На фоне нарастающей нестабильности и непредсказуемости в отношениях между Западом и Россией все более востребованной представляется роль ОБСЕ как важной платформы ведения диалога между государствами-членами в целях преодоления конфронтационных противоречий и обеспечения стабильной и предсказуемой обстановки на континенте. Особенно это важно в условиях, когда внешняя политика и антикризисные стратегии становятся объектами поведенческого подхода узкого круга лиц, принимающих ответственные политические решения, связанные с применением оружия, прежде всего ядерного. Достаточно в этом контексте сослаться на заявление президента США Д. Трампа о намерении США выйти из Договора РСМД и тем самым открыть шлюзы для новой гонки ядерных вооружений с самыми непредсказуемыми последствиями для европейской безопасности. По оценкам многих экспертов, разрушение этого Договора без разработки более продвинутого многостороннего соглашения по ограничению и ликвидации этого вида ядерных вооружений (с возможным включением в него наряду с РФ и США Китая, а также других стран, обладающих значительным потенциалом РСМД) серьезно осложнит задачу эффективного контроля за ядерными потенциалами ведущих ядерных государств и резко усилит опасность возникновения ядерного конфликта в силу ошибки, просчета или случайного стечения непредвиденных обстоятельств.

За последние десятилетия ОБСЕ разработала целый комплекс мер доверия, регулирующий ключевые сферы межгосударственного сотрудничества: Хельсинкский акт 1975 г., Парижская Хартия для новой Европы 1990 г., Хельсинкский документ 1993 г., Документ Стокгольмской конференции по мерам доверия 1984 г., Кодекс поведения, касающийся военно-политических аспектов безопасности, 1994 г., Венский документ о мерах доверия и безопасности 2011 г., «Первоначальный перечень мер доверия в рамках ОБСЕ с целью снижения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий» 2013 г. и т. д. В последнем документе содержалось важное положение об обмене информацией по мерам дове-

рия по линии компетентных органов по всей триаде угроз в сфере международной информационной безопасности (военно-политического, криминального и террористического характера).

Предупреждение конфликтных ситуаций и строительство прочного мира — центральный мандат ОБСЕ. Организация располагает необходимым инструментарием для разрешения всех фаз конфликтного цикла, который включает раннее предупреждение, управление кризисной ситуацией, постконфликтное восстановление и примирение. Если говорить о постконфликтной стадии, то деятельность ОБСЕ концентрируется в основном на восстановлении и примирении. Согласно концептуальным подходам Организации, основная цель комплекса вышеперечисленных взаимосвязанных мер — не допустить возобновления напряженности и насилия. При этом условием эффективности антикризисной дипломатии ОБСЕ является опора на местные инициативы в зоне конфликта в рамках существующих политических и общественных структур и практик. Этот подход детально отражен в уже упомянутой концепции ОБСЕ по поддержанию устойчивого мира и в Решении № 3/11 Совета министров ОБСЕ (2011 г.).

В частности, он подразумевает, что поддержание устойчивого мира требует принятия мер, направленных на снижения риска втягивания государств в кризисную ситуацию путем укрепления национального потенциала по управлению конфликтами на всех уровнях. Эти меры должны быть всеобъемлющими и адаптированными под специфические нужды пострадавших стран¹.

Согласно положениям аналитического исследования, подготовленного независимыми экспертами под эгидой Центра ОБСЕ по предотвращению конфликтов, ОБСЕ поддерживает и оказывает содействие государствам в создании специальной инфраструктуры, которая обеспечивает эффективное функционирование национального потенциала по управлению кризисными ситуациями. Речь идет о консультативных платформах, посреднических организациях, сетевых общественных структурах, а также об инициативах по предотвращению конфликтов. При этом особое внимание уделяется вовлечению местных общественных кругов в деятельность этих посреднических структур и процесс принятия политических решений на национальном и муниципальном уровнях по преодолению кризисных ситуаций. В этих целях Организация обладает необходимой структурой соответствующих институтов — Верховным комиссаром по национальным меньшинствам, Офисом по демократическим институтам и правам человека и Представителем по свободе прессы [2, р. 10].

Следует отметить, что в плане предотвращения и управления конфликтами на европейском континенте ОБСЕ имеет ряд неоспоримых преимуществ как уникальная и инклюзивная организация, в которую входят все без исключения европейские государства. По мнению некоторых экспертов, такая организация в принципе может эффективно решать задачи, не только связанные с предотвращением кризисов, но и — что более важно — недопущением возобновления кризисной ситуации. В этом контексте в пользу ОБСЕ работают такие важные факторы, как возможность через механизмы организации и инструменты посредничества оказывать воздействие на поведение и имидж конфликтующих сторон с целью недопущения конфликта или его возобновления, примирения сторон и изменения агрессивного поведения сторон и даже ошибочного представления политических элит о своих национальных интересах (подчас именно этот момент лежит в основе большинства современных кризисных ситуаций) [1].

Возросшее влияние ОБСЕ на управление кризисными ситуациями в Европе признают и в экспертном сообществе ЕС. Так, отмечается, что в условиях регионализации европейской безопасности усиливается роль таких региональных объединений, как ОБСЕ, которые уже составляют конкуренцию ЕС в плане эффективности антикризисного управления, в том числе на уровне полевых миссий. Одновременно делается вывод о том, что ЕС с учетом финансовых проблем необходимо укреплять партнерские отношения с ОБСЕ и в определенных случаях делегировать свои полномочия при проведении антикризисных операций [4, р. 145].

В нынешних условиях ухудшения отношений между ЕС и Россией реальные возможности ОБСЕ по антикризисному управлению объективно снижаются. Неудивительно, что, когда в кризисной ситуации обострения отношений потребовалось задействовать меры доверия и начать консультативный процесс по минимизации рисков для европейской безопасности, ОБСЕ оказалась не в состоянии использовать накопленный годами антикризисный потенциал мер доверия.

Кризис доверия, охвативший ОБСЕ, привел к тому, что Организация не смогла согласовать

¹ Ministerial Council Decision No 3/11 on elements of the conflict cycle, related to enhancing the OSCE's capacities in early warning 6 early action, dialogue facilitation and mediation support, and post — conflict rehabilitation. 7 December 2011. — URL: <https://www.osce.org/mc/86621?download=true>

на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ 7 декабря 2017 г. крайне важный в контексте нынешней напряженной ситуации проект об укреплении стратегической стабильности и тем самым сохранить возможность для диалога по актуальным вызовам европейской безопасности. И это, несмотря на то что на том же заседании тройка сопредседателей (Германия, Австрия, Италия) выразили в совместном заявлении обеспокоенность тревожным развитием ситуации на пространстве ОБСЕ, которое углубляет недоверие, порождает конфликты и нестабильность в странах ОБСЕ². Причиной такой ситуации стали разногласия в позициях Запада и России вокруг интерпретации хода выполнения Минских соглашений. Западные страны возлагают ответственность за их невыполнение на российскую сторону, а Москва считает, что Киев саботирует соглашения.

События, связанные с инцидентом в Солсбери и последующим за этим беспрецедентным дипломатическим скандалом (масштабная высылка дипломатов с обеих сторон), а также введением необоснованных масштабных торгово-экономических санкций против России, показали, что даже драматическое ухудшение ситуации в Европе не привело к задействованию антикризисных механизмов ОБСЕ (Центр по предотвращению конфликтов, возможность созыва чрезвычайного заседания СМВД ОБСЕ и т. д.). Антикризисный потенциал ОБСЕ оказался практически парализованным в этой крайне напряженной обстановке без каких-либо перспектив на её урегулирование.

Более того, в условиях коммерциализации и политизации СМИ наметилась опасная тенденция целенаправленного использования ложных новостей и обвинений для раскручивания информационных войн в целях консолидации внутренней стабильности и продавливания внешнеполитических интересов в ущерб региональной и международной стабильности. Ряд авторитетных западноевропейских специалистов отмечают, что информационные войны создают проблемы для безопасности и стабильности самих критически важных для государств информационных структур со всеми негативными последствиями для европейской безопасности [3, p. 125].

Как представляется, интересы сохранения стратегической стабильности в Европе делают актуальным вопрос о модернизации и адаптации антикризисных механизмов и структур к нынешним вызовам. В условиях, когда наработанный ОБСЕ комплекс мер доверия практически не выполняет свою роль из-за глубоких разногласий по линии Россия — Запад, следовало бы в качестве промежуточного шага пойти на оперативное согласование нескольких мер, которые бы не только восстановили доверие, но и предотвратили бы выход нынешней ситуации из-под контроля.

Как представляется, речь могла бы идти о принятии СМВД ОБСЕ специальной декларации о создании платформы под эгидой СМВД для проведения срочных консультаций в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, создающих угрозу европейской и международной безопасности, с целью нахождения оптимальных путей их урегулирования. Ключевым элементом этой декларации было бы учреждение при председательстве ОБСЕ Рабочей группы для детальной проработки механизма созыва и функционирования консультационной платформы.

Применительно к нынешней ситуации конструктивной работе над декларацией способствовало бы незамедлительное достижение договоренности в рамках СМВД о принятии ряда дополнительных мер доверия, которые могли бы разрядить уже на данном этапе сложившуюся неблагоприятную обстановку:

- во-первых, ОБСЕ должна высказаться в пользу восстановления коммуникационных линий и реального официального диалога, как в рамках Организации, так и между ЕС, США и Россией по ключевым вопросам стратегической безопасности и предотвращения кризисных ситуаций;

- во-вторых, развивать недавно созданный т. н. структурированный диалог — неформальную открытую платформу для обсуждения вопросов в области укрепления доверия, снижения рисков и контроля над вооружениями;

- в-третьих, задействовать предусмотренный Венским документом 2011 г. механизм консультаций в связи с необычной военной деятельностью и в отношении опасных инцидентов военного характера в целях снижения рисков военной конфронтации;

- в-четвертых, уделять особое внимание укреплению кибербезопасности на пространстве ОБСЕ и снижению потенциальных рисков военных конфликтов в результате неправомерного

² Главы МИД ОБСЕ обсудили в Вене решение конфликтов в условиях кризиса доверия // ТАСС. Международная панорама. — 2017. — 8 декабря.

использования информационных и коммуникационных технологий, а также информационных войн.

Современная ситуация в Европе требует существенной модернизации антикризисных возможностей ОБСЕ, позволяющей Организации эффективно решать задачи управления кризисами и их последующего урегулирования.

С учетом того, что в рамках «нормандской четверки» и в ОБСЕ предметно обсуждаются различные варианты развертывания комплексной миссии ООН – ОБСЕ в поддержку минского процесса, было бы целесообразно взвесить возможности ОБСЕ в участии совместно с ООН в комплексной миротворческой миссии или проведении ее на самостоятельной основе. Еще Хельсинский документ (пп. 20 и 25) предусматривал возможность проведения ОБСЕ операций по поддержанию мира. В данном документе содержался свод принципов, регулирующих проведение таких операций: ОПМ ОБСЕ не предусматривает применение силы; требуется консенсус всех прямых участников конфликта; нейтральность таких операций; ОПМ не должны являться альтернативой поиску переговорных политических решений по урегулированию конфликтов.

Эрозия стратегической стабильности на европейском континенте во многом связана с практическим отсутствием системных механизмов по предотвращению и урегулированию конфликтов. Известно, что элементы таких механизмов имеются в распоряжении ЕС и ОБСЕ. Но они практически не были задействованы в кризисных ситуациях в Европе (конфликт на востоке Украины и грузино-югоосетинский конфликт 2008 г.). В основном этот процесс идет либо через прямые контакты между европейскими лидерами (переговоры по «горячим линиям»), либо посредством многосторонних форматов («нормандская четвёрка») или двусторонних инициатив (Медведев – Саркози). Можно говорить о том, что кризисное управление на европейском континенте осуществляется в ручном режиме и поэтому во многом находится под влиянием субъективных факторов – национальных и блоковых приоритетов, различной интерпретации геополитических рисков, внутривнутриполитических соображений. Негативные последствия смещения акцентов в кризисном управлении на самый верхний уровень политической иерархии без участия существующих антикризисных механизмов ОБСЕ очевидны – это меньший объем информации для принятия оптимальных решений, потеря оперативности в реакции на кризисную ситуацию и контроля над ее сдерживанием.

Важно также учитывать, что ОБСЕ будет в перспективе иметь дело с множеством кризисных ситуаций, связанных в том числе с изменением геополитического и геоэкономического баланса, масштабными стихийными бедствиями, экологическими катастрофами, проблемами кибербезопасности, терроризмом, гибридными формами применения силы, масштабной миграцией, информационными войнами и т. д. В этом плане ручное управление кризисными ситуациями становится все менее адекватным ответом на новые вызовы. Задействование антикризисных механизмов ОБСЕ и ЕС, в том числе с опорой на технологии блокчейна, в сочетании с инициативами европейских лидеров могли бы исправить ситуацию в сфере антикризисного управления.

Назрел вопрос о проработке в ОБСЕ возможных моделей сложных миротворческих миссий в кризисных регионах, которые в качестве своих основных элементов имели бы полицейский и военный компоненты. По сути, речь идет о применении сложившихся в практике ООН вариантов комплексных ОПМ в практике ОБСЕ. И у ОБСЕ уже имеется определенный опыт участия в комплексных миссиях, сочетающих элементы миростроительства и предотвращения конфликтов. В частности, речь идет о следующих параметрах миссий ОБСЕ:

- осуществление мониторинга и контроля за прекращением огня (миссия по контролю за прекращением огня в Косово, мониторинговая миссия на Украине, миссии в Молдавии и в Грузии);
- взаимодействие с силами по поддержанию мира и с объединёнными военными комиссиями (миссии в Молдавии, Грузии, на Украине, в Косово, Боснии-Герцеговине);
- мониторинг границ (миссия в Грузии, миссия наблюдения на пограничных пунктах со стороны Российской Федерации – Гуково, Донецк);
- мониторинг территорий между сторонами в конфликте и составление периодических докладов о ситуации безопасности в зоне конфликта (миссии в Грузии и на Украине);
- защита гуманитарной помощи и беженцев (миссии в Хорватии и Косово);
- поддержка процессов мирного политического урегулирования путем посредничества и диалога на основе мер доверия (миссии в Скопье, Молдавии, Грузии).

Наиболее значимый опыт в сфере взаимодействия с военными структурами сторон в кон-

фликте ОБСЕ приобрела в ходе осуществления мониторинговой миссии в Грузии в августе 2008 г. Более 100 невооруженных военных наблюдателей ОБСЕ в сотрудничестве с трехсторонней контрольной комиссией и объединёнными силами по поддержанию мира (военные контингенты Грузии, Северной Осетии и России) решали задачи соблюдения сочинского соглашения о прекращении огня и обсуждения с конфликтующими сторонами поиска путей мирного политического урегулирования конфликта.

Особое место в этом контексте занимает мониторинговая миссия ОБСЕ на Украине, учрежденная в марте 2014 г. на основании решения Постоянного совета ОБСЕ (решение РС.DEC/1117). В соответствии с положениями Минских соглашений на миссию ОБСЕ были возложены задачи мониторинга режима прекращения огня и ситуации с безопасностью в районе конфликта (Донецк — Луганск), а также контроля за выводом иностранных военных формирований и военной техники, включая тяжелые вооружения. В целях выполнения возложенных задач миссия ОБСЕ должна контактировать с соответствующими органами власти на Украине на национальном, региональном и местном уровнях. Уникальность мониторинговой миссии состоит в том, что гражданские наблюдатели ОБСЕ, по сути дела, выполняли функции военных наблюдателей, к тому же в условиях, близких к боевым (постоянные артиллерийские обстрелы, повышенная минная опасность, нападения на конвои наблюдателей вооруженных групп и т. д.). Кроме того, впервые в практике полевых миссий ОБСЕ миссии были приданы передвижной госпиталь и подразделение дронов для мониторинга наблюдаемых районов.

Очевидно, что эффективность миссии и ее роль были бы значительно усилены при условии ее комплектования опытными военными и полицейскими наблюдателями. Впрочем, при всех плюсах участия ОБСЕ в комплексных миссиях необходимо учитывать возможные негативные последствия интеграции в состав миссий ОБСЕ значительного военного и полицейского вооруженного компонента.

Во-первых, это будет означать отход ОБСЕ от традиционного гражданского имиджа ее миссий в глазах конфликтующих сторон (т. н. «мягкого посредничества») и переориентацию на силовой вариант с возможным применением оружия в целях защиты гражданского персонала.

Во-вторых, не факт, что такой «силовой» вариант может принести незамедлительные политические дивиденды ОБСЕ в качестве посреднической организации. Нельзя исключать, что конфликтующим сторонам потребуется время для адаптации к новым функциям миссий ОБСЕ и это обстоятельство может временно ослабить способность организации находить точки соприкосновения с местными партнерами в целях мирного политического урегулирования конфликтов.

В-третьих, ОБСЕ в случае планирования комплексных миссий необходимо будет осуществить масштабную информационную поддержку накануне развертывания подобных миссий с целью избежать возможной негативной реакции местных партнеров.

Реализация концепции комплексных миссий потребует кардинальных структурных и процедурных изменений в работе секретариата ОБСЕ. Необходимо создать систему управления и менеджмента по интегрированному обеспечению формирования и оперативной деятельности комплексных миссий. Требуется масштабная перестройка ресурсного обеспечения ОПМ (набор гражданского и военного персонала, создание мобильных материальных ресурсов, обслуживания и техники и обеспечение их хранения).

Потребуется также принятие двусторонних меморандумов с государствами — членами ОБСЕ о предоставлении в распоряжение ОБСЕ сил и средств отдельных государств, разработка юридически обязывающего статуса таких ОПМ и правил процедур задействования военного и полицейского компонентов. В фокусе внимания также должно быть обеспечение интегрированного планирования и финансирования таких ОПМ на основе распределения шкалы расходов между государствами-участниками ОБСЕ. Параллельно следует повысить роль председателя ОБСЕ, генерального секретаря, Центра по предотвращению конфликтов, а также системы REACT (Rapid Expert Assistance) и реформировать деятельность Ситуационного и информационного центра ОБСЕ. В практической деятельности по осуществлению ОПМ ОБСЕ целесообразно ориентироваться на сотрудничество с ООН и ЕС, в том числе в плане заимствования определенных ресурсов для проведения операций.

Дискуссия о комплексных миссиях ОБСЕ существенно активизировалась в последнее время, особенно применительно к ситуации в восточной Украине. В частности, в 2017–2018 гг. прошло несколько раундов переговоров между специальными представителями России и США (Волкер — Сурков) по возможным модальностям комплексной ОПМ ОБСЕ — ООН в Донбассе.

Однако принципиальные разногласия относительно концепции ОПМ пока остаются непреодоленными. США и их союзники, а также Украина выступают за размещение миротворческой миссии ООН в Донбассе, включая неконтролируемый Киевом участок российско-украинской границы. Россия готова наделить миссию ООН только мандатом на охрану гражданских наблюдателей ОБСЕ, согласно маршрутам их передвижения в Донбассе.

С учетом сложностей переговорного процесса пока нет ясности, будет ли это совмещенная миссия ООН – ОБСЕ или мониторинговая миссия ОБСЕ продолжит свою работу в Донбассе в нынешнем формате. Вместе с тем в качестве запасного варианта можно было бы вернуться к идее использования в Донбассе т. н. усиленной наблюдательной миссии ОБСЕ. Такая модель присутствия ОБСЕ использовалась в Грузии в 2008 г. (она состояла из 100 военных невооруженных наблюдателей).

Однако реальная возможность в отношении развертывания тех или иных вариантов миротворческих миссий в Донбассе появится только при условии достижения в «нормандской четверке» и ОБСЕ консенсусных решений по выполнению Минских соглашений и участию миротворческих миссий в поддержку политического урегулирования на востоке Украины.

* * *

Возникшее в последнее время обострение напряженности на европейском континенте под влиянием кризиса доверия между Западом и Россией, масштабного использования Западом информационных войн и санкционного давления на Россию – всё это привело к расшатыванию стратегической стабильности с соответствующими негативными последствиями для европейской безопасности. В таких условиях важное значение приобретает вопрос о модернизации антикризисного потенциала ОБСЕ и его адаптации к современным реалиям и вызовам. Оптимальным было бы придание антикризисному инструментарию ОБСЕ системного характера и создание под эгидой СМВД ОБСЕ консультативной платформы для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и принятия мер по их урегулированию. Интересам стабильности, предотвращения кризисных ситуаций послужило бы наделение ОБСЕ потенциалом комплексных миротворческих миссий по поддержанию мира.

Принятие этого подхода и его реализация могли бы существенно разрядить нынешнюю напряженную обстановку на европейском континенте и содействовать росту авторитета ОБСЕ как важного инструмента по управлению кризисными ситуациями на европейском континенте.

IGOR SHCHERBAK

Towards Strengthening of the OSCE Effectiveness in Responding to International and European Security Challenges

Igor Shcherbak, PhD (History), Leading Researcher,
Institute for International Studies
MGIMO-University; Leading Researcher,
Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences;
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.
E-mail: inshcherbak@gmail.com

Summary. The author is accentuating the importance of improving effectiveness of the OSCE' crisis management in the conditions of erosion of strategic stability on the European continent in the result of unprecedented worsening of relations between Russia and the West. Special attention is devoted to the modernization of the OSCE's crises management potential and maintaining dialogue between the West and Russia, including by creation of consultative platform in the framework of the OSCE to discuss emergencies. The author proposed adoption of several confidence-building measures aimed at restoration of dialogue and finding the way to settle the crises situations. In this context important role could be given to establishing complex peacekeeping

missions under the auspices of the OSCE.

Keywords: crises management, confidence-building measures, platform for discussion of emergencies, complex peace building missions, modernization of the OSCE's crises management potential.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bakaki, Zeta. International Organizations Reduce the Risk of Crisis Recurrence? *Journal of Global Security Studies*. Vol. 3. Issue 3. July 2018. P. 358–370.
2. *Building Sustainable Peace and Democracy: OSCE Experience in South-Eastern Europe, a Reference Guide*. OSCE, 7 June 2018. 120 p.
3. Newlove-Eriksson, Lindy; Giacomello, Giampiero; Eriksson, Johan. The Invisible Hand? Critical Information Infrastructures, Commercialisation and National Security. *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 53. No. 2. P. 124–140.
4. Pirozzi, Nicola. *EU Crisis Management After Lisbon, a New Model to Address Security Challenges in the 21st Century*. Cambridge, Portland: Intersentia, 2015. 192 p.

ЛОГИСТИКА ГЕОПОЛИТИКИ

Д. Г. ЕВСТАФЬЕВ

Глобальные трансформации и Россия: источники конфронтации и перспективы глобального взаимодействия

Дмитрий Геннадиевич Евстафьев, канд. полит. наук,
профессор Департамента интегрированных коммуникаций
Факультета коммуникаций медиа и дизайна
Национального исследовательского
университета – «Высшая школа экономики»
E-mail: devstafiev@hse.ru; estd1212@yandex.ru

Аннотация. Обострение отношений России и Запада, в основе которых лежат отношения России и США, является не только результатом пропаганды, но и отражает ряд конфликтных реальностей современной системы международных политических и экономических отношений, в развитии которых Россия может сыграть значительную роль, которая будет в наибольшей степени проявляться на этапе формирования архитектуры новой системы глобальных отношений. Эта система явно будет существенно отличающейся – особенно в институциональном плане – от той, что существовала в последние 30 лет. В таких условиях враждебная позиция России по отношению к интересам Запада рассматривается как один из наиболее важных рисков и как фактор, способный изменить стратегический расклад сил. Участие России, хотя бы и во вспомогательном качестве, в ряде значимых глобальных процессов способно сохранять существующее противоборство в рамках модели «игры с ненулевой суммой».

Ключевые слова: Россия, США, новая «холодная война», глобализация, военная конфронтация, глобальная финансовая система, энергетическая безопасность, глобальные институты.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

Отношения России и Запада обычно рассматриваются как один из центральных факторов международной обстановки. Такой подход предполагает понимание конфронтационной политики в отношении России в качестве самодостаточного компонента глобальной политики. Он «вырывает» политику Запада и ответные действия России из более широкого глобального контекста, искажая тем самым картину происходящего даже в случае осознания всех сложностей транзита от преимущественной монополярности к полицентричности; если же такое осознание не имеет места, то формируется еще более искаженная картина¹. «Россиецентризм» не дает возможности оценить масштабы происходящих в мире событий и роль противостояния России

¹ Доминирует подход, основывающийся на той посылке, что ключевой причиной развития полицентричности, в перспективе способной перерасти в многополярность, является ослабление США и кризис лидерства Америки, причины которого интерпретируются в зависимости от политической позиции того или иного автора [16].

и Запада, которое находится в состоянии распада «коллективности», в глобальных процессах. Поэтому и ответ на вопрос о том, почему приходящиеся на долю России 1,6 % глобального ВВП (или около 4 % по паритету покупательной способности)² оказываются настолько важными для мировой политики и даже для отдельных сегментов глобальной экономики, звучит, как правило, несколько неубедительно.

Как представляется, решающим фактором является здесь способность США и Китая удерживать двусторонние отношения и их наиболее значимые глобальные проявления в рамках неконфронтационной модели внутри существующей единой системы глобальной экономики — возможно, трансформируя политический аспект глобализации. При таком понимании Россия выступает в качестве дополнения к китайским военно-силовым и геоэкономическим возможностям [22]. Но и это не объясняет накала политического, а теперь уже и военно-политического давления на нашу страну. Тем не менее отношения с Россией важны, особенно с точки зрения краткосрочных политических процессов, которые являются фоном для подготовки к стратегическим изменениям. Но в фокусировании многих конфронтационных процессов на России есть и очевидный среднесрочный (как минимум) контекст.

Современный мир стоит на подступах к серьезной реконфигурации системы мировой экономики и глобальной политики. Политическая напряженность вокруг России выглядит незначительной и чрезмерной пропагандистски акцентированной по сравнению с потенциалом переконфигурации основ глобальной политики. Но связанные с Россией кризисы и информационные всплески могут являться лишь некими пре-шоками, предшествующими началу глобальных трансформаций. Западные социальные философы признают, что в понимании мира, доминировавшем в период монополярности, господствовало упрощенное представление о принципах глобальной взаимозависимости³. Взаимозависимость, особенно экономическая, рассматривалась просто как свойство всей системы, а не как продукт внутренних связей между ее компонентами, как некая базовая данность, которая будет сохраняться при всех трансформациях системы. Формирующиеся парадигмы глобальной политики существенным образом отличаются от того, каким видели мир классики западной политологической мысли, причем даже те, кто, как С. Хантингтон, признавали невозможность не только «вечной», но даже просто долговременной стабильности. Начинают, похоже, сбываться казавшиеся экзотическими прогнозы о возможности своего рода квантовизации внешней политики [1]. Это свидетельствует о глубокой системной деструкции институциональных основ мировой политики и регулятивных, в частности саморегулятивных, механизмов мировой экономики.

СТРУКТУРА ВЕКТОРОВ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ни один из активных участников современной мировой политики сейчас не способен в полной мере бороться за доминирование. США уже с трудом удается поддерживать в некризисном режиме достигнутый уровень глобального влияния, что говорит об исчерпании возможностей использовать «мягкую силу» (что бы под ней ни понималось) в качестве инструмента поддержания американоцентричности в мировой политике и экономике. Китай еще не способен претендовать на роль симметричного по потенциалу «полюса» в гипотетической системе подлинной многополярности. Центральная коллизия современной системы международных отношений сводится к тому, насколько конкуренция США с Китаем будет и дальше оставаться внутрисистемной и происходить в рамках модели конфликта с «ненулевой суммой» или же США достигли предела в способности предоставлять КНР дополнительное операционное пространство. Пропагандистски сфокусированные действия Д. Трампа в отношении КНР говорят в пользу второго варианта, хотя в целом политика нынешней администрации отличается непоследовательностью. К тому же конкуренция США и КНР происходит не в вакууме, а в меняющемся пространстве глобальной политики и экономики, где действуют и другие

² Вариант расчета ВВП по долларовому эквиваленту эффективно отражает роль той или иной страны в мировой экономике. Расчет по ППС скорее эффективен для оценки динамики внутреннего социально-экономического развития. В рамках данной статьи приоритетным является, безусловно, расчет по долларовому эквиваленту.

³ Как пример можно привести удивительно глубокую работу итальянского социолога и политолога Данило Дзоло 1992 г. «Демократия и сложность. Реалистический подход» [3]. Д. Дзоло указывает на зависимость переменных, компонентов системы друг от друга как на ключевую функцию трансформации системы взаимозависимости [3, с. 30].

субъекты, что дополнительно осложняет ситуацию.

В глобальной политике уже присутствует разновекторность, но еще нет многополярности, для которой необходимы подлинно глобальные экономические основания. Развивается то, что можно было бы назвать «секторальной полицентричностью», реализующейся через среднесрочные социально-экономические процессы, трансформирующие глобальную экономику и политику, но до известной степени параллельные процессам структурирования полицентричного мира на национально-государственном уровне. Секторальную «полицентричность» можно предварительно определить как *утрату США функций безусловного глобального гегемона в определенных относительно узких секторах (пространствах) мировой политики и экономики или в значимых для системы международных политических и экономических отношений географических пространствах («макрорегионах»).*

И если в формате формирования классической многополярности, даже при ее транзите через полицентричность, у России имеются относительно слабые шансы на получение статуса «полюса» силы и влияния, то в рамках «секторальной полицентричности» значимость России как игрока на мировой арене возрастает.

О каких же наиболее значимых глобальных процессах мы можем говорить, и почему участие России в них важно?

НАРАСТАНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПЕРЕСТРОЙКЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Последние полтора года продемонстрировали высокий уровень активности в обсуждении и превращении в экономически пригодные системы новых форматов и возможностей цифровых финансовых коммуникаций и связанных с ними инвестиционных обстоятельств.

Просто перечислим:

- Переход к санкционной политике с использованием фактора глобальной финансовой взаимозависимости и доминирования в инвестициях долларовых расчетов.
- Девальвационные войны, направленные на создание ситуации преимущественной поддержки экспорта.
- Устойчивый интерес к криптовалютам и денежным суррогатам, понимаемым как средство частичного обхода долларовой системы. Налицо замедление процесса отказа от наличного денежного обращения.
- Не слишком быстрая, но последовательная апробация системы нефтяных фьючерсов в КНР [4], свидетельствующее о том, что проект носит долгосрочный и реальный характер, а не связан с попытками оказать на США пропагандистские давление.
- Разработка и предварительное тестирование клиринговых системы на основе принципов «распределенного реестра». Важно отметить, что такого рода системы в наибольшей степени применимы в документообороте, связанном с обеспечением торговых операций.
- Альтернативные системы персональных платежей. Наиболее интересны система «Union Pay», использование внутренней национальной платежной системы в Иране, а также опыт форсированного внедрения платежной системы «Мир».
- Ренессанс концепции внутренних офшоров как инструмента стимулирования инвестиционных процессов и вывода части национальных экономических пространств из-под жесткого национального и наднационального регулирования.

Возникает вопрос: не являются ли наблюдаемые нами процессы признаками распада глобального финансово-инвестиционного мейнстрима, на котором основывалась политика строительства американоцентричных регулятивных систем и институтов, пик использования которых проявился, в том числе, и в ходе введения против России экономических санкций? По сути, санкции против России были первым случаем использования глобального регулятивного механизма в глобальном же масштабе против страны, обладающей возможностями влиять на критические сегменты мирового рынка. И это продемонстрировало как возможности таковой системы, так и ее недостатки и точки уязвимости.

Современный мир — во всяком случае, большинство крупнейших игроков мировой экономики, не исключая и США, — готовится к деглобализации финансовых коммуникаций и к возникновению, как минимум, ограниченной финансовой анклавности. Это отражает высокий уровень восприятия угрозы глобального или, как минимум, субглобального финансового кризиса, который в нынешних условиях может оказаться существенно более разрушительным, нежели кризис 2008–2009 гг. Это уже в среднесрочной перспективе ставит на повестку дня постепенный переход от «простых денег» к «сложным» финансовым инструментам, основанных на усложненных и разнородных алгоритмах доступа к финансовым ресурсам⁴.

Основой системы «сложных денег» являются механизмы хеджирования операционных и инвестиционных рисков. Россия вряд ли может рассматриваться как решающий компонент альтернативных систем финансовых коммуникаций, хотя опытом своей деятельности в состоянии глобализованных международных санкций и апробирует некие финансовые механизмы, которые затем могут быть использованы в более широком контексте. Россия может стать важнейшим участником механизмов хеджирования финансовой деятельности как на уровне классической геополитики (территория России с военной точки зрения пока остается неуязвимой для военного давления со стороны Запада, возобновляются элементы классического сдерживания), так и на уровне формирования пула ликвидных ресурсов. Россия оказывается одним из наиболее активных участников этих процессов, и дело здесь не только и не столько в запуске и первичной отработке процессов глобализации Национальной платежной системы. Россия играет большую роль и в определении наиболее приемлемых и эффективных технологий распределенного реестра, который, как уже очевидно, будет основой системы оборота «сложных» финансовых ресурсов. Россия смогла за прошедшие четыре года обеспечить существенно более высокий уровень защищенности своего финансового рынка, не прибегая при этом к мобилизационной модели. С другой стороны, Россия до известной степени утратила стимулы к соблюдению взятых на себя обязательств в сфере глобальных финансов и обладает ныне беспрецедентной свободой рук в сфере финансов. Несмотря на то что объемы финансового оборота не столь велики, Россия способна предложить технологии, которые при необходимости могут быть востребованы относительно широким кругом пользователей.

Это обстоятельство неприемлемо для США не только по причине возможного перетягивания Россией «на себя» значимых финансовых потоков, что маловероятно, хотя и возможно, особенно в сфере рискованного капитала. Угроза для США состоит в возможности возникновения в архитектуре мировой финансовой системы неконтролируемых сегментов. Ведь апробированные в этих сегментах технологии могут быть легко масштабированы, что станет шагом к разрушению американской монополии в финансовой системе.

«Новая логистика» как элемент будущей глобальной экономической архитектуры. Основой той экономической и политической эпохи, которая сейчас считается уходящей, справедливо считается глобальная логистика, построенная на трансокеанских коммуникациях, безопасность и устойчивость которых обеспечивалась США как через потенциал военно-морских сил, так и через различные логистические и финансово-инвестиционные (например, глобальную систему страхования рисков в перевозках) инструменты. Сила данной системы вытекала из ее комплексности и глобальности, на которой формировалась глобальная логистическая рента, ставшая одним из источников инвестиционных процессов в ряде глобальных городов. Особенностью этой логистической системы была ее способность до известной степени действовать вне оглядки на принцип государственного суверенитета, становясь одной из опор пресловутого «сетевого мира», в котором принцип суверенитета считался излишним. Сейчас мы видим реализацию принципиально иных тенденций в глобальной логистике, которые не просто могут привести к перераспределению логистической ренты между ключевыми игроками (как, например, это было с Транссибирским логистическим маршрутом в конце 1990-х гг. и первоначальными вариантами Великого шелкового пути), но и создать принципиально новую систему геоэкономических отношений.

⁴ Концепция «сложных денег», одним из проявлений которой стала используемая для синдицированных кредитов технология «распределенного реестра» («блокчейн»), во многом отражала неспособность «простого» финансового мира, основанного на принципе «одного окна», выполнять свои функции как инструмента кредитно-инвестиционного обеспечения глобализованного, но равномерного экономического роста [13, с. 200]. Регионализация экономического роста неизбежно вызвала к жизни идею регионализации финансового пространства, а главное — поиска приемлемых для стран, не имеющих решающего голоса в мировых финансах, инструментов хеджирования рисков в мировой торговле.

Количество новых логистических проектов, которые потенциально могут иметь глобальный эффект, за последние годы существенно выросло. Помимо находящихся на слуху проектов глобальных коридоров «Китай-Европа» и «Север-Юг», которые стоит рассматривать не только как явления экономические, но и как фактор социокультурных изменений регионального или даже субглобального масштаба⁵, следует обратить внимание на следующие проекты:

- Трансафриканский комплексный логистический коридор; новый трансокеанский канал через Никарагуа;
- Трансбирманский коридор;
- Трансаравийский газотранспортный маршрут и система «южных» газовых коридоров; расширение логистических мощностей и индустриализация зоны Суэцкого канала;
- Северный морской путь.

При реализации даже одних только этих логистических проектов возникнет частично взаимоувязанное, в том числе — и через территорию России (Южно-Уральский логистический узел, а также Прикаспийское геоэкономическое пространство) новое экономическое пространство. Мировая экономика, оставаясь в рамках «морской» парадигмы, получит совершенно иные характеристики по темпам грузоперевозок, рисковости и инвестиционно-финансовой составляющей, включая механизмы извлечения и реинвестирования логистической ренты. Но одновременно в ряде потенциально социально-экономически дестабилизируемых регионов возникнет принципиально новая конфигурация обеспечивающих новые хозяйственные и инвестиционные модели экономических интересов, функционирующих на иных, чем прежде, принципах рентабельности и механизмах взаиморасчетов.

Россия может быть включена, как минимум, в несколько таких проектов, получая под свой контроль полностью Северный морской путь и приобретая частичное, но значимое присутствие в коридорах «Север — Юг» и «Китай — Европа», а за счет своего силового потенциала — «контрольный пакет» в трансаравийских газотранспортных маршрутах. Это делает Москву значимым игроком в глобальной логистике, способным определить исход «торгов» игроков «первого ряда» — США и Китая. Логистическое влияние России сейчас может быть оценено как превышающее влияние ЕС. Без, как минимум, нейтралитета России не могут быть осуществлены критические для глобальной логистики и энергетики проекты.

Воссоздание локализованных индустриальных ядер. Все страны, претендующие, как минимум, на сохранение своего статуса в мировой экономике, а значит, как правило, и в политике, предпринимают попытки воссоздания промышленных ядер в пределах своей национальной территории. Наиболее заметной является «индустриализация Трампа», прямо противоположная вектору развития американской экономики последних 25 лет. Но «индустриализация Трампа» является столь же социальным, сколько и экономическим явлением, и направлена на смягчение (как минимум — на «примораживание») региональных и социальных диспропорций, которые вполне проявились на президентских выборах 2016 г.

Это же характерно и для других стран современного «западного мира». Германия отказалась от постиндустриальной трансформации — во всяком случае, на среднесрочную перспективу. То же самое касается и Италии. Нет признаков продолжения постиндустриализации в Японии [6]; не заметно пока и признаков комплексного внедрения механизмов «четвертой промышленной революции», хотя отдельные ее компоненты, например максимальная цифровизация сервисных и логистических компонентов, внедряются активно [5], хотя и с крайне сложным социальным эффектом. Процессы, которые принято считать составными частями «четвертой промышленной революции», пока не обеспечивают желаемой технологическо-индустриальной синергии.

Однако на фоне растущей востребованности идеологии новой индустриализации, хотя бы и в фантомной форме так называемой «четвертой промышленной революции», встает вопрос о функциях городов в современной экономике. Это ставит под сомнение всю идеологию «нового

⁵ Поскольку эти транспортные коридоры соединяют «большие» цивилизационные пространства, в которых господствуют различные по типу и принципам организации социокультурные парадигмы, которые проявляются и в политических практиках. Логика наполнения логистических коридоров (первого и второго «изводов Великого шелкового пути, пути «Из варяг в греки») не только товарами, но и идеями, потребительскими стереотипами, моделями социальных институтов, которые до известной степени противостоят традиционным для данных пространств социальным институтам и институтам управления и политической организации, является естественным и неизбежным процессом [15].

урбанизма», которая является частью концепции «сетевого мира» и которая реализовывалась с опорой на транснациональные финансово-инвестиционные анклавы (глобальные города). Глубокая деиндустриализация городского пространства начала создавать для глобального развития ощутимые социальные, а как следствие — и политические риски, связанные с избыточными затратами для обеспечения социальной стабильности в крупных городских агломерациях.

Пока не существует однозначно оформившейся лидерской технологической парадигмы, которая могла бы стать инвестиционным фокусом, как это было во второй половине 1990-х гг., когда таким инвестиционным фокусом стали компьютерные технологии. Данный технологический цикл продержался в инвестиционном обороте более 20 лет и стал основой для возникновения информационного общества нового типа, которое полностью соответствует парадигме постиндустриального общества. Сейчас ничего сравнимого по социальной безальтернативности и инвестиционному потенциалу не просматривается. Не исключено, что мир стоит на пороге практической реализации многовекторности технологического развития и мозаичности инвестиционных циклов.

Для России также характерна попытка перевода импортозамещения на более сложную комплексную модель, которая включает перенос основных точек монетизации в технологических цепочках внутрь России. Обращает на себя внимание попытка реализации более сложных моделей экспортной деятельности. Россия, конечно, не становится конкурентом крупнейших технологических держав на важнейших платежеспособных рынках, но сокращает доступность собственного рынка и рынков государств, связанных с ней политическими отношениями (по ряду сегментов промышленности — до 300 миллионов потребителей) для крупнейших производителей, прямо или косвенно аффилированных с ведущими государствами мира.

Значимость позиции России в процессах реиндустриализации заключается в ее принципиальной способности встроиться практически в любую технологическую волну (включая и робототехнику, хотя по этому направлению позиции России пока слабы), подкрепив ее ресурсами и инженерными возможностями и тем самым принеся конкурирующей технологической модели дополнительные бонусы. Россия одновременно осуществляет действия как в рамках второй промышленной революции, так и пытается обозначить наличие заделов в четвертом уровне, хотя это пока удается преимущественно на декларативном уровне и с чрезмерными коррупционными издержками.

Сравнительно — по отношению к прогнозам — успешное, если учитывать масштабы проблемы, развитие «импортозамещения» в России, прежде всего не столько на уровне конечного продукта, сколько на уровне импортозамещения компонентов и материалов, показывает потенциальную способность России к решению задач частичной индустриализации в пределах традиционных индустриальных ядер — естественно при условии снижения уровня коррупции. Вопрос на будущее заключается в способности России формировать новые индустриальные «ядра» в расчете на технологии «четвертой промышленной революции» или их дериваты («индустриальные гринфилды»), сохранив относительную социально-экономическую стабильность в пространстве «старой индустриализации». Это достижимо только через включение в процессы базовой индустриализации (Африка) и второй индустриализации (Ближний Восток, Индия) развивающегося мира. Но это требует прямой межгосударственной конкуренции с ключевыми игроками в мировой экономике с использованием тех инструментов, которые у России имеются, и тех системных отношений, которые Россия может выстроить с ведущими игроками глобальной политики по другим вопросам. Сохранение России в качестве активного участника процессов новой глобальной индустриализации, хотя бы в качестве игрока «второго ряда», является условием сохранения влияния Москвы в мировой политике и экономике. Этот вектор является очевидным приоритетом развития страны на ближайшее время.

Борьба за «новую энергетику». Мировой энергетический рынок в том виде, в каком он сформировался в начале 1990-х гг., завершает свое существование, хотя количество еще явно не перешло в качество. Роль России в данном случае неоспорима и проявляется хотя бы в том, что ее участие в договоренностях традиционных институтов, регулирующих рынок (ОПЕК), помогло сохранить их дееспособность. Но речь сейчас идет о перспективной архитектуре глобального энергетического рынка, причем как с технологической, так и с операционной точек зрения.

Отсутствие прорывных технологических решений является сдерживающим фактором глобального экономического и социального развития, причем его значение будет усиливаться. В развитии процессов в глобальной энергетике мы наблюдаем три взаимно пересекающихся процесса: во-первых, поиски новой технологической платформы, которая дала бы возможность выйти за существующие сейчас ценовые (инвестиционные) и технологические рамки. Речь идет, прежде всего, о поисках глобальной технологической альтернативы в энергетике. То концептуально монопольное положение, которое имели так называемые «альтернативные источники энергии», в том числе и за счет прямого и довольно грубого использования административного ресурса в рамках идеологически обусловленных решений, сейчас размывается. «Альтернативные источники энергии» в глобальном масштабе за пределами идеологически маркированного ареала — ЕС — находятся в состоянии жесткой конкуренции с другими энергетическими технологиями. И эта борьба будет, вероятно, нарастать, что очевидно по ситуации, например в США, где вопросы обновления энергетической базы являются исключительно важными как для внутреннего развития, так и для американской внешнеэкономической стратегии.

Во-вторых, происходит усиленная реструктуризация глобального энергетического рынка, направленная на то, чтобы принципиально изменить его структуру, создавая в нем принципиально новые сегменты с иным, чем раньше, ценообразованием. В частности, на наших глазах возникли глобально значимые сегменты неклассических углеводородов, сжиженного природного газа или альтернативных источников энергии, в которых ценообразование ведется на других принципах, нежели на рынке, где доминировали классические углеводороды. И значение этих сегментов будет, похоже, расти.

В-третьих, энергетические ресурсы становятся привлекательной точкой не только для приложения инвестиций (энергетическая «рента» относится к легко монетизируемым и извлекаемым видам финансовых ресурсов в отличие от финансового сектора, где «рента» будет оставаться во многом каптивной, почти неизвлекаемой, используемой внутри системы и выводимой за ее пределы лишь с тем или иным дисконтом), но и политических, что и доказало развитие ситуации вокруг проблематики энергобезопасности Европы. Опыт легитимизации внедрения в экономический вопрос о структуре энергобаланса политической составляющей является вполне тиражируемым.

Как результат сочетания этих трех факторов энергетический рынок начинает действовать во все более деэкономизированной парадигме, когда стратегические решения принимаются не на основе просчета экономической выгоды тех или иных моделей и/или технологий, а на основе некоего стратегического видения перспектив развития. Политически мотивированным были и решение о форсированном развитии индустрии сланцевых нефти и газа в США, и о замораживании разработок сланцевых углеводородов в Китае. Участники рынка постоянно демонстрируют готовность условно «потерять» во влиянии и доходах сейчас, чтобы получить выгодные позиции для присутствия на энергетическом рынке «завтра», а некоторые страны, обладающие высокой уровнем экономической устойчивости, например Китай, и «послезавтра». Этим, в частности, и объясняется поведение Китая в диалоге с поставщиками энергоресурсов, включая как Россию, так и США.

С другой стороны, *отсутствие новой в технологическом плане энергетической платформы становится одним из наиболее значимых ограничителей глобального экономического роста*, в частности, за счет невозможности существенно расширить социально обусловленное потребление. В таких условиях длительное сохранение неэкономически обусловленной парадигмы в глобальной торговле энергоносителями будет проблематичным.

Россия оказывается одним из наиболее значимых факторов в развитии данного направления. И это связано не только и не столько с ее ролью в торговле классическими углеводородами, хотя в этой сфере Россия будет оставаться важнейшим фактором. Это связано с активным и не всегда предсказанным внедрением России в новые энергетические сферы, такие, например, как СПГ. Относительно быстрая адаптация российской нефтегазовой промышленности к спотовым системам торговли углеводородами оказалась неожиданной для ее партнеров и создала новую ситуацию, например на европейском энергетическом рынке, который планировалось рекартелизировать без учета интересов Москвы. Россия остается потенциально и одним из наиболее значимых игроков на рынке неклассических (сланцевых) углеводородов и может реализовать этот потенциал в период

после 2030 г., что в целом совпадает с глобальными трендами. Глобальная энергетика до 2025 г., как минимум, будет оставаться преимущественно «углеводородной» при доминирующем значении классических углеводородов. А после 2025 г., вероятнее всего, следует ожидать транзита к неклассическим углеводородам, вокруг чего возможна также некоторая политическая и военно-силовая турбулентность. Признаки подготовки к этому транзиту можно сейчас наблюдать в действиях Китая, активно скупающего американское «сланцевое наследство». Нельзя забывать и продемонстрированную Россией в ходе операции по стабилизации в Сирии способность к управлению рисками в макрорегионах, связанных с транспортировкой углеводородов, из чего рядом потенциальных игроков рынка были сделаны надлежащие выводы и не только применительно к региону Ближнего и Среднего Востока. Пока единственной видимой уязвимостью, ограничивающей потенциал влияния России, является относительная слабость присутствия в повестке дня разработки новой и глобальной тиражируемой энергетической платформы. Но это обстоятельство может негативно проявиться только в среднесрочной перспективе.

Глобальная социальная реструктуризация. Кризис социальной модели глобализации. Глобальные процессы свидетельствуют о полноценном кризисе сложившихся в период поступательной глобализации системы общественных институтов («гражданское общество постмодерна») как в развитых, так и в развивающихся странах. Социальная атомизация, затрагивающая урбанизированные агломерации, становится тяжким глобальным бременем, которое ограничивает возможности глобального экономического роста. В таких условиях признается невозможность дальнейшего проведения политики догоняющей социальной модернизации.

Кризисные явления, связанные с социальными вопросами и последствиями социальной атомизации и форсированной постиндустриализации на фоне активного развития различных социально-вспомогательных механизмов (информационных и социальных сервисов), начинают проявляться и в «ядре» современной капиталистической системы⁶. Мало того, что «периферия» не смогла «догнать» развитый мир, но и «развитый мир» начал развиваться слишком разнонаправленно, утрачивая часть своих социально конкурентных свойств, что сделало невозможной компенсацию разрывов только за счет опережающего развития социальных и коммуникационных технологий. Дополняет картину и очевидный кризис концепции «глобальных городов», которая была основой проектировавшегося на период после 2020 г. сетевого мира. А «сетевой мир» должен был охватывать не только развивающиеся страны, но и США [10]. «Революция Трампа» может до известной степени рассматриваться как реакция части американской элиты на попытку «сетевизации США», которая грозила утратой важных элементов американской государственности.

Социальная составляющая реиндустриализации становится ее важной компонентой, которая логично должна привести к воссозданию тех центров социальной кристаллизации и консолидации, которые естественным образом формируются вокруг промышленных ядер. Справедливости ради следует отметить наличие сомнений в «креативном классе» как в носителе новой экономической идеологии и в его способности выполнять функции инструмента консолидации социального пространства. За этим стоит признание социальной атомизации после определенного предела опасным явлением, которое не компенсируется развитием социальных интегрированных коммуникаций.

Принципиальным моментом для будущей конфигурации системы глобальных политических отношений является «точка сборки» того, что можно назвать «постидеологией постконсерватизма» и что может стать противостоящим, балансирующим фокусом для идеологии «неограниченного глобализма», которая сейчас переживает очевидный кризис. Идеология начинает рассматриваться как вполне допустимый инструмент управления «большими системами», причем не только государством [12]. Социальная хаотизация становится той новой реальностью, через которую в той или иной степени приходится проходить многим странам и которая начинает считаться почти неизбежным спутником процессов глобальной реструктуризации [21].

⁶ Показателем этого становятся участвовавшие призывы экономистов и социологов классического западного мейнстрима к «возвращению к истокам» классического капитализма с целью поднятия его конкурентоспособности. В качестве отправной точки усреднения-стагнации рассматривается насыщение экономики и социальной сферы технологиями, сделавшими высокую квалификацию отдельного человека и даже некоторых социальных групп избыточными [8, с. 14–15]. Еще более радикальные мысли звучат в книге Паскаля Салена «Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов» [11]. Западная научная мысль с разных сторон подходит к идее об исчерпанности возможностей «социального капитализма» особенно с точки зрения его конкуренции с азиатскими экономиками.

Для России социальная реструктуризация является важнейшим вызовом. И не исключено, что в рамках попытки дать ответ на этот вызов России удастся сформулировать некие подходы как минимум частично альтернативные классической западной модели социального устройства. И эти подходы могут оказаться для многих стран куда более приемлемыми, нежели «азиатский», который ассоциируется с Китаем, или «постхристианский», который пытался продвигать ЕС.

Пока Москва публично действует по данному направлению крайне неохотно, поскольку в российских общественно-активных слоях общества, равно как и в элите, сохраняется аллергия и стратегическое недоверие к любым формам идеологии, пусть даже к усеченным по своему значению идеологическим конструктам. Но в том, что касается развития социальных структур в рамках новых поведенческих моделей и практик, в России накоплен колоссальный опыт как отрицательный, так и положительный. В России сложились наиболее эффективные механизмы противодействия эффекту «сетевых революций», которые на деле оказываются инструментами управляемой и сфокусированной социальной деструкции привычных социальных институтов.

Новая информационная среда. Современное «информационное общество» окончательно трансформировалось в соответствии с форматами и особенностями технологий интегрированных коммуникаций, которые обеспечивают высокий уровень социальной интрузивности. Интегрированные коммуникации обладают значительным потенциалом не только информационного, но и социального воздействия, выходящего далеко за рамки одного лишь коммуникационного пространства и реализуя принцип максимального социального воздействия участия в социально-коммуникационных пространствах (анклавах) при минимизации индивидуального воздействия участника коммуникационного процесса на формирование информационного потока. Процесс глобализации информационных потоков на базе цифровых информационных технологий достиг пика своего развития. Парадокс ситуации заключается в том, что интегрированные коммуникации, возникнув как сетевая, контентно-дисперсная система, с самого начала стали воспроизводить в себе принципы институциональности (группы, сообщества). А затем как реакция на институционализацию, начались попытки хотя бы сегментарной иерархизации пространства и внедрения в него регулятивных механизмов (это проявляется в том числе в развитии сети «Фейсбук»), в различной степени контролируемых государственными органами⁷.

Встает вопрос о принципиальной возможности реализации классического сценария безграничной сетевизации информационного пространства [19] и перспективах сохранения глобального информационного общества как единого в операционном и регулятивном плане феномена. Можно полагать, что уже в ближайшей перспективе на глобальном уровне на фоне процессов регионализации глобальной торговли и расчетных механизмов (механизмов новых финансовых коммуникаций) возникнет новый глобальный дискурс относительно будущего информационного общества.

Формирование новой парадигмы информационного общества — это пока что единственная глобальная тенденция, в которой Россия и не играет решающей роли, и пока не предложила какой-то самостоятельной модели развития. Хотя именно с действиями России связываются многие решения, уже сейчас существенно изменившие характер мировых процессов. Россия освоила ключевые технологии управления социальными процессами с использованием интегрированных коммуникаций, включая и технологии манипулирования. Но самостоятельного видения перспектив развития информационного общества не она предложила, ограничившись интерпретациями западных подходов.

Это отражает сложившуюся в российской элите точку зрения о вторичности, прикладной сущности информационного пространства по отношению к экономическому и политическому, что является ошибкой, но отражает объективные сложности с формированием контролируемой системы каналов современных цифровых коммуникаций, остающиеся под контролем США и аффилированных с ними институтов. Данное положение тем более странно, что даже в советский период в нашей стране разрабатывались оригинальные концепции развития информационного общества в его социальных, а не чисто технологических проявлениях [2].

⁷ Важным свидетельством концептуального кризиса ранее практически монопольно господствовавшей концепции «неограниченного сетевого информационного общества» следует считать появление таких текстов, как статья Найла Фергюсона «Ложное пророчество о гиперсвязанном мире» [14], хотя большие сомнения в том, что коммуникационная цифровая связность сможет в полной мере заменить связность социальную [9], возникали и раньше.

Одновременно Россия и по данному направлению становится крупнейшим игроком. Процессы и пропагандистские фантомы, связанные с Россией, стали одними из наиболее важных стимулов для пересмотра ранее считавшихся незыблемыми подходов США к управлению глобальным информационным обществом, выявив ранее скрытые манипулятивные механизмы (очевидна прямая связь между делом о якобы имевшем место взломе серверов Демократической партии США и фундаментальным по своим последствиям «делом компании Cambridge Analytica»). Проблема не только в том, что Россия смогла освоить и сравнительно успешно применять те технологии, которые рассматривались как исключительное интеллектуальное достояние Запада: она продемонстрировала новую модель диалектики информационного и социального в современном цифровом информационно обществе. И эта модель оказалась для Запада неожиданной прежде всего потенциалом глобализируемости и масштабируемости.

Однако и в проблематике стратегического развития глобального информационного пространства имеется значимый «российский фактор». Сохранение России в пространстве глобальных коммуникаций, прежде всего глобальных финансовых коммуникаций, и расчетных систем, равно как и отсутствие пока что решительных движений в этом направлении отражают неготовность «коллективного Запада» к исключению России не только и не столько из международного финансово-инвестиционного пространства, сколько из международного информационного пространства. Такие действия будут неизбежно связаны с рестриктивным изменением существующего формата глобального информационного общества, прежде всего его глобализированной сетевой составляющей. Любые действия по ограничению присутствия России в глобальном информационном пространстве (хотя бы в сегменте глобальных финансовых коммуникаций) могут оказаться дополнительным толчком к национализации и регионализации глобального информационного пространства, пока сдерживаемыми специфичностью имеющихся прецедентов (Китай, КНДР и проч.). А ведь сохранение относительно свободного и, безусловно, глобального информационного пространства является одной из основ сохранения, пусть даже в редуцированной форме, американской глобальной монополярности, а также доминирования в глобальной политике (в сфере перспективных политических моделей) «коллективного Запада».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вероятнее всего, мы присутствуем при закате того «плоского мира» [17], который служил ключевой моделью развития глобального экономического, а как результат и — политического пространства на протяжении последних лет, и возврате к более «рельефным» и существенно менее сетевизированным моделями международных отношений. «Плоская» глобальная политическая и социо-культурная архитектура перестала отвечать новым реалиям. Главный вопрос: кто и как будет участвовать в формировании новых институциональных правил игры и нового мирового порядка, ибо крушение прежнего уже признано [20]? *Фактором, который дополнит уже в самом ближайшем времени описанные выше векторы трансформаций, станет асимметрия социокультурного развития, включая и асимметрии социально, а не биологически обусловленного потребления.* Это начинает рассматриваться как исключительно серьезная угроза современным тенденциям в глобализации [18].

Отметим три важнейших обстоятельства.

Во-первых, реализация потенциала хотя бы части обозначенных векторов развития означает стратегическую перестройку не просто отдельных сегментов системы международных отношений, но их архитектуры, системы институтов, обеспечивающих ограничение форм и методов экономической конкуренции, снижение уровня политической конфликтности и исключение наиболее жестких форм прямой силовой конфронтации между ключевыми игроками.

Во-вторых, Россия оказывается далеко не последним игроком в сложном маневрировании ключевых держав мира в борьбе за право решающего голоса в определении новой институциональной архитектуры глобальной политики и экономики. Россия оказывается слишком плотно вписана в большинство реализующихся в глобальном формате тенденций. Как минимум, в пяти из шести векторов развития Россия может сыграть если не решающую, то очень важную роль, становясь «гирькой», склоняющей чашу весов в ту или иную сторону. *Присутствие России в этом равновесии, однако, превращает существующее геоэкономическое (и геополитическое) противоборство в «игру с ненулевой суммой», поскольку у участников процесса существует надежда на то, что их уступки могут быть компенсированы за счет России.*

В-третьих, к решительной перестройке системы международных отношений пока не готова ни одна значимая геополитическая сила современности, что обеспечивает тактически выигрышные позиции для США, которые — единственные из всех ключевых геополитических сил — имеют возможность действовать в рамках модели «конфликта с ненулевой суммой», хотя они и ограничены в своих возможностях компромисса теми пропагандистскими конструктами, которые сами же создали из тактических соображений, став ныне их заложниками. В таких условиях велика вероятность того, что ключевые участники геополитических процессов, стремясь сохранить ситуацию в рамках «модели с ненулевой суммой», будут использовать Россию как минимум в качестве своего рода «буфера», а как максимум в качестве объекта, «приза», за счет которого будут компенсироваться уступки, сделанные друг другу в ходе «торгов».

Россия является одним из немногих игроков, которые имеют реальную возможность влиять на выработку стратегических решений по будущей глобальной политике и экономике, где сейчас, в период неопределенности по стратегическим решениям, ставки исключительно велики. Когда ключевые стратегические решения будут приняты и речь пойдет о конкретных механизмах и «долях» влияния, роль России, если она не сможет сформировать вокруг себя глобальную значимую систему экономических отношений и технологических связей, будет уменьшаться. Для реализации имеющихся возможностей Россия должна получить институциональную (то есть проявляющуюся в системных связях) субъектность и допустить для себя в ряде случаев «игру первым номером». Иными словами — возглавить те или иные глобальные процессы.

Конфронтация «коллективного» Запада (в данном случае эта метафора допустима) с Россией — это не просто борьба за увеличение своей «доли» в глобальном политическом и экономическом «пироге». Это — борьба за влияние на процесс формирования новой архитектуры глобальной экономической и политической системы. Это борьба за то место, которое займет та или иная страна в новой глобальной институциональности, которая неизбежно сформируется, когда мир, приобретший несвойственную ему ранее динамику, снова начнет «затвердевать». Эта борьба ведется и на национальном, и на коалиционном уровне (примером чего является ситуация внутренней конкуренции в рамках ЕС), поэтому понятие «коллективный Запад» уже сейчас применимо лишь частично. Это борьба за влияние на стадии формирования обновленных «правил игры», которые доминирующая сила, даже если ею останутся США, уже не сможет нарушать столь безоглядно, как сейчас, на этапе распада актуальной пока версии глобализации. Эта борьба со стороны Запада ведется максимально конфронтационно, поскольку утрата хотя бы части внешнего влияния, «ареала экономического и политического вовлечения», означает необходимость изменения внутреннего состояния как «коллективного Запада» в целом, так и отдельных национальных его составляющих. Что может иметь непредсказуемые последствия.

«Коллективный Запад» не допускает, чтобы Россия играла значимую самостоятельную роль в процессе выработки новых правил игры, предотвращая присоединение Москвы к альтернативным западным проектам по ключевым направлениям развития, что может привести к изменению равновесия. Естественная логика в таком случае — попытаться в принципе исключить влияние России на глобальные процессы, загнав ее в ловушку конфронтации и спровоцировав на действия, которые сделают ее изоляцией, хотя бы даже и временную — на 5–7 лет, оправданной и естественной. После чего Россия может быть вновь возвращена в «семью», но уже на более сложных условиях. (Ее нынешнее взаимодействие с олимпийским движением может рассматриваться здесь как модель). Но одновременно Запад не может позволить существования альтернативной модели построения новой глобальной архитектуры. Россия, не имея возможности однозначно выбрать сторону в глобальной конкуренции, что одновременно девальвирует ее значимость, придерживается стратегии выжидания, сохраняя приемлемый уровень внутренней социальной стабильности, что с учетом санкционной политики «коллективного Запада» следует считать большим достижением.

У Москвы все больше стимулов, чтобы выступать в качестве одного из лидеров группировки средних стран, которые будут ощущать себя некомфортно в условиях, когда и если противоборство приобретет жесткие формы. Это могут быть не только классические «страны-изгои» или близкие к ним геополитические маргиналы [7], тем более что теперь само это понятие утрачивает актуальность, но и вполне «респектабельные» страны, элиты которых видят тупиковость попыток обеспечить свои экономические интересы в рамках существующей архитектуры международных отношений и которые по тем или иным причинам могут оказаться «назначенными жертвами» в ходе кардинальной перестройки мирового политического и экономического пространства,

в силу чего заинтересованы в эволюционности процесса перемен, особенно политических и военно-политических, а также в диалогичности этого процесса. Россия почти неизбежно до известной степени будет выступать как «таран» и «громоотвод» в глобальной политике, но события 2008–2017 гг. приучили российское общество к тому, что такой статус для него неизбежен и что он в принципе при определенных политических условиях может быть монетизирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарев И. Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 3. — С. 7–16.
2. Афанасьев В. Г. Человек: общество, управление, информация. Опыт системного подхода. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — 208 с.
3. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. Пер. с англ. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2010. — 320 с.
4. Евстафьев Д. Нефтеюань: экономическая реальность против политических иллюзий // Инвест-Форсайт. — 2018. — 24 января. — URL: <https://www.if24.ru/nefteyuan-realnost-protiv-illyuzij>
5. Евстафьев Д. Четвертая промышленная революция: пропагандистский миф или «знак беды»? // Инвест-Форсайт. — 2017. — 12 октября. — URL: <https://www.if24.ru/4-promyshlennaya-revolutsiya-mif>
6. Захаров А. Н. Перспективы реиндустриализации развитых экономик (США, Канада и Австралия) // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — № 1. — С. 213–245.
7. Кортунов А. Чего ты хочешь, Джон? К чему приведет противостояние России и США // Московский центр Карнеги. — 2018. — 26 апреля. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/76145>
8. Коуэн Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации. Пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 320 с.
9. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. Пер. с англ. — М.: Астрель; Corpus, 2011. — 320 с.
10. Пилька М. Э., Слука Н. А. Глобальные города США как хабы зарубежных ТНК // Вестник МГИМО-Университета. — 2017. — № 6. — С. 196–206.
11. Сален П. Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов. Пер. с франц. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 272 с.
12. Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством? // Полития. — 2018. — № 1. — С. 7–29.
13. Стратегический сценарный прогноз: Пермский край, Россия и мир — 2030 / Под общ. ред. А. И. Агеева. — М.: Институт экономических стратегий РАН; Рубин, 2016. — 432 с.
14. Фергюсон Н. Ложное пророчество о гиперсвязанном мире [In Eng.: The False Prophecy of Hyperconnection. How to Survive the Networked Age. Foreign Affairs. 2017. No. 5]. Россия в глобальной политике. — 2018. — № 1.
15. Франконтан П. Шелковый путь. Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2018. — 688 с.
16. Daalder I., Lindsay J. The Empty Throne. American Abdication of Global Leadership. — New York: Public Affairs, 2018. — 239 p.
17. Friedman T. The World is Flat. A Brief History of the Twenty First Century. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005. — 488p.
18. Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy // Foreign Affairs. — 2018. — September/October.
19. Jenkins H., Ford S., Green J. Spreadable Media. Creating Value and Meaning in a Networked Culture. — New York: New York University Press, 2013. — 352 p.
20. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. — 2019. — January/February.
21. Kaplan R. D. The Anarchy that Came // The National Interest. — 2018. — October 21.
22. Lind M. America vs. Russia and China: Welcome to Cold War II // The National Interest — 2018. — April 15.

DMITRY EVSTAFIEV

Global Transformations and Russia: the Sources of Confrontation and Prospects for Cooperation

Dmitry Evstafiev, PhD in Political Science,
Professor, Department for Integrated Communications,
Faculty of Communications, Media, and Design,
National Research University – Higher School of Economics.
E-mail: devstafiev@hse.ru; estd1212@yandex.ru

Summary. Increased and diversified tensions in Russian-Western relations and first Russian-American relations are not only a result of propaganda pressure. They also reflex a number of conflicting realities of the contemporary system of international political and economic relations that involve Russia as an important player. The role of Russia is especially noticeable now that the process of development of the architecture of a new global system is underway. Hostile or confrontational position of Russia could be a major risk as well as a factor that can change the strategic context of the global competition. The emerging system looks much different from the one that formed the basis on which the world developed during the last 30 years. In that environment a potential hostile position of Russia is regarded as a major risk. But the active involvement of Russia into most important recent global economic and political developments prevents the situation of surpassing the limits of the «non-zero sum game».

Keywords: Russia, the USA, new Cold War, globalization, military confrontation, global financial system, energy security, global institutes.

REFERENCES

- Alekseyeva T. A., Mineev A. P., Loshkariov A. P. “Zemlya Smyateniya”: Kvantovaya Teoriya v Mezhdunarodnykh Otnosheniyakh? [“Land of Confusion”: Quantum Physics in IR Theory?]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016. No. 2. P. 14–21.
- Afanasiev V. G. *Chelovek: Obshchestvo, Upravleniye, Informatsiya. Opyt Sistemnogo Podkhoda* [The Person: Society, Governance, Information. An Essay in Systemic Approach]. Moscow: Publishing house LIBRICOM, 2013. 208 p.
- Cowen T. *Srednego Boleje ne Dano: Kak Vyjti iz Epokhi Velikoj Stagnatsii* [Average is Over. Powering America Beyond the Age of Great Stagnation. Transl. from English]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2015. 320 p.
- Daalder I., Lindsay J. *The Empty Throne. American Abdication of Global Leadership*. New York: Public Affairs, 2018. 239 p.
- Evstafiev D. Nefteyan’: Ekonomicheskaya Real’nost’ Protiv Politicheskikh Illusij [Oil Yuan: The Economic Reality Against Political Illusions]. *Invest-Foresight*, January 24, 2018. – URL: <https://www.if24.ru/nefteyan-realnost-protiv-illyuzij>
- Evstafiev D. Chetvertaja Promyshlennaya Revolyutsiya: Propagandistskij Mif ili “Znak Bedy”? [The Fourth Industrial Revolution: a Propaganda Myth or a “Sign of a Catastrophe?]. *Invest-Foresight*, October 12, 2017. – URL: <https://www.if24.ru/4-promyshlennaya-revolutsiya-mif/>
- Ferguson N. Lozhnoye Prorochestvo v Gipersvyaznom Mire [The False Prophecy of Hyperconnection. How to Survive the Networked Age. Trans. in Russ.]. *Rossiia v global’noy politike*. 2017. No. 5.
- Frankopan P. *Shelkovyy Put’* [The Silk Road: A New History of the World.] Transl. from English. Moscow: Publishing House Exmo, 2018. 688 p.
- Friedman T. *The World is Flat. A Brief History of the Twenty First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.
- Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the crisis of democracy. *Foreign Affairs*. 2018. September/October.

- Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake. *Foreign Affairs*. 2019. January/February.
- Jenkins H., Ford S., Green J. *Spreadable Media. Creating Value and meaning in a Networked culture*. New York: New York University Press, 2013. 352 p.
- Kaplan R.D. The Anarchy that Came. *The National Interest*. 2018. October 21. — URL: <https://nationalinterest.org/feature/anarchy-came-33872>
- Kortunov A. Chego Ty Khochesh, Dzhon? K Chemu Privedet Protivostojaniye Rossiji i SShA? [A Letter to John: Where Are U.S.-Russia Relations Headed?]. *Moscow Carnegie Center*, April 26, 2018. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/76145>
- Lanier J. *Ty ne Gadzhiet. Manifest* [You are not a Gadget. A Manifesto. Transl. from English]. Moscow: Astrel Publishing House; Corpus, 2011. 320 p.
- Lind M. America vs. Russia and China: Welcome to Cold War II. *The National Interest*. 2018. April 15. — URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-vs-russia-china-welcome-cold-war-ii-25382>
- Pilka M., Sluka M. Global'nyje Goroda SShA kak Khaby Zarubezhnykh TNK [US Global Cities as Hubs for Foreign Transnational Corporations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017. No. 6. P. 196–206.
- Salin P. *Vernut'sja k Kapitalizmu chtoby izbezhat' Krizisov* [Revenir au capitalisme Pour éviter les crises. Transl. from French]. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute, 2015. 272 p.
- Solov'ijov A. I. Diskursy i Praksisy: Mozhet li Ideologija Pomoch' v Upravleniji Gosudarstvom? [Discourses and Practices: Whether Ideology can Contribute to Public Administration] // *Politeia*. 2018. No. 1. P. 7–29.
- Strategicheskij Stsenarnyj Prognoz: Permskij Kraj. Rossija i Mir* [Strategic Scenario Prognosis. Perm Region, Russia and the World 2030]. A. I. Ageev (ed.). Moscow: Institute for Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences; Rubin Publishing House, 2016. 432 p.
- Zakharov A. N. Perspektivy Reindustrializatsii Razvitykh Ekonomik (SShA, Kanada i Avstralija) [Prospects For the Re-Industrialization of Developed Economies (USA, Canada and Australia)]. *Vestnik MGIMO-Univarsiteta*. 2018. No. 1. P. 213–245.
- Zollo D. *Demokratija i Slozhnost'*. Realisticheskij Podkhod [Democracy and Complexity. A realist Approach. Transl. from English]. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2010. 320 p.

О. Г. ПАРАМОНОВ

Внешнеполитический аспект транспортно-инфраструктурной ситуации в АСЕАН: новые возможности и риски для стран ЕАЭС

Олег Геннадьевич Парамонов,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.

Центра исследований Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований МГИМО МИД России;
доцент, департамент международных отношений
Факультета мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». E-mail: paramonov_og@rambler.ru

Аннотация. Россия является крупнейшим среди стран ЕАЭС торгово-экономическим партнером АСЕАН. В то же время потенциал взаимной торговли между ЕАЭС и АСЕАН в целом далек от полной реализации. Одной из причин этого является отсутствие прямого выхода к морю у остальных членов ЕАЭС, в то время как во внешней торговле АСЕАН преобладают морские перевозки. Вместе с тем государства АСЕАН часто сталкиваются с серьезными трудностями из-за отсутствия современных железных дорог как необходимого дополнения к портовой инфраструктуре. В сложившихся условиях для России открываются новые возможности как на международном рынке транспортных услуг, так и в сфере реализации инфраструктурных проектов. Данная статья посвящена анализу таких возможностей и сопутствующих рисков.

Ключевые слова: ЕАЭС, АСЕАН, субрегион Большого Меконга, Индонезия, инфраструктурный коридор.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (Association of South East Asian Nations, ASEAN, рус. АСЕАН) — региональное экономическое объединение, ряд участников которого относится к числу наиболее динамично развивающихся стран мира. Именно создание АСЕАН в 1967 г. дало старт интеграционным процессам в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Что касается Евразийского экономического союза (ЕАЭС), то его экономический потенциал определяется в первую очередь наличием в его составе одной из крупнейших (по территории, численности населения и объёму ВВП) стран мира — России. При этом по уровню экономического развития стран — участниц ЕАЭС менее дифференцирован по сравнению с АСЕАН, где разрыв в душевом ВВП между, например, Брунеем и Сингапуром, с одной стороны, и Камбоджой, Лаосом и Мьянмой, с другой — достигает полутора — двух десятков раз [1, с. 10–11].

Кроме того, ЕАЭС и АСЕАН представляют собой интеграционные блоки, принципиально отличающиеся с точки зрения географической конфигурации, прежде всего по отношению к континентальным и морским (океаническим) пространствам.

ЕАЭС — уникальное объединение, в котором ни одна страна, кроме России, не имеет выхода к морю. При этом сама Россия имеет самую протяжённую сухопутную границу в мире. Уникальность географии стран — участниц ЕАЭС заключается не просто в их расположении внутри континента, но в сочетании размеров их территории и удаленности от океанических коммуникаций. В частности, Казахстан является крупнейшей в мире страной без выхода к морю. Более того, Казахстан и его соседи по Центральной Азии образуют одну из крупнейших в мире групп стран без выхода к морю (так называемые «ареалы недоступности»). Белоруссия занимает аналогичное положение в Европе. Армения — единственная страна Западной Азии (выделяемый ООН регион, объединяющий государства Ближнего Востока и Закавказья) без выхода к крупной акватории. Киргизия входит в пятёрку стран с наибольшей средней возвышенностью над уровнем моря [3, с. 51–55]. При этом и Тихоокеанская Россия собственных прямых транспортных линий в стра-

ны Юго-Восточной Азии (ЮВА) не имеет. Морские перевозки между дальневосточными портами и государствами АСЕАН в основном обслуживаются японскими и южнокорейскими судами [7, с. 75].

Географическое и геоэкономическое положение стран ЕАЭС обуславливают его огромный транзитный потенциал, который, по оценкам экспертов, составляет порядка 220 млн тонн грузооборота в год. К 2020 г. возможно достижение показателя в 400 млн тонн, в том числе примерно 290 млн тонн грузов «тяготеют» к транзиту из стран ЕАЭС в третьи страны. Очевидно, что для перевозки таких колоссальных объёмов грузов необходима модернизация существующей транспортной инфраструктуры региона [5, с. 64].

Следствием вышеупомянутого географического расположения стран — участниц ЕАЭС становится доминирование сухопутных перевозок над морскими, что до последнего времени являлось одним из факторов удорожания экспортных поставок их продукции. Например, в России доля перевозок железнодорожным транспортом, без учета трубопроводов, составляет 87 %. При этом преобладают перевозки во внутреннем сообщении, на долю которых приходится более 60 % их суммарного объема. Около 30 % составляют экспортные отправки и порядка 2 % — транзитные перевозки [2, с. 48]. Портовая инфраструктура часто рассматривается как производная от железнодорожной сети. Кроме того, в России и ряде других государств постсоветского пространства железнодорожный транспорт традиционно рассматривается как один из ключевых элементов оборонного потенциала, что было продемонстрировано, в частности, во время состоявшихся в сентябре 2017 г. стратегических учений «Восток-2018» с участием китайских и монгольских военнослужащих. Кроме того, применительно к ЕАЭС определенные сложности связаны с различными стандартами железнодорожной колеи в странах Сообщества и у его внешних партнёров, из-за чего страдает одно из преимуществ транс-евразийских перевозок над морскими — быстрота доставки грузов [2, с. 65]. Вместе с тем в 2017 г. впервые за 30 лет океанский фрахт стал дороже сухопутной доставки в Евразии. Курс доллара и постоянная волатильность на рынке морского фрахта дают возможность перевозкам внутри ЕАЭС и железнодорожному транзиту конкурировать с морским фрахтом и в ценовом параметре¹.

Россия и Казахстан являются активными участниками международной торговли в качестве значимых поставщиков энергетического сырья, металлов и сырья, ориентируясь при этом преимущественно на европейское направление. Но в целом страны ЕАЭС пока занимают незначительную долю в мировой торговле. В начале текущего десятилетия их удельный вес в мировом экспорте составлял 1,7 %, в мировом импорте — 1,1 %. К 2015 г. эти показатели составили, соответственно, 2,2 и 1,6 %. К числу их крупнейших внешнеторговых контрагентов, помимо стран Евросоюза, также можно отнести Китай [1, с. 20].

С точки зрения развития ЕАЭС одним из ключевых дивидендов интеграции для всех стран-участниц является именно преодоление пространственных и межстрановых барьеров для снижения издержек от континентальной изолированности и для выхода на мировые рынки через доступ к прибрежным регионам. Из сказанного выше ясно, что для удаленных от океанических акваторий стран Центральной Азии такого рода повестка особенно актуальна. Расширение доступа на мировые товарные рынки требует как создания новых континентальных связей, так и выхода к морю для диверсификации своих товаропотоков. Для стран ЕАЭС таким выходом в Мировой океан может служить как российский Дальний Восток в рамках самого ЕАЭС, так и логистическая цепочка китайского «Одного пояса, одного пути», которая дает выход континентальным странам на рынки Восточной Азии и Западной Европы [3, с. 54].

Если ЕАЭС самая «континентальная» из региональных группировок в мировой экономике, то АСЕАН, в которую входят все материковые страны Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Таиланд, Мьянма), а также большинство архипелажных государств региона — одна из самых «океанических». Из десяти стран — участниц Ассоциации только Лаос не имеет прямого выхода к морю, что отчасти компенсируется незначительным расстоянием от его границы до морского побережья. При этом вышеупомянутая «материковая пятёрка» вместе с провинцией Юньнань и Гуанси-Чжуанским автономным районом Китая образуют так называемый субрегион Большого Меконга. Доля стран АСЕАН в мировом экспорте в 2001–2015 гг. выросла с 6,0 до 7,1 % при пре-

¹ Безбородов А.: Впервые за 30 лет океанский фрахт стал дороже сухопутной доставки в Евразии // Евразия Эксперт. — 2017. — 30 июня. — URL: <http://eurasia.expert/chto-zhdet-sovmestnyy-zheleznodorozhnyy-proekt/>

обладании товаров с высокой добавленной стоимостью, в мировом импорте — с 5,5 до 6,8 %, их главными внешнеторговыми партнерами являются Китай, Япония и США [1].

Из 50 крупнейших портов по контейнерным перевозкам в мире — 8 расположены в 6 странах ЮВА (Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, Филиппинах, Сингапуре, Таиланде). Для экономического развития ряда стран АСЕАН транспортный сектор приобрел ключевое значение в связи с их стратегическим расположением на пересечении морских торговых путей. Во многом по этой причине данный регион превратился в сферу стратегического соперничества Вашингтона и Токио, с одной стороны (с ориентацией на Таиланд, Вьетнам), и Пекина (с ориентацией на Камбоджу, Лаос, отчасти на Бирму) — с другой. Кроме того, развитию транспортной сферы активно способствовало выстраивание цепочек добавленной стоимости в отношениях стран Юго-Восточной Азии с внерегиональными партнёрами, например с Японией, которая охотно «делилась» с местными предприятиями устаревшей с точки зрения японского бизнеса производственно-технологической базы.

При этом Япония до недавнего времени являлась главным спонсором и координатором деятельности международного донорского сообщества, направленного на комплексное развитие экономики пяти стран Индокитая. В 2012 г. была принята Токийская стратегия на период 2013–2015 гг.² и определён объём инвестиций на её осуществление в сумме 2 306 млрд иен, которые предполагалось потратить на реализацию 57 инвестиционных проектов. Почти половина из данных проектов затрагивала Вьетнам: строительство порта Лакхуен, железнодорожных веток в Ханое и Хошимине, реконструкция аэропорта Тхивай.

Токийская стратегия определила три главных направления сотрудничества стран Большого Меконга и Японии:

- Укрепление связей внутри зоны реки Меконг, а также между странами Большого Меконга и другими государствами;
- Активизация экономических, торговых связей, укрепление позиций стран в глобальной цепочке увеличения ВВП;
- Сотрудничество в области охраны окружающей среды и обеспечения безопасности человека.

Также Япония ещё в 2008 г. через возможности Азиатского банка развития и при участии Малайзии активно участвовала в проекте общей стоимостью 73 млн долл. по реконструкции 652 км отдельных сегментов железнодорожной сети Камбоджи. Данный проект являлся важнейшей составной частью проекта Южного транспортного коридора «Субрегион Большого Меконга», который связывает Таиланд, Камбоджу и Вьетнам.

В заявлении Азиатского банка развития говорилось, что, помимо финансирования ремонта железнодорожного полотна и мостов, эта финансовая организация оказывает Камбодже и техническую помощь в реструктуризации железнодорожного хозяйства путём привлечения международной компании, которая будет заниматься управлением и обслуживанием железных дорог, а также инвестированием в их развитие в ближайшие 30 лет³.

В этот же период в инфраструктурных субрегиональных проектах всё более заметным становится присутствие Китая, например в проекте экономического коридора «Восток-Запад» (EWEC: East-West Economic Corridor), договорённость о создании которого была достигнута между Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом в 2006 г. и к которому Китай присоединился позднее. Осью коридора является автомобильная дорога протяжённостью в 1 450 км от Индийского до Тихого океана с крайней западной точки в портовом городе Маулме (провинция Мон в Мьянме) до крайней восточной точки в портовом городе Дананг (Вьетнам). Уже построенная автомагистраль проходит по территории Мьянмы (200 км), Таиланда (800 км), Лаоса (210 км), Вьетнама (240 км), на примыкающих к ней территориях созданы промышленные зоны, логистические объекты, инфраструктура для туризма.

В результате Китай занял доминирующее положение среди внешнеэкономических партнёров

² Tokyo Strategy 2012 for Mekong-Japan Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan, April 21. — 2012. — URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/mekong/summit04/joint_statement_en.html

³ «Большой Меконг» Пномпень приступил к модернизации магистралей // Gudok.ru. — 2008. — 28 июля. — URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=722285&archive=2008.07.28>; см. также обзор проектов развития субрегиона Большого Меконга в [4].

субрегиона Большого Меконга, проникая в него через экономики стран, являющихся его самыми «слабыми звеньями» — Лаоса и Камбоджи. С учётом того, что важная роль в развитии этих стран принадлежит территориям, сосредоточенным вокруг речного бассейна, ВВП Лаоса в значительной степени определяется предприятиями, полностью или частично принадлежащими иностранному капиталу. При этом Лаос, не имея выхода к морю, как указывалось выше, сильно зависит от стран соседей — Китая, Вьетнама, Камбоджи, Таиланда. Для укрепления своих позиций в Лаосе Китай воспользовался мировым финансово-экономическим кризисом 2009 г., сильно ударившим не только по самим странам АСЕАН, но и по одному из их ключевых стран-доноров — Японии. К этому времени общий объём региональных проектов с участием Китая составил 279 тыс. долл., часть из них была связана с углублением дна реки Меконг с целью сделать её судоходной для крупнотоннажных судов. При этом подобная деятельность (особенно в сфере гидроэнергетики) не учитывает экологический баланс водной артерии и приводит к негативным последствиям для других отраслей экономики Лаоса. В большинстве случаев предоставляемая Китаем Лаосу помощь является скрытыми инвестициями. Например, строительство моста через Меконг в Богэо за счёт кредита и помощи Китая сделало возможным интенсивное продвижение китайских товаров в Таиланд.

Тем не менее в качестве своих наиболее важных экономических и политических партнёров в Лаосе продолжают рассматривать Вьетнам и Таиланд.

Что касается Камбоджи, то, поскольку эта страна имеет территориальные проблемы в отношениях с Вьетнамом и Лаосом, она вынуждена искать инвестиции в Китае, Таиланде, Малайзии, а также у китайцев, проживающих на территории Королевства. При этом Пекин и здесь действует по «лаосскому сценарию», стараясь заинтересовать правительство Камбоджи возможностью улучшения судоходности Меконга [6, с. 242–244].

Вместе с тем Таиланд и Вьетнам в настоящее время являются скорее противниками подобных проектов, поскольку рассматривают их как покушение Китая на свой «стратегический тыл», которому сложно противодействовать еще и из-за снижения возможностей Токио влиять на субрегиональную повестку. С другой стороны, Бангкок и Ханой сами находятся в зависимости от Пекина, поскольку через китайскую территорию проходят основные наземные транспортные коридоры, связывающие эти страны со значительным сегментом евроазиатского пространства. Ситуация со свободой судоходства в прилегающих к субрегиону Большого Меконга морских акваториях также не даёт особых поводов для оптимизма.

В особо сложной ситуации находится Вьетнам, имеющий одновременно серьёзные претензии на роль субрегионального лидера и значительный конфликтный потенциал в отношениях с Китаем. В этой связи Ханой заинтересован в поиске новых точек опоры за пределами АСЕАН. Во многом следствием действия политических факторов, а не наличия экономических предпосылок, можно считать заключение и вступление в силу в 2016 г. Соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и ЕАЭС (далее: Соглашение о ЗСТ), хотя после этого объёмы российско-вьетнамской торговли и начали стремительно увеличиваться. Например, в третьем квартале 2017 г. взаимный товарооборот двух стран составил более 1,4 млрд долл., превысив сумму, достигнутую за аналогичный период 2016 г. почти на 58 %⁴.

Как следует из актуальной версии Концепции внешней политики Российской Федерации⁵, отношения между Россией и Вьетнамом имеют характер всеобъемлющего стратегического партнёрства. Положительный исторический бэкграунд в наших отношениях несколько пострадал вследствие снижения интереса у России к Вьетнаму в первом десятилетии постсоветского периода, вследствие чего фактически пришли в упадок созданные с помощью Советского Союза промышленные и другие предприятия, которые могли бы сегодня стать основой для создания цепочек добавленной стоимости. Вьетнам является одним из центров силы не только в субрегионе Большого Меконга, но и в АСЕАН в целом. Сочетание этих факторов даёт повод рассматривать Вьетнам в качестве возможного связующего контура между ЕАЭС и субрегионом Большого Меконга, а в более широкой перспективе — с АСЕАН в целом. Для успешного взаимодействия между ЕАЭС и Вьетнамом крайне важно наличие между ними надежного транспортного сообщения.

⁴ Бокарев Д. МТК «Вьетнам — Россия — Вьетнам» — мост между ЕАЭС и АСЕАН // Новое восточное обозрение. — 2018. — 13 марта. — URL: <https://ru.journal-neo.org/2018/03/13/mtk-v-etnam-rossiya-v-etnam-most-mezhdu-eae-s-i-asean>

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2016. — 1 декабря. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Вместе с тем не стоит переоценивать возможности, связанные с заключением Соглашения о ЗСТ и с подобными соглашениями с Камбоджой и Сингапуром, работа над которыми осуществляется в настоящее время. В установившейся среди государств – членов АСЕАН практике заключение соглашений о зонах свободной торговли предполагает совместный выход на рынки третьих стран, что в условиях усиления санкционного давления на Россию выглядит весьма проблематичным. Кроме того, между российскими и вьетнамскими предприятиями, как уже говорилось выше, практически отсутствуют цепочки добавленной стоимости, являющиеся экономическим стимулом для развития транспортных связей. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Вьетнамом также не предполагает регулярного перемещения значительных объёмов продукции.

Большая часть грузооборота между Россией и Вьетнамом осуществляется по морю. Для перемещения людей и особо ценных грузов используется воздушный транспорт. Вьетнам является единственной страной АСЕАН, из которой в Россию направляются значительные потоки трудовых мигрантов. Вместе с тем в силу своего материкового расположения Вьетнам, на первый взгляд, является одной из стран Юго-Восточной Азии, с которой возможна организация железнодорожного сообщения, могущего оказаться конкурентоспособным при условии перевозок крупных объёмов грузов.

В апреле 2015 г., во время визита главы правительства России Д. А. Медведева во Вьетнам, российская государственная железнодорожная компания «Российские железные дороги» (РЖД) и вьетнамская государственная компания «Вьетнамские железные дороги» (ВЖД) подписали соглашение о сотрудничестве. Далее, в июне 2017 г. РЖД и ВЖД подписали план мероприятий по реализации соглашения о сотрудничестве от 2015 г. Сообщалось, что в соответствии с этим документом РЖД может принять участие в реконструкции имеющихся и строительстве новых вьетнамских железных дорог. Кроме того, российские специалисты могут заняться разработкой программного обеспечения и обучением персонала для ВЖД⁶.

В декабре 2017 г. в Ханое в рамках международной промышленной выставки «Expo-Russia Vietnam 2017» и вьетнамо-российского бизнес-форума «Экономическое сотрудничество в условиях свободной торговли» представило новый железнодорожный контейнерный сервис по ускоренной доставке грузов из Вьетнама в Россию и в обратном направлении. Как уточнили в АО «РЖД Логистика», новый сервис позволяет минимум вдвое сократить сроки доставки по сравнению с морскими маршрутами через районы Восточной Африки. Ориентировочное время в пути из Ханоя в Москву и в обратном направлении составит 18 суток. Маршрут будет проходить через территорию Китая и пограничный переход Маньчжурия – Забайкальск⁷.

В январе 2018 г. АО «РЖД Логистика» в партнёрстве с вьетнамским оператором *Ratrac* (логистическая компания, на 35 % принадлежащая ГК «ВЖД») организовало тестовую железнодорожную отправку из России во Вьетнам, которая, как сообщалось в СМИ, «ознаменовала фактический запуск международного транспортного коридора Вьетнам – Россия – Вьетнам»⁸. Впрочем, дальнейшие перспективы подобного проекта могут выглядеть несколько туманными с учётом того, что в странах Большого Меконга железнодорожный транспорт всё ещё используется в основном для обслуживания пассажирских перевозок.

Вместе с тем внутри ЕАЭС имеет место соперничество между Россией и Казахстаном за приоритетные транзитные пути. Поскольку при этом Казахстан пытается заручиться поддержкой Китая, то речь могла бы идти и о появлении «симптомов» конкуренции между двумя интеграционными проектами: ЕАЭС и «Один пояс, один путь». Например, Казахстан выступает за строительство железной дороги от границы с Китаем через Туркменистан, Иран и Турцию до Босфора, далее в Болгарию и Западную Европу. К подобным планам наши партнёры из Астаны пытались подключить и Ханой, поскольку благодаря подписанию Соглашения о ЗСТ отмечается резкий рост казахстанского экспорта на рынок Вьетнама, что сказалось также на росте объема товарооборота. По сравнению с 2014 г. экспорт Казахстана с 1,7 млн долл. вырос до 167,4 млн долл. по ито-

⁶ Бокарев Д. МТК «Вьетнам – Россия – Вьетнам» – мост между ЕАЭС и АСЕАН // Новое восточное обозрение. – 2018. – 13 марта. – URL: <https://ru.journal-neo.org/2018/03/13/mtk-v-etnam-rossiya-v-etnam-most-mezhdu-eae-s-i-asean>

⁷ «РЖД Логистика» представила сервис ускоренной контейнерной доставки по маршруту Вьетнам – Россия – Вьетнам // Infranews. – 2017. – 14 декабря. – URL: <http://infranews.ru/logistika/zheleznaya-doroga/50431-rzhd-logistika-predstavila-servis-uskorennoj-kontejnernoj-dostavki-po-marshrutu-vetnam-rossiya-vetnam/>

⁸ РЖД организовали тестовую отправку груза в прямом железнодорожном сообщении Россия – Вьетнам // РЖД-Партнёр. – 2018. – 26 января. – URL: <http://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/rzhd-organizovali-testovuyu-otpravku-gruza-v-priyomom-zheleznodorozhnom-soobshchenii-rossiya-vetnam>

гам 2016 г. И это не предел, так как за первое полугодие 2017 г. казахстанский экспорт во Вьетнам уже составил 146,3 млн долл.⁹

В мае 2017 г. при активном содействии Посольства Казахстана во Вьетнаме была организована поездка представительной делегации руководства крупнейшего морского порта Вьетнама *Saigon Newport Corporation* (Танканг-Сайгон)¹⁰ в г. Ляньюньган (Китай) и Казахстан. В рамках своей поездки вьетнамская делегация посетила казахстанско-китайский терминал в порту Ляньюньган (КНР), станцию Алтынколь на казахстанско-китайской границе. Ранее казахстанские железнодорожники дважды посещали морской порт *Saigon Newport* для изучения возможностей налаживания транспортно-логистических маршрутов доставки грузов транзитом через территорию Китая из ЮВА в Казахстан, далее в другие страны ЕАЭС и в ЕС. Основным перевалочным пунктом в данном маршруте является вышеупомянутый казахстанско-китайский терминал в Ляньюнгане.

В Астане вице-президент по логистике АО «НК «Казахстан темір жолы»» («Казахстанские железные дороги») Санжар Елюбаев провел переговоры с генеральным директором *Saigon Newport Corporation* (SNP) Нгуен Данг Нгиемом, в ходе которых были рассмотрены вопросы выстраивания транспортно-логистических цепочек между ЮВА и Европой через территорию Казахстана. По итогам переговоров С. Елюбаев, в частности, отметил, что «для привлечения дополнительных объемов грузов, перевозимых в сухих и рефрижераторных контейнерах, необходимы скоординированные действия по развитию совместных международных железнодорожных перевозок между Вьетнамом и Казахстаном, а также транзитом через Казахстан в Турцию, Кавказ, страны Центральной Азии, Европы и регионы Ближнего Востока»¹¹. Впрочем, по целому ряду причин подобные планы пока что имеют невысокие шансы быть реализованными.

Что касается перспектив сотрудничества в транспортно-инфраструктурной сфере между ЕАЭС и архипелажными странами ЮВА, то здесь отдельного внимания заслуживает «российско-индонезийский кейс».

Индонезия — островное государство, однако очень большое, и для развития экономики ей необходимо развивать внутреннюю железнодорожную инфраструктуру. Особо следует отметить, что на территории страны находятся многочисленные угольные месторождения. Индонезия входит в число главных экспортеров каменного угля (так, в 2014 г. она заняла второе место в мире). В этом индонезийское руководство рассматривает и на помощь России, по достоинству оценивая российский опыт и технологии в этой отрасли¹². В качестве других ключевых партнеров Индонезии в транспортно-инфраструктурной сфере выступают Китай и Япония, которые при этом зачастую действуют согласно логике стратегического соперничества. Так, Китай инвестирует в стратегически важные инфраструктурные проекты, имеющие в ряде случаев сомнительные перспективы реализации. Например, Пекин и Токио конкурировали за участие в строительстве масштабного инфраструктурного коридора Джакарта — Бандунг, имеющего военно-политическое значение с точки зрения ситуации в Южно-Китайском море¹³.

В ноябре 2015 г. президент ОАО «РЖД» Олег Белозеров и президент компании *PT Kereta Api Indonesia* («Индонезийские железные дороги») Эди Сукморо подписали меморандум о взаимопонимании, который предусматривает совместное участие в проектах развития железнодорожной и логистической инфраструктуры в России и Индонезии, взаимодействие в области транспортного машиностроения, совместные проекты с привлечением частных и иностранных инвестиций

⁹ Итоги первого года зоны свободной торговли Евразийского союза и Вьетнама. Мнение вьетнамского эксперта // Евразия Эксперт. — 2017. — 29 октября. — URL: <http://eurasia.expert/itogi-zony-svobodnoy-torgovli-evraziyskogo-soyuza-i-vietnama/>

¹⁰ Компания *Saigon Newport Corporation*, основанная в 1989 г., является государственным предприятием и принадлежит Министерству обороны Социалистической Республики Вьетнам. В настоящее время данный порт является морским портом № 1 во Вьетнаме и крупнейшим поставщиком логистических услуг. Находится на юге страны, в Хошимине. В состав корпорации входят 30 дочерних компаний, 17 терминалов, которые распределены по всему ключевому экономическому району Вьетнама — дельте реки Меконг. Терминал *Cat Lai* компании *Saigon Newport Corporation* является самым крупным и современным во Вьетнаме, выступает в качестве большого перевалочного пункта для транспортировки товаров в Индонезию, Таиланд и другие страны Юго-Восточной Азии.

¹¹ Крупнейший морпорт Вьетнама заинтересован в транзитном потенциале Казахстана // МИА «Казинформ». — 2017. — 1 июня. — URL: https://www.inform.kz/ru/krupneyshiy-morport-v-etnama-zainteresovan-v-tranzitnom-potenciale-kazahstana_a3031728

¹² Бокарев Д. Российские железные дороги покоряют Индонезию // Новое восточное обозрение. — 2017. — 2 марта. — URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/03/02/rossijskie-zhelezny-e-dorogi-pokoryayut-indoneziyu/>

¹³ Japan's Rail Project Loss To China: Why It Matters For Abe's Economic Diplomacy And For China's // Forbes, October 1, 2016. — URL: <https://www.forbes.com/sites/stephenharner/2015/10/01/japans-rail-project-loss-to-china-why-it-matters-for-abes-economic-diplomacy-and-for-chinas/# 5aa8c3f82fae>

в развитие железных дорог¹⁴. Работы по ключевому проекту, связанному со строительством железной дороги для перевозки добываемого в провинции Восточный Калимантан угля и морского угольного терминала, стартовавшие в ноябре 2015 г. с торжественной церемонии с участием президента Индонезии Джоко Видодо, должны быть полностью завершены в 2019 г. РЖД является якорным инвестором проекта, в который входит также поставка подвижного состава.

Здесь стоит отметить, что на 2019 г. было запланировано и открытие вышеупомянутой магистрали Джакарта – Бандунг, строительством которой занимаются китайские специалисты. Однако работы идут настолько медленно, что для их завершения потребуется порядка трёх лет. Стоимость работ возросла с первоначальных 5,5 млн долл. до 6,1 млн долл., причем окупаемость ветки вызывает сомнения.

Д. Г. Муратов, генеральный директор специально открытой еще в 2010 г. в Индонезии проектной компании РЖД *Kereta Api Borneo*, сообщил, что помимо прямой коммерческой выгоды, проект создания железнодорожной инфраструктуры на Калимантане создаст более 300 тыс. рабочих мест непосредственно в сфере его реализации и еще более 10 тыс. рабочих мест в смежных отраслях. По его мнению, для Индонезии проект важен и с точки зрения трансфера технологий: российские специалисты передают индонезийской стороне передовые технологии, которые используются в железнодорожном строительстве, и обучают местный персонал их применению¹⁵.

Проект стал и первой в истории Индонезии программой по внедрению независимого от метеорологических условий и при этом экологически чистого способа перевозки угля, пальмового масла, различных других грузов. Индонезия также уже предложила РЖД принять участие в четырех транспортных проектах страны – Транскалимантанская дорога, «Транс-Сулавеси», «Транс-Джава» и «Транс-Суматра» общей протяженностью 4,8 тыс. км. Кроме того, Индонезия выразила заинтересованность и в сотрудничестве с РЖД по модернизации существующей железнодорожной сети и обновлению подвижного состава¹⁶.

Кроме Индонезии, Россия может помочь строить железные дороги и в Таиланде. В ходе заседания российско-тайландской межправительственной комиссии, состоявшегося в декабре 2018 г., министр промышленности и торговли РФ Д. В. Мантуров заявил о готовности российских компаний оказать помощь в строительстве железных дорог в Таиланде и поставлять поезда в эту страну: «в области транспорта и инфраструктуры российские предприятия готовы принять участие в строительстве новых веток железных дорог и поставках подвижного состава в рамках [тайландской] правительственной программы по развитию внутренней сети железных дорог с перспективами формирования транспортных коридоров с сопредельными странами»¹⁷.

* * *

Весьма распространенным является мнение о том, что налаживанию эффективного взаимодействия между ЕАЭС и странами АСЕАН мешает отсутствие эффективных транспортных связей. Вместе с тем опыт участия АСЕАН в международной торговле демонстрирует, что транспортные связи являются производной от системы цепочек добавленной стоимости. Поставки сельскохозяйственной продукции и «даров моря» не смогут стать их полноценной заменой. Белоруссия, например, уже демонстрирует скромные успехи на данном направлении, создавая во Вьетнаме предприятия по сборке и обслуживанию грузовиков и автобусов МАЗ¹⁸. При этом представители Минска уже столкнулись с определёнными трудностями из-за изменений вьетнамского законодательства (требования по локализации и т. д.). Имевшие место ранее попытки продажи в странах

¹⁴ РЖД предложили модернизировать систему управления железными дорогами Индонезии // InfraNews. — 2016. — 6 октября. — URL: <http://infraNews.ru/logistika/zheleznaya-doroga/46120-rzhd-predlozhili-modernizirovat-sistemu-upravleniya-zheleznymi-dorogami-indonezii/>

¹⁵ РЖД за пять лет построят и оборудуют железную дорогу в Индонезии // РИА Новости. — 2016. — 8 января. — URL: <https://ria.ru/20160108/1356580270.html>

¹⁶ РЖД построят в Индонезии порт и перевалочный терминал мощностью до 5 млн тонн // ТАСС. — 2016. — 8 ноября. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/3767078>

¹⁷ Россия поможет построить железные дороги в Таиланде // Gudok.ru. — 2018. — 27 декабря. — URL: [news/?ID=1448406](https://news.gudok.ru/?ID=1448406)

¹⁸ Первая очередь завода «МАЗ-Азия» во Вьетнаме начнет работать в сентябре — Катеринич // БЕЛТА — Новости Беларуси. — 2018. — 11 октября. — URL: <http://www.belta.by/newscompany/view/pervaja-ochered-zavoda-maz-azija-vo-vjetname-nachnet-rabotat-v-sentjabre-katerinich-307891-2018/> [Дмитрий Катеринич — генеральный директор ОАО «МАЗ», управляющей компания холдинга «Белавтомаз». — Прим. ред.].

Индокитайская продукция российского ПАО «КАМАЗ» потерпели фиаско из-за фактического отсутствия сервисного обслуживания.

Другим перспективным направлением развития экономических связей между ЕАЭС и странами АСЕАН могут являться проекты по созданию транспортной инфраструктуры, например предполагающие строительство и модернизацию железнодорожных сетей — подобные тем, что РЖД уже осуществляет в Индонезии. Подобные проекты в материковых странах ЮВА могли бы быть оценены как более перспективные из-за потенциальной возможности использовать их инфраструктуру в будущем и для налаживания транспортных связей между ЕАЭС и АСЕАН. Но соответствующие ниши в Лаосе, Камбодже и Мьянме уже заняты китайскими компаниями, а Пекин не заинтересован в допуске в субрегион внешних игроков, в том числе и своих стратегических партнеров. Таиланд больше тяготеет к сотрудничеству с Японией. Таким образом, на роль своеобразного моста между ЕАЭС и АСЕАН пока может скорее претендовать Вьетнам, на который, впрочем, оказывается всё большее давление со стороны Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества. Аналитический доклад. — М.: ВАВТ Минэкономразвития России; РЦИА РАНХИГС при Президенте РФ, 2017. — 228 с. — URL: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2017/07/ЕАЭС-и-АСЕАН-открывая-новые-горизонты-сотрудничества.pdf>
2. Лисоволик Я. Д. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // Международные процессы. — 2017. — № 3 (15) — С. 46–54. — DOI 10.17994/IT.2017.15.3.50.4
3. Лисоволик Я. Д., Кузнецов А. С., Бердигулова А. Р. Экономическая география стран Евразии. Специальный доклад // Макрообзор ЕАБР. — 2017. — Январь. — С. 51–55. — URL: https://eabr.org/upload/iblock/026/ekonomicheskaya_geografiya_stran_evrazii_yanvar_2017.pdf
4. Паршин П. Б. Проекты развития субрегиона реки Меконг // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО МИД России. — 2014. — Вып. 4 (43).
5. Подберёзкина О. А. Транспортные коридоры в российских интеграционных проектах (на примере ЕАЭС) // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 1. — С. 57–65.
6. Рудых Л. Г., Захарьев Я. О. Проект «Большой Меконг»: перспективы межгосударственного и экономического развития Юго-Восточной Азии // Вестник ИргТУ. — 2013. — № 9. — С. 241–245.
7. Симонёнок А. В. Проблемы и перспективы сотрудничества Тихоокеанской России и стран Юго-Восточной Азии // Россия и АТР. — 2016. — № 4 (94). — С. 171–191.

OLEG PARAMONOV

External Aspect of the Transport and Infrastructure Situation in ASEAN: New Opportunities and Risks for the EAEU Countries

Oleg G. Paramonov, Ph.D. (History), Senior Researcher,
Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University;
Associate Professor, School of International Relations,
Faculty of World Economy and International Affairs,
Higher School of Economics. E-mail: paramonov_og@rambler.ru

Summary. Russia is the largest trade and economic partner of ASEAN among the EEU countries. At the same time, the potential of mutual trade between the EAEU and ASEAN as a whole is far from being fully realized. One of the reasons for this is the lack of direct access to the sea from the rest of the EAEU, while ASEAN foreign trade is dominated by maritime transport. However, the ASEAN states often face serious

difficulties because of lack of modern railways as a necessary complement to the port infrastructure. Under current conditions, new opportunities are opening up for Russia both in the international market for transport services and in the implementation of infrastructure projects. This article deals with such opportunities and associated risks.

Keywords. EAEU, ASEAN, Greater Mekong Subregion, Indonesia, infrastructure corridor.

REFERENCES

- EAJeS i ASEAN: otkryvaja novye gorizonty sotrudnichestva. Analiticheskij doklad.* VAVT Minjekonomrazvitija Rossii, RCIA RANHIGS pri prezidente Rossijskoj Federacii. Moscow, 2017. 228 p. URL: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2017/07/EAJeS-i-ASEAN-otkryvaja-novye-gorizonty-sotrudnichestva.pdf>
- Lisovolik Ja. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz i ASEAN: ocenka vzaimodopolnjaemosti [The Eurasian Economic Union and ASEAN: An Assessment of Mutual Benefits]. *Mezhdunarodnye processy*. 2017. № 3 (15). P. 46–54. DOI 10.17994/IT.2017.15.3.50.4
- Lisovolik Ja. D., Kuznecov A. S., Berdigulova A. R. Ekonomicheskaja geografija stran Evrazii. Special'nyj doklad [The Economic Geography of Eurasian Countries. A Special Report]. *Makroobzor EABR*, January 2017. P. 51–55. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/026/ekonomicheskaya_geografiya_stran_evrazii_yanvar_2017.pdf
- Parshin P. *Projekty razvitija subregiona reki Mekong* [Projects for the Development of the Greater Mekong Subregion] // Analytical reports of the Institute for International Studies. MGIMO University. September 2014. Issue 4 (43).
- Podberyozkina O. A. Transportnye koridory v rossijskikh integracionnyh proektah (na primere EAJeS) [Transport Corridors in the Russian Integration Projects, the Case of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015. No. 1. P. 57–65.
- Rudyh L. G., Zahar'ev Ja. O. Projekt «Bol'shoj Mekong»: perspektivy mezhhgosudarstvennogo i ekonomicheskogo razvitija Jugo-Vostochnoj Aziji [The Greater Mekong Project: The Prospects for Inter-State and Economic Development of the South-East Asia]. *Vestnik IrGTU*. 2013. № 9. P. 241–245.
- Simonjonok A. V. Problemy i perspektivy sotrudnichestva Tikhookeanskoj Rossiji i stran Jugo-Vostochnoj Aziji [Problems and Prospects for Co-Operation Between Pacific Russia and South-East Asia]. *Rossija i ATR*. 2016. No. 4 (94). P. 171–191.

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

М. А. КОНАРОВСКИЙ

Афганский дневник. Год 2002-й*

Михаил Алексеевич Конаровский, канд. ист. наук,
вед. науч. сотр. Центра изучения Восточной Азии
и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол.
E-mail: makonarovsky@mail.ru

Аннотация. В конце 2001 г. Россия поддержала международную Антитеррористическую коалицию, направленную на подавление «Аль-Каиды» и свержение режима талибов в Афганистане. На основе решений международной Боннской конференции была сформирована Временная администрация страны. Тогда же в Кабуле после почти десятилетнего перерыва возобновило работу посольство России. Был назначен новый посол, прошедший утверждение в Комитетах по международным делам обеих палат Федерального собрания РФ. На встрече в Кремле он получил инструкции Президента В. В. Путина, поставившего неотложную задачу выстраивания и закрепления российско-афганских отношений на новом, постталибском, этапе истории этой страны. Помимо решения важных политических задач, весьма актуальными являлось налаживание повседневной хозяйственно-административной жизнедеятельности в условиях практически разрушенных талибами инфраструктуры Кабула и всей экономики страны, а также необходимость оперативного восстановления получившего значительные повреждения комплекса посольства России.

Ключевые слова: Афганистан, талибы, контртеррористическая операция, Кабул, экономическая помощь, Лоя Джирга, посольство, Дар-уль-Аман.

НЕОЖИДАННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

После распада СССР многие наши востоковеды-дипломаты, в том числе ориентированные на Афганистан, оказались невостребованными. Во всяком случае, первоначально. Такая ситуация, в значительной мере, вытекала из внешнеполитической триады первых лет постсоветской России в рамках т. н. доктрины Козырева. Высшим приоритетом в ней провозглашались отношения с Западом, потом следовали страны «ближнего зарубежья», далее — остальной мир, к которому, по такой логике, должен был относиться и Афганистан.

Казалось, что новая Россия и новая геополитика уже совсем или почти совсем не нуждаются в таком количестве экспертов-практиков, ориентированных на отношения с бывшим южным соседом. Тем более что афганская проблематика действительно на некоторое время перешла для внешней политики страны в разряд периферийных (хотя периодически и доставляла достаточно большие беспокойства). Многим хотелось верить, что теперь так будет всегда. Поэтому и целый ряд квалифицированных сотрудников МИД, которые наработали в Афганистане

*От редакции. В 2019 г. афганская тема присутствует в заголовках новостей и на кончике пера исследователей не только в связи с очередными усилиями по нормализации ситуации в этой стране. Исполняется сто лет установлению в 1919 г. дипломатических отношений между правительством эмира Афганистана Амануллы и правительством народных комиссаров в Москве. Кроме того, в декабре 1979 г. советские войска вошли в Афганистан, который они покинули десятилетие спустя, в феврале 1989 г. «Международная аналитика» публикует фрагменты рукописи новой книги Михаила Алексеевича Конаровского, которому довелось восстанавливать российское посольство в Афганистане после силовой смены режима талибов.

большой практический и профессиональный опыт, были вынуждены переквалифицироваться и перейти на другие направления, как в новых рамках дипломатической службы, так и вне ее. Немало демобилизовавшихся военнослужащих-«афганцев» нашли себя в бизнесе и политике. Однако для всех, кто находился в Афганистане в разные годы и при самых разных обстоятельствах, мирных или военных, эта страна стала важнейшим рубежом всей жизни. Мне неоднократно доводилось убеждаться, как при случайной встрече ранее не знакомых друг с другом «советских афганцев» между ними сразу же устанавливалась незримая внутренняя связь, взаимная симпатия...

Моя очередная командировка в Кабул последовала в 1983 году, вскоре после окончания Дипломатической академии. По возвращении в Москву осенью 1988 года я вышел на работу в Управление внешнеполитического планирования МИД. Потом был Научно-координационный центр — новое, созданное перед самым распадом СССР подразделение, нацеленное на обеспечение более конкретной практической связи между дипломатическим ведомством и главными политологическими центрами страны. Во второй половине 1990-х довелось работать в российском посольстве в США, где, в том числе, заниматься афганской темой. А на самом рубеже нового тысячелетия, уже в Москве, — вникать в проблематику безопасности и многосторонней дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это время запомнилось особо. Работа была в значительной мере новой, интересной и динамичной, а молодой, энергичный коллектив Второго департамента Азии, которым тогда руководили сначала А. П. Лосюков, а затем М. М. Белый, отличался энтузиазмом и высоким творческим зарядом. И потому вполне естественно, что уже через некоторое время многие мои младшие коллеги уже занимали ряд ведущих позиций в системе нашей дипломатической службы как в Москве, так и за рубежом...

События 11 сентября 2001 года застали нас с женой в Коломбо, куда незадолго до того я был назначен послом. Только-только обзавелся достаточным кругом деловых знакомств, инициировал создание в рамках ланкийской Торговой палаты Делового совета с Россией из числа крупных местных предпринимателей, совершил первые рабочие поездки по стране, начал проработку вопроса о давно назревшем строительстве нового комплекса посольства. Много лет оно занимало небольшое здание в престижном районе центральной части Коломбо, буквально стена к стене с канцелярией премьер-министра. Внешне было вполне милым, а резными наличниками на окнах и по фасаду чем-то напоминало «теремок-флигелек» из детской сказки. Но время брало свое — над сооружением целенаправленно трудились термиты, разрушавшие его внутренние перекрытия. Тем не менее реализовать новый проект удалось моим коллегам, и только через десятилетие...

Сюрреалистичную картину обрушения «близнецов» Нью-Йорка 11 сентября 2001 года я наблюдал в утренней новостной программе CNN в рабочем кабинете в посольстве. Сразу позвонил жене, попросил включить телевизор. Ее впечатление о чуть ли не срежиссированном сюжете почти совпало с моим. Тут же припомнилось короткое сообщение двумя днями ранее о фатальном покушении на одного из наиболее активных и успешных деятелей афганского *джихада* 1980-х годов Ахмад Шаха Масуда. А когда впоследствии было объявлено о начале в Афганистане контртеррористической операции, Иннеса как-то совсем обыденно пробросила, что пора, мол, собираться «в родину»: так, путая русские предлоги, говаривал когда-то один наш кабульский знакомец — майор еще королевской армии.

Особого значения этим словам я тогда не придавал, но оказался неправ. Жену, как всегда, не подвела интуиция. События в Афганистане и вокруг него разворачивались стремительно, вскоре последовал телефонный звонок из Москвы. Курировавший кадровое направление заместитель министра А. Л. Федотов, не вдаваясь в подробности, попросил прибыть в краткую командировку... Прямого рейса «Аэрофлота» в Москву пришлось бы ждать почти неделю, и я вылетел через Таиланд, где послом тогда был Е. Д. Островенко. В течение короткого времени, до августа 1992 года, он стоял во главе нашего посольства в Кабуле и после принятия решения о приостановлении его деятельности возглавил непростую эвакуацию персонала.

После принятия в самом конце 2001 года решения о возобновлении работы нашей дипмиссии на должность посла министру иностранных дел И. С. Иванову было предложено несколько кандидатур. Курирующий восточное направление заместитель министра А. П. Лосюков склонялся к моей кандидатуре, и министр согласился с его доводами. Таким образом, в рамках МИД вопрос был предварительно решен. У меня тоже не возникало сомнений: принимать или не принимать предложение. При этом важнейшим фактором была полная поддержка жены, которая выдвинула лишь одно условие — она поедет со мной.

Первые рабочие контакты с новыми властями страны установил наш тогдашний посол в Джибути А. С. Облов. Имея за спиной многолетний опыт работы в Афганистане, он провел в Кабуле первые встречи, ознакомился с логистическими возможностями временного размещения посольства и его сотрудников, по итогам поездки высказал руководству ряд конкретных рекомендаций. Что же касается меня, то лишь с началом практической подготовки к командировке я начал реально осознавать тот огромный ворох проблем, которые требовали срочного решения. Многие из них просто ставили в тупик. В постталибском Афганистане не было практически никаких условий для более или менее современного обеспечения жизнедеятельности посольства и обустройства быта сотрудников. Поэтому, помимо политической составляющей предстоящей работы, пришлось вплотную заниматься буквально всем — транспортом, связью, охраной, организацией питания, восстановлением старого посольского комплекса. Остро стояли и кадровые вопросы, включая подбор административно-технического персонала. Чем больше практических проблем будет разрешено перед вылетом в Кабул, тем легче будет ориентироваться на месте.

Вскоре удалось найти опытного врача «на все руки», служившего когда-то в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВ), квалифицированных стоматолога, медсестру и повара. Но особо сложную проблему представлял подбор оперативно-дипломатических сотрудников, резкий дефицит которых стал ощущаться практически сразу. Задача несколько облегчалась тем, что к моменту моего назначения в Кабуле уже находилась небольшая группа во главе с советником-посланником В. И. Иваненко. Учитывая обстановку в стране в целом и в Кабуле в частности, было принято решение командировать сотрудников без семей, сначала «вахтовым» методом (по три месяца), а позже на год. Примерно в таком режиме работали поначалу и представительства других государств...

На инаугурации главы Временной администрации Афганистана (ВАА) Х. Карзая от России присутствовал наш посол в Пакистане Э. С. Шевченко, с которым я был немного знаком ранее, в бытность его советником-посланником в Дели. Эдуард Степанович аккуратно выполнил поручение и, по его собственным словам, был шокирован «наследием» талибов. Вернувшись из Кабула, он позвонил мне в Коломбо (где я завершал прощальные протокольные мероприятия) и, поздравив с наступающим Новым годом, назвал будущую работу «героической миссией». Такие слова коллеги можно было расценить одновременно и как поддержку, и как товарищеское сочувствие. Я склонялся к первому, хотя мое решение принять предложение о работе в Кабуле многими знакомыми (включая и некоторых старых коллег-«афганцев») было встречено достаточно сдержанно. Собственно говоря, на восхищение я не рассчитывал (горячая точка, спартанские условия быта, одни проблемы и больше вопросов, чем ответов), но и особых отговоров не ожидал. Однако понять их было можно. Практически все достаточно долго проработали в «Афгане», отдавая ему все свои силы и эмоции. И хотя те непростые годы уже ушли в прошлое, но продолжали напоминать о себе психологической усталостью, а нередко и горькими воспоминаниями. Сказывались и неоднозначные воспоминания о бесплодности титанических усилий бывшего СССР по оказанию Афганистану всесторонней военной, экономической и политической поддержки...

...Утверждение меня на должность посла в Кабуле в Комитете по международным делам Совета Федерации состоялось 15 января 2002 года, за два дня до рассмотрения вопроса в Государственной Думе. Особых вопросов ни у членов Комитета, ни у его тогдашнего председателя М. В. Маргелова не было. Пожелав мне удачи, он поинтересовался административно-материальным обустройством посольства. Представлявший меня А. Л. Федотов дал подробные пояснения, обратив внимание как на значительные технические трудности в повседневном функционировании миссии, так и на непростой процесс адаптации сотрудников к сложным условиям работы и быта в постталибском Кабуле. Ко мне же у сенаторов был всего один, однако весьма существенный, вопрос. Касался он отношения афганцев к новой России. Ответил, что, по первым информационным сообщениям и по моим собственным предварительным наблюдениям, отношение это было неоднозначным. В новых структурах власти наиболее конструктивно в отношении нас были настроены представители бывших моджахедов, прежде всего «северян». Что же до влиятельного пуштунского крыла Временной администрации, состоявшего преимущественно из так называемых американских афганцев, оно стремительно набирало политические очки и нередко было настроено в отношении России с плохо скрываемой неприязнью. Работа предстояла достаточно сложная.

Обсуждение в Комитете по международным делам Государственной Думы под председатель-

ством Д. О. Рогозина проходило более эмоционально. Депутаты задавали много вопросов, в том числе «с пристрастием», а иногда и с явным намерением «поддать жару» в дискуссию. Сохранение неопределенности и нестабильности в Афганистане в ходе дискуссии вырисовывалось как наиболее вероятный сценарий развития ситуации на обозримую перспективу. Предметом озабоченности депутатов была также перспектива закрепления США в регионах «южного подбрюшья» России. Констатируя активное проникновение Вашингтона в Центральную Азию после распада СССР, члены Комитета выражали серьезную настороженность стремлением американцев и Запада в целом не допустить восстановления позиций России и в Афганистане. В качестве различных вариантов развития ситуации гипотетически указывалось на возможность фрагментации страны на узбекско-таджикский север и пуштунские юг и юго-восток. Выражалась серьезная обеспокоенность и тем, что если не предпринять адекватных мер, то уже в ближайшем будущем проблема наркопроизводства и наркотрафика из Афганистана может превратиться в серьезную угрозу национальной безопасности России. Как показали дальнейшие события, все озабоченности российских парламентариев полностью оправдались.

Отвечая на вопросы, я отмечал, что, в связи с нестабильностью в Афганистане после свержения режима талибов, многое в дальнейшем будет зависеть не только от мирового сообщества, но и от деятельности самого Кабула, от которого потребуются политическое здравомыслие и способность к компромиссам и маневрированию. Отдельно отметил, что не исключаю в будущем роста у нас серьезных противоречий с американцами, особенно по завершении проведения в Афганистане активной фазы антитеррористической операции. В свете событий 11 сентября в США члены Комитета много рассуждали и о личности Усамы бен Ладена. Под занавес встречи Д. О. Рогозин — человек с хорошим чувством юмора — рассказал свежий анекдот. Бен Ладен звонит Дж. Бушу и говорит: «Джордж, у меня для тебя две новости. Одна хорошая, другая плохая. С какой начать?». Тот отвечает: «С хорошей». Бен Ладен: «Джордж, я сдаюсь!». «Прекрасно. А вторая?». Бен Ладен: «Я срочно вылетаю к тебе!..».

7 марта к 17.00 я был приглашен на беседу к президенту В. В. Путину (агреман был запрошен месяцем раньше, выдан Кабулом быстро — всего через двенадцать дней, и уже 21 февраля был подписан Указ о моем назначении). Раньше практики приема руководством страны назначаемых послов не было (во всяком случае, если были, то официально не анонсировались). Инициатива принадлежала тогдашним помощнику президента по международным вопросам С. Э. Приходько и заместителю начальника Управления по внешней политике А. Л. Манжосину. Они предложили принять двух послов, назначаемых в наиболее критические точки. Кроме меня, на тот же день был назначен прием нового посла в Израиле Г. П. Тарасова, миссия которого начиналась в условиях очередного витка эскалации палестино-израильской напряженности. Селективная практика приема первым лицом государства некоторых назначаемых послов продолжилась и позже. Прежде всего это касалось наиболее значимых для внешней политики России стран или особо «горячих точек». Так, позднее В. В. Путин встречался с будущими послами: на Украине — с В. С. Черномырдиным, в Азербайджане — В. Н. Истратовым, а Д. А. Медведев — с послами: в ФРГ — В. М. Грининым и на Украине — М.Ю. Зурабовым. О повышенном внимании к развитию отношений с Афганистаном свидетельствовало и то, что позднее В. В. Путин принял также и вновь назначенного в Кабул торгпреда В. Н. Иванова. Валерий Николаевич был профессионалом высокого класса с богатым и разнообразным опытом работы в Афганистане, а наше знакомство началось еще в начале 1960-х, в годы общего студенчества в Институте восточных языков при МГУ.

Встреча состоялась в рабочем кабинете президента на втором этаже Первого корпуса Кремля и длилась минут двадцать. В. В. Путин продемонстрировал детальное знакомство с ситуацией в Афганистане, в том числе в ее увязке с обстановкой в Центральной Азии, дал конкретные рекомендации. В практическом плане для меня было важно и его инициативное внимание к оперативному восстановлению разрушенного комплекса посольства. Президент сделал это решительно и повторил дважды, пожелав мне удачи. Я передал ему свою уже давнюю книгу очерков об Афганистане, хотя уверенности в том, что она будет прочитана, естественно, не было.

За несколько дней до вылета в Кабул состоялась встреча с тогдашним мэром Москвы Ю. М. Лужковым. На нее я рассчитывал особо, однако ожидания практически не оправдались. Хозяин здания на Тверской в присутствии около десятка своих сотрудников был, как всегда, деловит и всячески давал понять, что значительным временем не располагает. Сразу перейдя к существу вопроса, я затронул возможность содействия мэрии в восстановлении некоторых экономических объектов в Кабуле, которые в советский период были построены при содействии

Моссовета. К ним, в частности, относились комплекс Кабульского политехнического института (КПИ), а также порядком устаревший, однако еще вполне пригодный к функционированию домостроительный комбинат (КДСК). Именно на него я и напирал в первую очередь. Дело в том, что в течение многих лет это предприятие обеспечивало строительство экономически и социально значимых объектов в Кабуле, соорудившихся, в том числе, с помощью СССР. В их числе, кроме КПИ, были автодорожный техникум, хлебокомбинат, Центральный военный госпиталь. Но основной визитной карточкой КДСК был большой Кабульский микрорайон. Многие годы традиционную панораму города дополняли ровные кварталы четырехэтажных домов, похожих на московские новостройки 1960-х годов. Их сооружение, также начавшееся в 1960-х и расширявшееся до середины 1980-х годов, стало в свое время знаковым событием в местном градостроительстве. Это же означало и совершенно новый этап в жизни значительной части горожан среднего достатка. Современные квартиры европейского образца вообще были в Кабуле достаточно новым явлением, и поначалу афганцы переселялись в микрорайон с опаской. Особое восхищение, как рассказывали наши соотечественники, работавшие в городе в 1960-е годы, вызывали централизованное водоснабжение и канализация. Впоследствии же этот городской анклав приобрел завидную популярность, и спрос на квартиры настолько вырос, что строительство было значительно расширено. Аналогичные анклавы экономкласса появились и в других частях города.

Работа КДСК фактически прекратилась еще в начале 1990-х годов. Постталибские власти рассчитывала на безвозмездное содействие Москвы в его восстановлении. Поддерживая такой подход, я исходил, прежде всего, из практической значимости комбината для экономики афганской столицы. Но уговорить Юрия Михайловича не удавалось. «Только на коммерческой основе!» — поначалу отрезал он. Но позднее все же согласился выделить средства на капитальный ремонт актового зала КПИ, который афганская сторона была заинтересована провести в максимально короткие сроки. К этому ее подталкивал, в том числе, острый дефицит современных площадок для проведения в Кабуле крупных общественно-политических мероприятий. В Политехническом же институте такие возможности имелись. Там первоначально и предполагалось провести в июне Чрезвычайную Лойя Джиргу, предусмотренную еще международной встречей по Афганистану в Бонне осенью 2001 года.

Я рассчитывал, что поездка в Россию кабульского градоначальника на основе уже имеющегося приглашения будет способствовать успешному решению вопроса о направлениях сотрудничества с мэрией Москвы. В связи с этим просил Ю. М. Лужкова оказать ему достойный прием, приурочив к визиту и решения по объемам и условиям содействия афганской столице. Поездка состоялась, однако только в апреле следующего, 2003 года. Причем и за эту поездку нам пришлось побороться с бюрократией на Тверской. Летом 2002 года новым кабульским мэром был назначен М. Джагдалак, биография которого носила типичные черты афганских реалий последних десятилетий минувшего века. Выходец из влиятельного пуштунского племени ахмадзаев, новый градоначальник — *шарваль* — в свое время был активным моджахедом. После его назначения мы предложили мэрии Москвы направить поздравление с одновременным возобновлением приглашения. Однако неожиданно получили ответ, что ни поздравлять М. Джагдалака, ни форсировать вопрос о его приглашении к нам не планируется. «Новый мэр является практически неизвестной личностью и пока не успел проявить себя на новой должности» — аргументировал позицию в факсимильном послании некий господин Долгошлюбов — один из достаточно влиятельных фигур московской мэрии того периода. Свой отказ он обосновывал и тем, что М. Джагдалак «был назначен “сверху”, а не избран демократическим путем»... Пришлось убеждать московские власти окольными путями и в более решительных тонах.

...С незадолго до того избранным губернатором Московской области, бывшим командующим 40-й армией генерал-полковником Б. В. Громовым ранее мы неоднократно пересекались в Кабуле. Тем не менее, во избежание возможных бюрократических проволочек в его аппарате, я воспользовался самым верным путем — предложением своего доброго знакомого, тоже бывшего офицера-«афганца», посодействовать в организации встречи с новым главой Подмосковья. Учитывая профессиональное прошлое и нынешний статус бывшего командарма, я прозондировал возможность оказания безвозмездной гуманитарной помощи афганской стороне от Московской области. Борис Всеволодович пообещал, однако просил немного повременить, пока не освоится в новой должности (на момент нашей встречи не прошло и месяца после его избрания). Многочисленные проблемы Подмосковья требовали срочных решений, и первая безвозмездная помощь от него поступила в Афганистан уже после моего возвращения из Кабула...

Запомнилась встреча и с председателем Торгово-промышленной палаты Е. М. Примаковым, особенно в части его оценок политических перспектив российско-афганских отношений. Видение академиком перспектив обстановки в Афганистане и наших двусторонних отношений на их новом этапе было в целом выдержано в духе официальных подходов и оценок. Вместе с тем опытный политик уже тогда аккуратно размышлял о целесообразности продумывать возможности определенного вовлечения во властные структуры Афганистана деятелей из числа сторонников талибов и, вообще, о необходимости внимательней взглянуть на традиционный пуштунский фактор в этой стране. Обменялись мнениями и об экономической составляющей отношений. Я полагал, что поиск нашими компаниями (многие из которых появились недавно и не имели опыта работы в Афганистане) выходов на местные рынки и упорядочение их деловых контактов с местными партнерами, решение вопросов участия в проектах восстановления разрушенного войной хозяйства — всё это уже сейчас требует общей координации. В связи с этим было бы полезно создать ассоциацию делового сотрудничества. Развитие этот сюжет получил позже, во время визита в Москву министра иностранных дел А. Абдуллы в ноябре. В результате же встречи с Е. М. Примаковым состоялось решение об обмене делегациями для проведения переговоров на данный счет. Впоследствии было оформлено также соглашение о создании российско-афганского делового совета.

КАБУЛ ПОСТТАЛИБСКИЙ

Агреман с согласием о назначении получен, Указ президента подписан, и можно было вылетать к месту службы. Но неожиданно вновь возникли технические трудности. Теперь уже связанные с перелетом. Регулярных рейсов «Аэрофлота» или афганской авиакомпании «Ариана» уже давно не было, и добраться к месту назначения можно было «на перекладных» с пересадкой в Исламабаде, во Франкфурте или Дубаи. После долгих раздумий и с учетом необходимости прихватить с собой кое-какой домашний скарб мы решили не делать большой крюк и лететь через Душанбе. А поскольку и оттуда гражданских авиарейсов в Кабул не было, пришлось договариваться на этот счет с командованием российских погранвойск, которые в тот период «прикрывали» таджикско-афганскую границу.

5 мая мы с женой вылетели в Кабул на грузовом Ан-26 с маленькой кабинкой на два пассажира. Самолет был довольно ветхим, экипаж состоял из пилота и штурмана. Провожал нас давний товарищ и коллега, старый «афганец», тогда посол России в Таджикистане М. А. Пешков. На сутки он «приютил» нас у себя в небольшом, глинобитном особнячке традиционной постройки в старой части Душанбе. От улицы дом отделял массивный глинобитный *дувал*, который скрывал от чужих глаз и миниатюрный зеленый садик. К тому времени вверенное правнуку Максима Горького посольство уже функционировало на первых этажах капитально отреставрированного бывшего жилого восьмиэтажного здания на проспекте Рудаки. Сотрудники обживали свежие квартиры, за исключением руководителя: ремонт предназначенных для посла помещений пока не был завершен. Новый комплекс включал также здание консульского отдела, бассейн, теннисный корт, детскую площадку, не говоря о хозяйственных службах. А на первом этаже административно-жилого дома функционировала и хорошая столовая. Правда, со всем этим мы познакомились позже, во время одной из поездок в Душанбе из Кабула «на побывку». Я искренне порадовался за своих коллег, которые наконец-то обрели нормальные рабочие и бытовые условия. Тем более что сравнить их с прошлыми я мог на личном опыте.

В Кабул летели часа полтора; сидели за небольшим шатким столиком, наблюдая за окном иллюминатора впечатляюще унылый горный пейзаж. В Кабуле приземлились в 11:30 утра. Панорама города сверху ничуть не изменилась: те же, как и раньше, серо-терракотовые горы и такие же, в основном, невысокие глинобитные дома на фоне рваных кусков еще не сочной зелени. На скорую руку залатанная взлетная полоса небольшого международного аэропорта, рядом с которой сиротливо примостились самолет с опознавательными знаками ООН, пара боевых вертолетов советского производства, старый гражданский «Боинг» авиакомпании «Ариана». Основной терминал, как и всё вокруг, носил отпечаток многолетнего запустения. Зато небольшой салон для VIP пассажиров был плотно заставлен неуместно помпезной, хотя явно не новой мебелью. Встречал нас немногочисленный оперативно-дипломатический состав посольства и два представителя протокольного отдела местного МИД. Они, по правилам классического протокола, сопроводили нас в посольство в древнем, но вполне опрятном представительском «Мерседесе» с просиженными кожаными сиденьями темнобордовых тонов.

Дорога в город, которую недавно переименовали в честь А. Ш. Масуда, была переполнена повозками и поражающим бедностью многолюдьем. Беспорядочная вереница *дуканов*, сооруженных из пустых автодорожных контейнеров или из наспех сколоченных неотесанных досок. Традиционный небогатый набор местной придорожной торговли — овощи, фрукты, запыленные банки безалкогольных напитков, чай, сигареты и пр. На прохожих — обилие традиционных мужских *патлюнов* и коротких *васкетов* поверх рубашек навывпуск. Из головных уборов преобладали *паколи*, которые наши сограждане когда-то именовали «афганками» или «моджахедками». Женщины в чадре были в явном меньшинстве, а в европейской одежде и вовсе почти не встречались. Зато везде были многочисленные портреты А. Ш. Масуда.

Район Вазир Акбар хан мина, где временно располагалось наше посольство, почти не тронули военные действия *моджахедов* и *талибов*. Здесь сохранилась практически вся застройка — небольшие двухэтажные дома начала 70-х годов прошлого века. Из-за огромного дефицита современного городского жилья этот район являлся наиболее приемлемым из всего, что могли предположить арендодатели. Иностранцы, количество которых в Кабуле после падения режима талибов увеличивалось в геометрической прогрессии, охотно арендовали здесь помещения. Этим тут же воспользовались домовладельцы или их представители (поскольку в период талибов многие состоятельные горожане предусмотрительно выехали в Пакистан, Индию или ОАЭ, а то и дальше — в Европу и Америку). Владелец небольшого двухэтажного дома, где поначалу размещалось наше посольство, узнав о предстоящем приезде посла, ультимативно затребовал арендную плату в четыре раза выше той, которую он получал еще совсем недавно. После долгих торгов и уговоров нашим коллегам удалось-таки умерить его аппетит почти вдвое. Однако зданию был необходим ремонт; того же требовали и другие арендуемые нами небольшие коттеджи рядом. Охраняли все хозяйство командировавшиеся по ротации российские пограничники, а также несколько бойцов спецназа.

Первое впечатление от коллектива создавалось неплохое; чувствовалось, что все осознавали трудности не только в работе, но и в повседневном быту, и были готовы к ним. Кое с кем я был знаком давно, а некоторых, включая технический персонал, ранее непосредственно подбирал сам. Через несколько дней после приезда Иннеса впервые вышла в город. Известный Зеленый базар во многом сохранял свой общий, хорошо запомнившийся еще с 1970-х годов колорит. А в одной из мясных лавок она даже обнаружила древний холодильник, в котором, как и много лет назад, продолжали хранить говяжью вырезку. Правда, старого хозяина уже не было в живых. И хотя где-то промелькнула пара знакомых лиц, но здесь правили бал уже совсем другие типажи...

Сразу по приезде я нанес протокольный визит министру иностранных дел А. Абдулле для передачи копий верительных грамот главе ВАА. С ним мы мельком виделись во время недавнего визита в Москву Х. Карзая. Разговор начали на английском, но почти сразу же перешли на дари. Бывший офтальмолог произвел благоприятное впечатление: немного выше среднего роста, хорошо и элегантно одет, мягкий взгляд и спокойная, уверенная манера держаться. На выходе из здания МИД я неожиданно столкнулся со старым знакомцем — бывшим деканом юридического факультета Кабульского университета Даудом Панджшири, братом известного поэта и многолетнего члена политбюро ЦК НДПА. В 1980-е годы я поддерживал с обоими не только деловые, но и неплохие личные контакты. Сейчас же Дауд собирался возглавить афганское посольство в Душанбе, был приветлив, но достаточно сдержан.

Построенное в 1960-х годах новое трехэтажное здание афганского МИДа до сих пор остается одним из наиболее изящных сооружений центральной части Кабула. Как и ряд особняков афганской знати, оно примыкает к большому дворцовому комплексу Арк, который более ста лет был резиденцией монархов, а затем президентов¹. Там же располагались и комфортные пред-

¹ М. Дауд пригласил советского и американского послов с супругами за свой отдельный стол (сам глава государства был один). После пары глотков холодной кока-колы со льдом (безалкогольные напитки предлагались официантом в обнос, крепких не подавали), я неожиданно почувствовал себя настолько плохо, что был вынужден просить у Александра Михайловича разрешения вернуться в посольство. Меня подменил бывший тогда первым секретарем С. П. Гаврилов — один из наиболее ярких и талантливых дипломатов, с которыми мне приходилось встречаться и сотрудничать в течение всей моей почти сорокалетней службы в системе МИД. Вплоть до своей внезапной кончины от сердечного приступа в возрасте 46 лет он оставался для меня и многих коллег по «афганскому цеху» не только доброжелательным наставником, но и добрым товарищем...

С большим трудом удалось выбраться за оцепление республиканской гвардии и полицейских, которые сначала не хотели выпускать меня, так как по всему периметру здание МИД и парк были оцеплены плотным кольцом охраны. Но в конце концов шлагбаум открыли. Из-за полицейских кордонов поймать такси было непросто, но, наконец, удалось добраться до дома. Со мной довольно долго возился посольский врач, и окончательно я выздоровел только дней через десять. По всему,

ставительские помещения, где проводились как официальные приемы, так и международные конференции. Тыльная часть здания смотрела на стену бывшего королевского дворца, и между ними когда-то был разбит большой элегантный парк европейского ландшафтного дизайна с изящными дорожками и декоративными мостиками. В одном из отдаленных уголков был даже небольшой японский садик. В 1970-х годах президент М. Дауд любил устраивать именно здесь государственные приемы в связи с годовщинами восстановления независимости страны, и эту традицию потом частично переняли лидеры НДПА.

Парк при МИДе не мог не нравиться. Однако меня с ним связывали не очень приятные воспоминания о сильном отравлении, которое я получил в 1976 году, сопровождая посла А. М. Пузанова на один из таких приемов.

Сейчас как парк, так и само здание МИД казались в полном запустении. Создавалось впечатление, что здесь годами не гуляла самая простая уличная метла. Однако в целом постройкам министерства, как и всему центральному кварталу города, повезло: во время междуусобиц и боевых операций они практически не пострадали — основные разрушения пришлось на юго-западную часть Кабула и район вокруг советского посольства. Менее чем через год новые власти привели в порядок здание МИД. Был сделан добротный ремонт; в кабинетах и представительских помещениях расставили новую мягкую мебель в классическом европейском стиле; не поддававшиеся чистке пыльные ковры заменили на новые, в основном афганские *маури* (меврские), традиционных темно-бордовых тонов с многоугольным орнаментом. На потолках снова засияли хрустальные люстры, а на стенах появились картины в добротных багетах. Среди них были и пейзажи некоторых европейских мастеров XIX–XX веков или их копии².

Преобразился и расположенный на третьем этаже кабинет министра. На рабочем столе — массивный письменный прибор, на журнальном столике и шкафах вдоль стены — изделия из традиционного местного поделочного камня — арагонита. На стенах портреты Х. Карзая, экс-короля Мухаммеда Захир-шаха, а также А. Ш. Масуда. Всё четко выверено и политкорректно: глава государства, «Отец нации» (этот титул экс-король получил на Чрезвычайной Лойя Джирге немного позже, летом 2002 года) и национальный герой. Триптих подобной композиции мне больше не встречался ни в одном из руководящих кабинетов Кабула. Хотя, в зависимости от политических пристрастий хозяев, сочетания выставлявшихся фотографий бывали разные.

К осени 2002 года преобразились и просторные представительские помещения первого этажа министерства, куда постепенно стали переноситься из Арка и все основные протокольные мероприятия. Стены представительских помещений украсили живописные работы афганских авторов, прежде всего получившего в свое время широкую известность М. Ю. Асефи, врача по профессии. Это были преимущественно виды, связанные со страницами афганской истории: старая мечеть Ходжа Парса в Балхе, древняя крепость Балахиссар в Кабуле, знаменитые наскальные изваяния Будды в Бамиане. (В конце 1990-х годов они, как и историческое поселение греко-бактрийского периода Ай Ханум на севере страны, были варварски уничтожены талибами.) Однажды, по случаю, у хозяина одного из арендованных нами коттеджей я приобрел стильную работу этого автора — «Минарет в Газни», которую позже передал в дар нашему посольству.

...Верительные грамоты Х. Карзай принимал в большом представительском зале второго этажа административного корпуса *Гольхана* дворца Арк. По одну сторону от него стоял А. Абдулла, по другую — советник по международным вопросам М. Я. Маруфи. От главного входа в зал ведут два пролета широкой мраморной лестницы с массивными резными деревянными перилами и изящным бронзовым светильником в виде средневекового парусника. С правой стороны к залу примыкает рабочий кабинет главы государства, а с левой — просторное помещение, где раньше проводились заседания кабинета министров. Все они, а также «личные апартаменты» в соседнем здании традиционно выдерживались в классическом европейском стиле: мрамор-

отравление могло быть спровоцировано недостаточно чистым льдом. Но бдительный помощник посла по вопросам безопасности не исключал, что оно могло быть и преднамеренным (разумеется, не в отношении меня, а кого-то из сидевших за столом высоких персон). Однако, поскольку ни с кем из них, слава Богу, ничего дурного не произошло и прием прошел вполне благополучно, то и сеять лишние подозрения наш «безопасный» не стал.

² В свое время представители старой афганской аристократии в своих зарубежных поездках, в том числе в Советский Союз, приобретали кое-какие произведения европейской живописи, хотя я никогда не слышал, чтобы среди них были заведомо вредные коллекционеры (король был исключением). Тем не менее некоторые, в том числе Мухаммед Наим — младший брат президента М. Дауда и один из его наиболее доверенных лиц, заместитель министра иностранных дел по политическим вопросам В. Абдулла, при посещении Москвы иногда просили отвезти их в знаменитые комиссионные магазины на старом Арбате и улице Горького...

ные полы и стены коричнево-бежевых тонов, темная бронза настенных светильников и люстр, глубокие диваны и кресла, а также неизменный камин у стены. Когда-то здесь король Мухаммед Захир-шах проводил встречи с высокими гостями и иностранными послами.

Эту традицию впоследствии перенял президент М. Дауд, однако свои беседы предпочитал вести не у камина, а в центре представительской залы. Сменившие его лидеры проводили их, как и позднее Х. Карзай, в основном в рабочем кабинете. Позади письменного стола у стены стоял резной деревянный книжный шкаф, сбоку от стола темного махагона располагался угловой камин. Позже в приемной зале, как и в других помещениях дворца, по настоянию американцев, вместе с афганцами (до трехсот человек) начали круглосуточно дежурить и около ста двадцати охранников из США. Однако в решение организационных вопросов они не вмешивались. Примечательным же было то, что, когда в связи с выездами Х. Карзая за рубеж, а также в поездки по стране, его рабочий кабинет временно занимал М. Фахим, то американские охранники тут же куда-то исчезали.

Бывший просторный кабинет министра королевского двора с эркерными окнами и небольшим декоративным мраморным бассейном с фонтанчиком в центре поначалу был передан помощнику и пресс-секретарю Х. Карзая, а вскоре после его назначения послом в Вашингтон — секретарю Совета безопасности. Эта должность (в ранге министра) была введена летом 2002 г. После Чрезвычайной Лойя Джирги ее занял близкий к «королевской партии» и Х. Карзаю бывший министр гражданской авиации З. Расул (позднее он стал министром иностранных дел, а в 2014 году не без поддержки Х. Карзая пытался выдвинуть свою кандидатуру на президентский пост). Создание Совета национальной безопасности, как и назначение прозападного профессионала на пост советника означали закрепление контроля пуштунского сегмента правительства над вопросами внешней политики и национальной безопасности. В состав Совета вошли глава государства, его заместители, министры обороны, внутренних и иностранных дел, а также начальники разведки и контрразведки. Секретарь Совбеза был наделен значительными функциями и, по американскому примеру, стал занимать особое место в иерархии ВАА, имел прямой доступ к главе государства и два раза в день лично докладывал ему о развитии международной и региональной обстановки.

Позднее под расширяющийся аппарат Совета было передано небольшое двухэтажное здание рядом с рабочей резиденцией главы государства. Его структура, внутренний распорядок и оснащение — всё было организовано с особо повышенным вниманием к вопросам безопасности и секретности. Усилиями американских советников здание превратилось в своеобразный бункер, попасть куда было даже сложнее, чем к первому лицу страны. От остальных строений его отделяла дополнительная ограда, у входа в здание стоял американский охранник «при полной выкладке». В отличие от других ведомств, здесь все было чинно и деловито, а в коридорах малоллюдно и никакой суеты. Другие же кабульские учреждения в целом сохраняли традиционный местный бюрократический колорит. Его неизменным атрибутом был дремлющий на стуле у дверей начальствующих кабинетов служака — *пуйада*, или *бача*. Одет исключительно в традиционные *патлюны*, длинную рубашку навыпуск, на голове простенький *дастар*, а на часто босых ногах — грубые *чапли* (сандалии) или галоши. Появившиеся в свое время в Афганистане из России, они до сих пор так и называются на русский манер — *калауш*. В любой момент служака готов принести посетителю чай в алюминиевом чайнике и с не всегда чистыми пиалами. Но зато обязательно с каким-либо довеском — то кусочком сухого бисквита, то небольшой тарелочкой с *ноклем*. В новое же здание Совета безопасности и на его этажи сотрудники попадали только по персональным сенсорным карточкам, а гостей ни на минуту не оставляли без наблюдения, да и чаю не предлагали. (Правда, касались ли такие строгости всех или только российских представителей, сказать не могу).

...Выгодное географическое положение Кабула издавна сделало его значимым центром пересечения караванных путей от Средиземного моря к Индии и Китаю. Столицей же город стал в 1773 году, почти сразу же после основания первого централизованного афганского государства. Восточная, его самая старая часть, традиционно застраивалась плотными рядами глинобитных построек, над которыми и сегодня возвышаются остатки доминировавшей когда-то над долиной крепости *Балахиссар*. Позже на развалинах окружавших ее кварталов возник большой район под таким же названием. С конца XVIII века город начал быстро развиваться, и вокруг *Балахиссара* стали появляться разного рода общественные сооружения, жилые дома, мечети, бани, караван-сарай. Возникали и новые жилые районы, входившие во внутреннюю границу города. Во второй половине позапрошлого столетия появился большой

район под названием *Ширпур*. Позднее для иностранцев он стал известным благодаря созданному здесь британцами европейскому кладбищу, которое и сегодня именуется кабульцами *Кабр-е-гура* (захоронение краснолицых — так население бывшей Британской Индии нередко именовало англичан).

Недалеко от нашего посольства в районе Дар-уль-Аман, на полпути к вершине небольшой горной гряды, многие годы находилось и небольшое советское кладбище всего с несколькими захоронениями периода 1933—1950-х годов. В начале семидесятых оно было частично отремонтировано и продолжало скромно содержаться за счет посольства. После того как в 1992 году функционирование нашей миссии было приостановлено, кладбище оставалось фактически без какого-либо присмотра. Поэтому после приезда в Кабул, с первой же оказией мы с женой и несколькими сотрудниками решили его осмотреть. Особо тревожили предположения о возможном осквернении захоронений. (Такие мысли подпитывались и тем, что если раньше район кладбища был достаточно малолюдным, то сейчас к нему уже вплотную подступали стены новых глинобитных построек.) Однако, к счастью, этого не произошло, хотя о кладбище не могли не знать как моджахеды, так и талибы. Оно уже требовало капитального ремонта, включая надгробья, лишь на двух из которых можно было, да и то с трудом, различить надписи.

Через несколько месяцев подрядная организация, приступавшая к восстановлению комплекса посольства, завершила работы. Территория была расчищена и засыпана гравием, ограда отремонтирована, восстановленные надгробья облицованы плитами серо-темного искусственного мрамора. Но, увы, при этом не удалось сохранить не только первоначальный вид кладбища, включая глинобитную стелу главного захоронения с металлической пятиконечной звездой, но и его определенный восточный колорит.

Посетив однажды *Кабр-е-гура*, я и там обнаружил несколько захоронений наших соотечественников, которые волею обстоятельств оказались в Кабуле после 1917 года. Последняя из надгробных плит датировалась уже второй половиной 1940-х годов, когда в районе Дар-уль-Амана уже существовало советское кладбище. Значит, водораздел между соотечественниками на чужбине проходил и по кладбищенским ступеням. Из опыта своей предыдущей работы в Кабуле я знал, что в советском посольстве что-то слышали о *Кабр-е-гура*, однако интереса к тому, что оно, возможно, хранит и останки наших соотечественников, не проявляли. С помощью той же подрядной организации в 2003 году мы привели в порядок и эти захоронения...

Со временем центр Кабула постепенно перемещался на север, а к 1919 году появились соборная мечеть *Пол-и-Хешти*, дворцы *Баг-е-Бала* и *Чельсотун*, мавзолей эмира Абдуррахман-хана, несколько резиденций для гостей эмира, а в целях упорядочения жизнедеятельности столицы — создана мэрия. К концу Первой мировой войны территория столицы увеличилась более чем вдвое, население достигло 65 тысяч человек. К началу Второй мировой оно выросло еще на столько же, а площадь города — почти в три раза. К концу 1930-х годов в центральной части Кабула начались работы по сооружению двухэтажных кварталов по обеим сторонам набережной и приведению в порядок берега реки с тем же названием. Этапным периодом стало создание крупнейшего проспекта города — *Джаде-йе-Майванд* и его застройка достаточно современными трех-четырёхэтажными домами. К 1950 году этот широкий проспект украсил огромный, более чем на тысячу мест, кинотеатр с торговым центром.

Активное развитие жилищно-гражданского строительства и превращение Кабула к началу 1960-х годов в крупнейший город страны предопределили необходимость как его асфальтирования, так и выработки генерального плана развития на перспективу. Обе эти задачи были решены советскими специалистами с расчетом на население сначала в полмиллиона человек, а позднее и в четыре раза больше — в 1978 году План был доработан уже из расчета на два миллиона. Однако до сооружения центрального водоснабжения и общегородской канализации руки не доходили. Да и телевидение появилось в Кабуле только в начале 1970-х.

Наиболее престижным районом города к концу 1960-х годов становился Вазир Акбар хан мина — одна из бывших северных окраин на выезде из города, примыкающих к международному аэропорту. В результате активного освоения смежной территории в 1970-х годах туда постепенно перебрались некоторые посольства. Тремя особняками «отметилась» и королевская семья. По иронии судьбы, в одном из двух почти «близнецов», построенных для старших сыновей Мухаммеда Захир-шаха, некоторое время после возвращения в Кабул проживал и сам экс-монарх, а второй был передан под резиденцию руководителя МООНСА Л. Брахими. Наиболее же симпатичными были тихие районы с трех-четырёхэтажными домами современной постройки и магазинчиками на европейский лад в центральной части — Шар-е-нау. В постталибский пе-

риод он начал довольно быстро восстанавливаться и вновь стал местом, наиболее посещаемым иностранцами.

Европеизированные рестораники в центре города когда-то были популярны и в советской колонии. Впрочем, наши люди предпочитали две простые шашлычные — кебаби. Одна была совсем рядом с известным Зеленым базаром, и после поездки в Кабул Ю. А. Гагарина на одной из стен этого заведения появилась большая фотография первого космонавта. С тех пор шашлычную так и стали в обиходе именовать «Гагаринской», или «Гагаринкой». Вторая называлась «У Дад-е-хода», по прозвищу хозяина. В период талибов он куда-то исчез, но само заведение сохранилось, растеряв, однако, прежний колорит, да и кебаб здесь уже не казался таким сочным и ароматным, как когда-то. Тем не менее постепенно наши сотрудники стали навещать и туда. Трапезничали, правда, уже не в основном помещении с видом на улицу и известный в городе кинотеатр «Парк», а в боковом, с выходом в небольшой внутренний дворик. В свое время еще одна кебаби именовалась нашими «У пахлевана» и была известна немногим, так как находилась, хотя и недалеко от центра города, но в его глухой и малосимпатичной части. Хозяином заведения, который сам себя именовал пахлеваном (борцом), был внушительный одноглазый детина с густой окладистой бородой и огромными ручищами, которыми лично разделявал баранину под кебаб. А завершалось действо филигранной работой длинного, остро заточенного ножа, рукоятку которого пахлеван держал между большим и вторым пальцем ноги.

Проживавшие в Кабуле в разные годы советские специалисты и члены семей по ассоциации наделяли многие общественные места и торговые точки собственными, внешне не имевшими прямого отношения к их существу, названиями и эпитетами. Так, в 1920-е годы одна из главных улиц Кабула с первыми европейскими магазинами и парикмахерскими в обиходе именовалась проспектом Карла Маркса. И десятилетиями позже «народная молва» продолжала штамповать собственные названия многим примечательным, прежде всего для шопинга, местам. Ювелирные украшения иногда покупались «У рыбок», поскольку витрину этого дукана украшал небольшой аквариум; кое-какой ширпотреб приобретался «У бороды», поскольку хозяин лавки отличался большой окладистой бородой; ткани нередко торговались в «Чистой дырке». Бывало это и в «Грязной дырке» в районе старого города и «Грязного базара», куда появляться не рекомендовалось даже в относительно спокойные времена.

Такое «словотворчество» остается в обиходе среди наших сограждан и во многих других странах Азии. Так, в Пекине многие годы напротив комплекса нашего посольства вели бойкую торговлю три небольших продуктово-бакалейных магазинчика. Там всегда можно было приобрести, в том числе, и некоторые отечественные продукты. Но, в отличие от Кабула, эти заведения вполне официально назывались «У бабушки», «Братья» и «Юра». Поначалу их именовали так между собой наши соотечественники, и со временем эти ассоциации нашли отражение на сооруженных хозяевами вывесках. То же самое имело место и с обиходным наименованием близлежащей к посольству в Пекине улицы «Бедняжка» — с небольшими забегаловками, овощными и фруктовыми лавками «экономкласса». В Дели же один из наиболее популярных среди наших соотечественников рынков ширпотреба “Yashaw Place” и сегодня запросто именуется «Яшка»...

Впервые я приехал на работу в Кабул в начале 1969 года в качестве руководителя курсов русского языка, которые функционировали при Министерстве информации и культуры Афганистана. Жил недалеко от центрального полицейского участка и небольшого городского зоопарка. Место было удобное, располагалось сравнительно недалеко от комплекса советского посольства — километра два по проспекту Дар-уль-Аман, и я часто добирался туда пешком, чтобы победать в столовой при клубе. Иногда заглядывал в зоопарк и к его директору, армейскому майору, который считался также одним из адъютантов младшего сына короля, принца Надира. Сам же Его высочество числился официальным патроном этого казенного учреждения. Достаточно молодой, но уже начинавший полнеть офицер, скучавший в маленькой административной постройке, был всегда рад поболтать, а заодно и полистать советские журналы на фарси и английском языках. Босоногий *бача* тут же приносил чай в металлических чайничках, прихватив пиалы или небольшие граненые стаканчики.

В те времена Кабульский зоопарк был учреждением относительно новым — его открыли только в 1967 году при содействии западногерманских специалистов. Был он невелик, но достаточно, по местным меркам, чист и ухожен. Большого разнообразия обитателей не было — главным образом афганская фауна, в том числе редкие породы оленей — бухарских, туганских, вапити и др., черные и бурые медведи, волки, рыси, газели, разнообразные пернатые. Позднее безусловным украшением стал подаренный в 1973 году королем редкий снежный леопард, а также слоненок — дар

тогдашнего президента Индии Ш. Гири во время его государственного визита в Кабул. В период правления НДПА зоопарк становился все более богатым и зрелищным, набирая популярность как у взрослых, так и у детей, а ежегодное число его посетителей переваливало за полторы сотни тысяч. Однако при талибах начались упадок и деградация. Новые хозяева облюбовали зверинец как место для варварских игр и экзекуций животных, иногда превращая его и в импровизированное стрельбище. А старого льва, позволившего себе рыкнуть на вошедшего в вольер талиба, тот, не раздумывая, подорвал на гранате. Аналогичная печальная участь постигла и многолетнего сторожа Акбара.

Вернувшись в Кабул в 2002 год, мы не могли не посетить его основные нехитрые достопримечательности. В обязательной программе был и зоопарк, где, на свое удивление, в унылом, вытоптанном запустении вновь обнаружили нескольких посетителей с детьми...

Первое впечатление о постталибском Кабуле было тягостным. Кругом — кричащие нищета и разруха, отсутствие элементарного общегородского хозяйства, голодные базары, настороженные лица мужчин и стремящиеся поскорей незаметно промелькнуть женщины в чадре. Но постепенно все начинало преобразоваться, и присутствие большого количества иностранцев, в том числе военных, сыграло в этом самую заметную роль. С конца 2001 года в город начали активно прибывать сотрудники ООН, дипломатических миссий и коммерческих учреждений, представительств СМИ и разного рода неправительственных организаций. На улицах стало заметно возрастать количество автомобилей. К концу 2002 года в городе их насчитывалось уже почти 130 тысяч, на фоне практически полного отсутствия любых парковочных мест.

Вновь открывались старые *дуканы* и европейские магазинчики, постепенно насыщавшиеся товарами первой необходимости; возобновляли работу кинотеатры со столь любимыми здесь героями Болливуда. Приметным явлением стали учащиеся и студенты. Однако чадра исчезать упорно не хотела, да так и не захотела, хотя впоследствии все чаще начали вновь появляться и открытые лица. На городском стадионе, который талибы еще недавно использовали для показательных казней, вновь стали проходить спортивные соревнования, парады и демонстрации...

ПОСОЛЬСТВО

С конца 2001 года в Кабуле начали возобновлять работу иностранные дипломатические представительства. Соответствующая церемония в нашем посольстве состоялась 28 декабря 2001 года, ее провел советник-посланник В. И. Иваненко. В октябре 2002 года вновь приступило к своим обязанностям российское генконсульство в Мазари-Шерифе, а в ноябре в Кабуле открылось торговое представительство.

О том, что наш «посольский городок» был фактически разрушен и потому непригоден ни для работы, ни для проживания, мне было достаточно хорошо известно еще в Москве. Документальные видеокадры и фотографии привозили по случаю наезжавшие в Кабул представители различных ведомств, в том числе МИД. Да и на российском телевидении иногда мелькали кадры того, что осталось от комплекса в результате кровавого противостояния моджахедов в начале 1990-х. Скорее всего, группировки бывших союзников отнюдь не преследовали цель окончательно разрушить «гнездо советских безбожников». Они стремились занять стратегически важный юго-западный район города с разветвленной жилищной и хозяйственной инфраструктурой, каким в течение многих лет являлся Дар-уль-Аман. Особо лакомым куском был расположенный здесь комфортный во всех отношениях административно-жилой комплекс со всеми современными удобствами.

Первоначально, помимо основного здания и представительских помещений, в него входили четыре четырехэтажных жилых дома, клуб, бассейн, большая открытая эстрада и киноплощадка. Здесь же располагалось и компактное двухэтажное здание торгового представительства, а поодаль — отдельный административно-жилой комплекс Аппарата экономического советника. В 1980-х годах территория была значительно расширена, осуществлено дополнительное строительство (в том числе больницы), и к концу десятилетия здесь могли вполне комфортно разместиться до двух тысяч человек.

Мрачное зрелище полуразрушенного посольского комплекса я как-то сразу спонтанно сравнил с развалинами Сталинграда. А Иннеса, которая находилась со мной во всех командировках в Афганистане, только почти через год, да и то после долгих уговоров, решилась-таки взглянуть на старые места. Комплекс требовал самых серьезных восстановительных работ,

а пока совершенно не соответствовал стоявшим перед нами оперативным задачам. Учитывая плачевное состояние постталибского Кабула и разрушенную инфраструктуру городского хозяйства, проблема была не из простых. На ближайшее же время необходимо было обеспечить компактное проживание сотрудников. И тут коллегам весьма пригодилось знание языка дари, местных реалий, да и предыдущий опыт работы в Афганистане. Удалось арендовать несколько небольших двухэтажных жилых коттеджей в одном переулке и обеспечить сквозные проходы через территории. Внешнюю охрану осуществляли вооруженные пограничники. Их количество первоначально составляло около тридцати человек, но позднее была проведена существенная оптимизация.

Временное здание посольства сразу стало объектом достаточно назойливого внешнего наблюдения. В этом явно усердствовали и американцы, которые после формирования ВАА стали проявлять активный интерес к закреплению, в том числе, в афганских спецслужбах. У резиденции постоянно дежурили неизвестные люди; наши охранники неоднократно подмечали активную «наружку» за автомобилем посла, а помощник посла по вопросам безопасности фиксировал несколько точек в соседних домах, из которых проводилась фотосъемка. В конце марта 2003 года в сторону одного из наших сотрудников, который занимался на крыше профилактическим осмотром оборудования связи, был произведен неприцельный выстрел из пневматической винтовки повышенной мощности с утяжеленной пулей.

В связи с тем что в течение достаточно длительного времени действовало распоряжение о пребывании в Афганистане наших сотрудников без семей, жилищные условия были «коммунальными» и спартанскими. Из-за резкой нехватки в городе электричества (его подключали не более чем на три-четыре часа в сутки), а также отсутствия нормального водоснабжения приходилось закупать за рубежом электрогенераторы, оперативно решать вопрос об артезианских скважинах и т. д. Реализовывать всё это было чрезвычайно сложно на фоне огромного дефицита местных более или менее квалифицированных специалистов, отсутствия или значительной нехватки любого, даже самого простого технического оборудования. Обращаться за содействием к городским властям было практически бесполезно — у них не было ни соответствующих кадров, экспертизы и подрядных организаций, ни материалов и запасных частей. Показательным примером мог служить такой курьезный случай. Для решения вопроса о восстановлении теплоцентрали кабульского микрорайона, ранее смонтированной советскими специалистами, московской компании потребовалась документация на поставленное ранее советское оборудование. Однако на запрос в мэрию по существу вопроса мы получили спецификацию на монтаж какого-то довольно громоздкого банно-душевого комплекта (!), который к делу, естественно, никакого отношения не имел. Требуемые же документы удалось заполучить только тогда, когда к поискам в архивах мэрии подключился наш сотрудник.

Другой курьез касался жилищного вопроса. Еще до моего приезда в Кабул советник-посланник, аргументируя необходимость аренды одного из коттеджей, употребил слово «вилла». Это поначалу вызвало в Москве недоумение. Коллеги в валютно-финансовом департаменте подняли брови: вилла (!), что это, мол, они там жируют?!. Однако ни о каких злоупотреблениях речи не было. Еще в 1970-х годах с чьей-то легкой руки слово «вилла» стало употребляться нашими соотечественниками в отношении соорудившихся в то время в районе Вазир Акбар хан небольших коттеджей, рассчитанных, по существу, на одну семью. Вот и на этот раз это слово было употреблено по старинке. Я же хорошо понимал, о чем идет речь, — пришлось давать необходимые пояснения...

Здание под первую советскую дипломатическую миссию афганские власти выделили в начале 1920-х годов. Это была добротная глинобитная городская усадьба с высоким *дувалом*, который отделял теннистый парк от проезжей части небольшой улочки. Ранее она принадлежала *мостуфи-уль-мамалеку* (нечто аналогичное должности министра финансов и главного сборщика налогов) эмиров Абдуррахман-хана и его сына Хабибуллы. Позже, по подозрению в участии в заговоре против нового правителя Амануллы, *мостуфи* был арестован и казнен, а его имущество конфисковано. Городские старожилы припоминали в беседах большие металлические въездные ворота полпредства *бильщерики*, большие красные флаги на фасаде (разрешение на это было выдано с большими проволочками) и мощного, усатого полицейского у въездных ворот. Они выходили на пыльную набережную с видом на небольшую мечеть необычной архитектуры на другой стороне узкой реки.

Весной 1964 года было завершено строительство нового комплекса на проспекте Дар-уль-Аман, в зеленом районе одного из относительно новых районов города, который король Ама-

нулла в 20-х годах минувшего века неудачно пытался превратить в административный центр столицы. Учитывая специфику Кабула, лишенного многих централизованных благ цивилизации, новый советский посольский городок был полностью автономным, и в нем мы прожили с семьей все наши предыдущие командировки в Афганистане. Старая же полузапущенная усадьба просуществовала еще около двух десятков лет, а после того как полностью обветшала, была снесена, и на ее месте построен больничный комплекс.

...Почти сразу по прибытии в Кабул мы с коллегами осмотрели комплекс зданий или, вернее, то, что от них оставалось. Панорама когда-то цветущего жилого городка была удручающей. Полуразрушенные дома, зияющие мрачной пустотой разбитые окна, изрешеченные шрапнелью и пулевыми осколками стены. Выжженная территория, разграбленные помещения с совершенно голыми стенами, прокопченные потолки от разведившихся костров, наспех сооруженные прямо здесь же, у стен глинобитные печи — *тандуры* — для выпечки хлеба. В центре большого представительского, или, как мы его называли, «мраморного зала», когда-то отделанного песочно-золотистыми плитками афганского арагонита, как бы в насмешку болталась слабо натянутая волейбольная сетка. Общие разрушения довершил вандализм талибов, которые превратили здания в казармы, где позднее беспорядочно разместились переселенцы и беженцы.

Грустно было смотреть и на голые, прокопченные стены квартиры, в которой мы прожили четыре года последней командировки в Кабул, с 1984 по 1988 год. Там пошел в первый класс наш сын, там он нашел своих первых школьных друзей, о которых мы иногда вспоминаем и сегодня. Там же его принимали в пионеры, а на торжественной линейке присутствовал легендарный Герой Советского Союза Руслан Аушев. Там же он упрашивал молоденьких солдат, дежуривших вдоль внутреннего периметра посольства, разрешить забраться на их бронетранспортер, а то и, совсем осмелев, пытался выклянчить пулю. Там же впервые познакомился с задушевными песнями советских военнослужащих-«афганцев», а после возвращения в Москву еще долго, уединившись у себя в комнате, слушал их магнитофонные записи.

Когда речь зашла о восстановлении комплекса, имелась в виду только малая, первоначальная часть территории, предоставленной Советскому Союзу в начале 1960-х годов. В июле 2002 года в Кабул прибыла рабочая группа из представителей МИД и проектно-строительной организации в сопровождении нескольких саперов МЧС для выработки окончательных рекомендаций. Восстановительные работы предполагалось вести ударными темпами, чтобы долго «не засиживаться» в арендуемых помещениях, которые были лишь относительно пригодны для функционирования посольства. Тем не менее к предварительному проектированию и определению объема первоочередных восстановительных работ приступили только следующим летом. Афганские власти лишь к весне 2003 года смогли переселить из посольского городка облюбовавших его местных беженцев и переселенцев. Перед началом восстановительных и строительных работ территорию исследовали саперы МЧС, которым удалось обнаружить пару неразорвавшихся снарядов.

С проектировщиками мы обходили руины, планировали наиболее экономичное и наименее затратное восстановление административного корпуса и примыкавшего к нему внушительно-го — по кабульским меркам — представительского помещения. Обошли и то, что оставалось от жилых помещений: прокопченные стены, ни окон, ни дверей, ни лифтового хозяйства.

Конечно, поначалу хотелось, чтобы все или почти все помещения, прежде всего представительские и служебные, обрели прежний вид. Но эксперты, принципиально не меняя проект, высказали несколько новых идей, что в конечном итоге значительно улучшило комплекс. Во время краткого пребывания в Кабуле министра иностранных дел И. С. Иванова в начале мая 2003 года состоялась церемония закладки памятной капсулы. А незадолго до этого на территории реконструируемого посольства была перенесена мемориальная плита в память погибших в Афганистане советских военнослужащих. Ранее при содействии аппарата военного атташе она была установлена на территории временно арендуемого под посольство здания. Позже вместо нее там был сооружен мемориальный обелиск.

Многое в комплексе пришлось не только восстанавливать, но и перестраивать. Административное и представительское здания внешне обрели первоначальный вид, но претерпели значительные изменения внутри. Практически «с нуля» были созданы все коммуникации, заново сооружены котельная и хозяйственный комплекс. Жилые дома по большей части были снесены и на их месте построены новые. Серьезной перепланировке подверглась и территория жилого городка, а большая открытая кино-эстрадная площадка превратилась в удобный спортивный комплекс.

* * *

Вся практическая деятельность посольства России в Афганистане в 2002 году осуществлялась в весьма сложных и противоречивых условиях внутривнутриполитического развития этой страны в начальный пост-талибский период, обусловленных, прежде всего, срочной необходимостью осуществления субстантивных шагов по восстановлению современных государственных и хозяйственных структур на фоне почти их тотального разрушения режимом талибов. В соответствии с Боннскими соглашениями и не без существенной внутренней борьбы была проведена общенациональная Ассамблея — Лойя Джирга, одобрявшая состав новой Переходной администрации. В ее задачу входили выработка и принятие новой Конституции, в том числе для обеспечения условий подготовки к общенациональным парламентским выборам. Особое место занимало решение такой чувствительной проблемы, как формирование новых силовых структур, кураторство над которыми, как и фактически над всей внутренней и внешней политикой страны, всё более зримо переходило к Администрации США и их западным союзникам. Аналогичное положение наблюдалось и во всем социально-экономическом блоке. При этом красной линией в деятельности США и Евросоюза в Афганистане, не без поддержки многих влиятельных элементов во Временной администрации, прослеживалось противодействие Запада любым попыткам развития российско-афганских отношений.

Одновременно этот период характеризовался острым внутринациональным противоборством между пуштунским сегментом и представителями национальных меньшинств бывшего «Северного альянса» во властных структурах государства. С другой стороны, набирала обороты и тенденция на восстановление военно-политического потенциала талибов, в том числе на фоне роста аллергии местного населения на пребывание в стране иностранных войск и на форсированное внедрение в Афганистане западных социально-политических, идеологических и экономических стандартов.

Все эти тенденции получили дальнейшее развитие и обострение в 2003 и последующие годы, что требовало от посольства России всемерной концентрации усилий по проведению инициативной созидательной линии на афганском направлении как в контактах с официальным Кабулом, так и с представителями западных и других партнеров страны на международной и региональной арене.

MIKHAIL KONAROVSKY

An Afghan Diary. The Year 2002

Mikhail Konarovsky, PhD in History, Leading Research Associate, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO University; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. E-mail: makonarovsky@mail.ru

Summary. In late 2001 Russia supported the International anti terrorist coalition's activity aimed at toppling Al Qaida being backed by the Taliban regime. The Interim Administration of Afghanistan based on decisions of the Bonn international conference, had been formed. Simultaneously, the Embassy resumed its activity and a new Ambassador had been confirmed by the International Committees of both Chambers of the Federal Assembly. At the meeting in Kremlin President Putin outlined urgent priorities of Russia's policy in Afghanistan aimed at reestablishing and strengthening of ties with that nation at the new, post Taliban stage of its history. Besides urgent political issues, launching of Embassy's everyday administrative and life activity let alone the recovery of the Embassy's compound, were among the priorities, with destroyed national infrastructure as well as economy in Kabul and all over the country.

Keywords. Afghanistan, Taliban, counter terrorist operation, Kabul, economic assistance, Loya Jirga, Embassy, Dar-ul-Aman.

В. И. КУЛИКОВ

Трансрегиональный подход в политике США в АТР в начале 1980-х гг.

Владимир Игоревич Куликов, канд. ист. наук,
директор Международного Института социальных
и экономических исследований (Вена, Австрия).
E-mail: v.kulikov56@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка с точки зрения российских интересов подтвердить тезис о преемственности долгосрочных подходов военно-политического истеблишмента США к проблемам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сформулированных или подтвержденных в начале 1980-х гг. при администрации Р. Рейгана, на основе анализа одной из наиболее значительных американских коллективных монографий того времени. Особое внимание к этой известной работе обусловлено тем обстоятельством, что она, на взгляд автора, впервые в достаточно сжатом виде отразила завершавшийся тогда процесс осмысления опыта американского участия во Вьетнамской войне (или, в более широком смысле, «глубокого вовлечения в Азию»), а также новой роли т. н. китайского фактора и традиционных союзников США влиятельными в тот период представителями интеллектуально-силового истеблишмента. При всей недостаточности такого подхода к анализу более глубоких социально-экономических процессов в Северо-Восточной Азии (в историографии того времени регион часто именовался Дальним Востоком), определяющих основные направления и специфику развития ситуации, преемственность описанной в ней шкалы приоритетов американской политики в АТР и приверженность трансрегиональным и транзиторным стратегиям остаются значимыми и сегодня. Автор предполагает, что и ныне имеет место процесс переформулирования и приведения в соответствие с лозунгами «Нового Американизма» повестки дня американской силовой политики, который будет учитывать указанные в работе инструменты ее проведения в сфере «жизненных интересов» России.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, американская политика в Азии, безопасность в АТР, трансрегиональные стратегии, конец американско-советской разрядки, концепция Евразийского пространства.

Отвечая на вопросы корреспондента «Российской газеты», министр иностранных дел Российской Федерации в 1998–2004 гг. И. С. Иванов отметил важнейшую, на мой взгляд, особенность нынешнего обострения напряженности в отношениях между Россией и Америкой. Она состоит в том, что ранее, когда в годы «холодной войны» мир приближался к опасной черте ядерного конфликта, обе стороны «смогли совместно выработать такие “подстраховочные” механизмы, которые позволяли отводить мир от угрозы ядерной катастрофы». При этом «наряду с политиками, дипломатами и военными в переговорный процесс были вовлечены и ученые по линии Академии наук СССР и Национальной академии наук США, дававшие экспертную оценку возможности использования тех или иных научных достижений в военной сфере»¹. В советско-американских отношениях того времени достаточно последовательно практиковались научные экспертизы в виде двусторонних тематических конференций, обмен мнениями в ходе которых служил одним из оснований принятия политических решений руководством обоих государств. Из известных мне инициатив хотелось бы отметить проводившиеся в то время ежегодно конференции, организовывавшиеся совместно Институтом востоковедения АН СССР (Москва) и Институтом Беркли (Калифорния). Они позволяли двум крупнейшим

¹ Ядерная катастрофа: миф или реальность? Игорь Иванов о последствиях выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности // Российская газета. — 2019. — 2 февраля.

ядерным державам «сверять часы» по широкому кругу вопросов. Сейчас более известны аналогичные конференции по Ближнему Востоку, которые в той или иной степени продолжают по сей день.

Каковы бы ни были объективные и субъективные причины свертывания такой практики (к последним следует отнести переход инициировавшего их академика Е. М. Примакова из Института востоковедения в Институт мировой экономики и международных отношений), как справедливо отметил в своей работе А. Ф. Добрынин (посол СССР в Вашингтоне в 1962–1986 гг.), «в 1980 году администрация Картера пошла на резкое обострение конфронтации с СССР... этот поворот в политике США вызревал на протяжении нескольких лет, в течение которых элементы сотрудничества и переговоров, являющиеся основой политики советско-американской разрядки, постепенно оттеснялись и изолировались»². Вряд ли авторитетные мнения А. Ф. Добрынина или И. С. Иванова нуждаются в дополнительном подтверждении, но всё же уместно указать на то обстоятельство, что в 1970-х гг. в США вполне уместным считалось участие представителей советской академической школы в фундаментальных исследованиях по международным отношениям «наравне» с американскими учеными. Например, переизданная в 1974 г. книга “Great Issues of International Politics. The International System and National Policy” под редакцией Мортон Каплана с участием таких известных авторов, как Уильям Фулбрайт и Ричард Фальк, содержала глубокую аналитическую статью академика Г. А. Арбатова «Американская внешняя политика в переломные 70-е» [2].

На взгляд автора, среди внешнеполитических факторов такой эволюции подходов в 1980-е гг. следует указать на неуверенность американского политического истеблишмента в векторе изменения роли и места Китая в региональной системе влияния и мирового «баланса сил», а также на не завершённые на тот момент анализ и оценку с точки зрения американских интересов трендов развития китайского хозяйственного механизма, политической системы, проводимых китайским руководством реформ, в инициации и форматах осуществления которых американские советники негласно соперничали с представителями интеллектуального класса самого Китая.

В современных международных условиях, которые большинством экспертов признаются следствием недоучета или неправильного учета динамики «китайского фактора» в политике доминирующей державы, значение более глубокого анализа способа размышления ее военно-политической элиты приобретают особое значение.

Большинство точек зрения по этому поводу широко известны и обсуждаемы в актуальной политологической литературе, но вот более традиционный аспект этого процесса, который можно назвать «упадком исторического мышления», возможно, не вполне акцентирован современными исследователями. Броские и агрессивные заголовки типа «Китай не сможет доминировать в Азии, даже если захочет» [3] доминируют в научных журналах, и такое положение дел вряд ли можно считать нормальным явлением. Или, например, публикация в существенно менее влиятельной индийской *The Print*, предлагающая четыре основных сценария глобальных изменений к 2049 г. – 100-летней годовщине китайской революции: от полного замещения доминирующей роли США Китаем до системного противоборства между обеими странами в определении дальнейших судеб мирового развития [4].

На существующие попытки ведущих американских университетов оперативно преодолеть вышеуказанный «упадок исторического мышления» указывает, например, Эрик Альтерман в недавней публикации в *The New Yorker*: «В Йельском университете наблюдается взрывной интерес к истории, она стала третьей по популярности основной дисциплиной, а в других элитных учреждениях, включая Брауновский, Принстонский, Колумбийский университеты, она устойчиво входит в десятку из заявленных основных курсов. Только в этом году исторический факультет Йельского университета собирается зачислить в штат полдюжины новых сотрудников» [1].

Как представляется, во многом в связи с запросами системного свойства в американской политике в регионе в 1980-е гг. делался столь значительный акцент на военно-политическую сферу, на использование сложившейся десятилетиями системы американского присутствия и влияния в Азии. Рискну утверждать, что почти через 30 лет после этого, столкнувшись с неуспехом «лобовой» инициативы нового глобалистского проекта ТТР, администрация и практические органы США, взявшие на себя функцию глобального управления, «откатились», если можно

² Добрынин А. Ф. Сугубо достоверно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – М.: Автор, 1996. – С. 459.

так выразиться, ко многим размышлениям и концепциям, в концентрированном виде изложенным в монографии “U.S. Foreign Policy and Asian-Pacific Security. A Transregional Approach” [5]. Рассмотрим ее подробнее.

В предисловии, написанном двумя редакторами, содержится несколько важных утверждений и предложений по выработке «новой» азиатской стратегии США на 1980-е гг. Во-первых, публично утверждается, что «Соединенные Штаты достигли развилки (с точки зрения) важных внешнеполитических решений по поддержанию европейских и азиатских договоренностей по коллективной безопасности». Во-вторых, в рамках предложенной группой экспертов идеи создания «более всеобъемлющего и интегрированного глобального соглашения (устройства)», преимущественно ориентированного на некоммунистических акторов, в него было предложено включить такие страны, как Китай и Югославия, и даже те коммунистические страны, которые разделяют предлагаемую западную стратегию на уровне перцепций и целевых установок. Не на уровне практик, но именно на уровне намерений. В-третьих, указывалось, что такое развитие событий планировалось, но не состоялось много раньше, в ходе известной конференции Лиги наций в Версале, в связи с отсутствием на ней американцев [5, р. 1].

Мы подробно рассматриваем эти основания для дальнейшего повествования, имея в виду некоторые избыточные надежды, периодически испытывавшиеся советскими, а затем и российскими публичными экспертами, относительно кажущейся непоследовательности основных направлений внешней политики США в АТР или ожиданий по поводу возможности какого бы то ни было президента США, включая нынешнего, одновременно повлиять на изменение американских приоритетов. Намекая при этом, что ровно такие же основания существуют и достаточно адекватно воспринимаются международным сообществом и у Российской Федерации — преемницы СССР — в осуществлении политики в отношении азиатских стран.

Внимательный читатель может усомниться в релевантности оценок авторов этой коллективной монографии. Но именно для сомневающихся в этом редакторы приводят следующее определение значения и роли АТР, содержащееся в публикуемом от имени Объединенного комитета начальников штабов документа *Military Posture Statement*, который принято считать одним из способов представления американской военной доктрины. Там говорится, что «Азиатско-Тихоокеанский регион является частью взаимосвязанной системы “стратегических зон”, простирающихся от Северной Америки и Западной Европы до Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии... и непрактично в нынешнем мире планировать автономные региональные стратегии» [5, р. 3]. А в выступлении на слушаниях в Конгрессе США адмирала Роберт Лонга, на которого ссылаются авторы книги, с военной прямоотой заявлялось, что «(зона) Тихоокеанского командования велика, простираясь от Западного побережья Соединенных Штатов до Восточного побережья Африки. Она имеет критическое значение для Соединенных Штатов и ... становится еще более критической»³.

Остановимся кратко на основных авторских предложениях по поводу вновь формировавшейся тогда впервые с конца 1960-х гг. «новой» повестки дня азиатско-тихоокеанской политики США.

Стивен Жибер (руководитель программы изучения проблем национальной безопасности Джорджтаунского университета), критикуя тех американских политических деятелей, которые, по его мнению, последовательно недооценивали значение Северо-Восточной Азии с точки зрения интересов национальной безопасности США, с явным удовлетворением отмечал, что со второй половины президентского срока Дж. Картера «восточный поворот», наконец, принял зримую форму. Признание КНР, решимость Конгресса США не отменять действие Закона об отношениях с Тайванем, отказ от вывода американских войск из Южной Кореи и особенно усилия по активизации роли Японии в противостоянии СССР — всё это принесло свои плоды [5, р. 69] и «Тихоокеанский век» (1982 г.!) начал свое победоносное шествие. С этого времени, по мнению аналитика, значение Северо-Восточной Азии для долгосрочной международной стратегии США становится критически важным [5, р. 85].

Роберт Рау (специалист по Юго-Восточной Азии, бывший консультант министра обороны и лаборатории Лос-Аламос) подробно рассматривает историю становления АСЕАН как организации неприсоединившихся стран, озабоченных противостоянием великих держав в регионе, эволюцию ее бюрократической структуры, медленную трансформацию на основе совместно осознаваемых политических, экономических и военных вызовов в относительно самостоятельного силового игрока. Особенно отмечается важность аккуратного,

³ Military Posture and H.R. 2614 and H. R. 2970 and consideration of Report on the First Concurrent Resolution on the Budget for FY 1982. — Washington: US GPO, 1981. — P. 705.

но последовательного стимулирования Соединенными Штатами ее интереса к проблемам региональной безопасности и более глубокому политико-экономическому взаимодействию [5, p. 111].

Шелдон Саймон (профессор политологии Университета штата Аризоны) подробно разбирает интересы безопасности США в Юго-Восточной Азии. Анализируя советско-китайские противоречия в этом регионе, он предлагает компромисс в виде признания за Вьетнамом и Камбоджей особой субрегиональной сферы интересов в обмен на отказ от советской военной базы на территории Вьетнама [5, p. 124].

Справедливости ради следует отметить, что в рамках идеологизированных подходов в экспертных дискуссиях того времени всерьез обсуждались и иные весьма экзотические идеи и конструкции, например такие как перспектива возникновения китайско-японского «консорциума безопасности», направленная против советской стратегии коллективной безопасности в Азии. На наш взгляд, важнее то обстоятельство, что в результате скрупулезного многовекторного анализа перспектив развития ситуации в АТР и их влияния на интересы США участники обсуждения и авторы цитируемой коллективной монографии пришли к весьма прагматичным выводам. А вслед за ними, как показала последующая практика внешней политики США в АТР, и внешнеполитический истеблишмент США. Эти выводы вкратце можно суммировать следующим образом: в «поворотные моменты» исторического развития в интересах обеспечения долгосрочной отдачи от уже предпринятых инвестиций в систему безопасности (читай: американских интересов) целесообразнее положиться на так называемые трансрегиональные стратегии для Европы и АТР, нежели на идею создания глобальной системы безопасности с участием некоммунистических и антисоветских участников. Иными словами, не настаивать на создании в Азии альянса с более четкими нормами или критериями по примеру НАТО в Европе. «Наше желание состоит в том, чтобы вне зависимости от того, какая политика будет в конечном счете избрана Соединенными Штатами, они через некоторое время смогли предложить ясную и убедительную альтернативу советскому взгляду на мир» [5, p. 13].

«Единственной определенностью АТР является то, что там нет (историй) “длинных правд”, а есть только транзитарные (переходные), которые необходимо вовремя распознавать и реагировать тем, кто хочет продвигать свои интересы в этом регионе мира, значение которого все более возрастает», — пишут составители в заключении книги [5, p. 235]. И с таким выводом почти 30-летней давности трудно не согласиться.

VLADIMIR KULIKOV

A Transregional Approach in US Policy in the Asia Pacific Region in the Early 1980s

Vladimir Kulikov, PhD (History), Director,
International Institute for Social and Economic
Studies (Vienna, Austria). E-mail: v.kulikov56@gmail.com

Summary. The following article attempts, from the viewpoint of Russian interests, to confirm the thesis of the continuity of long-term approaches of the military-political establishment of the United States to security problems in the Asia – Pacific region, formulated or confirmed in early 1980's by Ronald Reagan administration, based on the analysis of one of the most significant American collective monographs of that period. Special attention to this well-known work is due to the fact that it, in the author's opinion, for the first time in a rather concise form reflected the then completed process of understanding of the experience of American participation in the Vietnam war (or in the broader sense of “deep involvement in Asia”), as well as the new role of the so-called “Chinese factor” and traditional allies of the United States by influential representatives of the intellectual military establishment at that time. Despite the inadequacy of this approach to the analysis of deeper socio-economic processes in Northeast Asia (by the way, in the historiography of that time the region

was often called the Far East), which determine the main directions and specifics of the situation, the continuity of the scale of priorities of American policy in the Asia-Pacific region and commitment to transregional and transit strategies are still significant today. The author suggests that at the present time there is a process of reformulation and bringing in line with the slogans of the “New Americanism” of the agenda of American power policy, which will take into account the tools specified in the work of its implementation in the sphere of “vital interests” of Russia.

Keywords: Asia-Pacific region, American policy in Asia, security in the Asia-Pacific region, transregional strategies, the end of the us-Soviet dītente, the concept of the Eurasian space.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Alterman E. The Decline of Historical Thinking // *The New Yorker*. February 4, 2019. — URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/the-decline-of-historical-thinking>
2. *Great Issues of International Politics. The International System and National Policy*. 2d ed. Edited by Morton A. Kaplan. — Chicago: Aldine Pub. Co., 1974. XVI, 598 p.
3. Khanna P. China Couldn't Dominate Asia if It Wanted to // *Foreign Policy*. February 3, 2019. — URL: <https://foreignpolicy.com/2019/02/03/china-couldnt-dominate-asia-if-it-wanted-to/>
4. Macaes B. What Would Happen to the World if China Becomes the Next US // *The Print*. February 3, 2019. — URL: <https://theprint.in/pageturner/excerpt/what-would-happen-to-the-world-if-china-becomes-the-next-us/189682/>
5. *U. S. Foreign Policy and Asian-Pacific Security. A Transregional Approach*. Ed. by William T. Tow and William R. Feeney. Boulder, Colorado: Westview Press, 1982. — 264 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кавказоведческий семинар во втором полугодии 2018 г.

С осени 2015 г. начал работу регулярный научно-практический семинар «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)». Инициаторами его создания и организаторами заседаний стали сотрудники Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО В. М. Муханов и А. А. Ярлыкапов, а также ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН В. О. Бобровников. Заседания семинара проходят как в стенах МГИМО, так и в Институте востоковедения РАН. В 2017 г. в состав Оргкомитета семинара вошли ст. науч. сотр. Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО М. А. Волхонский и ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН А. Ю. Скаков.

К середине 2018 г. было проведено 34 заседания, на которых выступили 37 экспертов, часть из них — неоднократно¹. Несколько докладов семинара уже опубликовано в виде отдельных статей.

* * *

26 сентября 2018 г. в МГИМО состоялась 35-е заседание семинара (при участии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН). Заседание прошло в формате круглого стола, на котором выступило три докладчика: А. Ю. Скаков (Институт востоковедения РАН, ИМЭМО РАН), В. В. Новиков (Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона) и А. Б. Крылов (ИМЭМО РАН).

Докладчики обсудили последнее десятилетие в истории Абхазии и Южной Осетии, актуальную социально-политическую ситуацию в двух республиках, признанных Российской Федерацией в 2008 г. Особый интерес участников заседания вызвал анализ расклада политических сил в Абхазии в преддверии президентских выборов 2019 г. Также были затронуты тема российско-грузинских взаимоотношений, грузинский фактор в абхазской и югоосетинской политике последнего десятилетия. Кроме того, докладчики и участники семинара обсудили вклад МГИМО в разработку данной тематики и проанализировали имеющийся на настоящий момент массив исследовательских статей по данной тематике, часть из которых вышла на страницах журнала «Международная аналитика» (и предшествовавшего ему «Ежегодника ИМИ»)².

После ярких выступлений докладчиков состоялась плодотворная дискуссия, в ходе которой А. Б. Крыловым был сформулирован целый ряд вопросов, в том числе по нюансам российской политики в регионе. В итоговой дискуссии приняли участие эксперты МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Высшей школы экономики и других столичных научных центров.

¹ См., например: Скаков А. Ю., Новиков В. В. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1 (15). — С. 117–128; Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1 (15). — С. 129–137; Ярлыкапов А. А. «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. — 2016. — № 3 (17). — С. 112–121.

² Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017): библиографический словарь-справочник / Сост. М. А. Сапронова, А. Л. Чечевшиников, А. А. Ярлыкапов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 82 с.

* * *

17 октября 2018 г. в МГИМО прошло 36-е заседание, на котором состоялась презентация изданного в рамках проекта РФФИ № 18-011-00643 «Мусульмане современной России: социум, идеология, политика» биобиблиографического словаря-справочника «Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017)». С докладом «Ислам в современной России» выступил А. А. Ярлыкапов.

Биобиблиографический словарь-справочник «Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017)» представил заместитель директора ИМИ А. Л. Чечевишников. Идея книги, отметил он, была высказана профессором МГИМО М. А. Сапроновой по ознакомлению с отзывами экспертов на заявку поддержанного впоследствии РФФИ проекта. Один из экспертов констатировал, что в библиографии проекта явно преобладают работы зарубежных исламоведов. В итоге было решено подготовить справочник, который отражал бы состояние отечественных исследований постсоветского ислама и мусульманских сообществ России. До сего момента такое обобщение не проводилось. И хотя несколько исследователей, к сожалению, не откликнулись на приглашение заполнить анкету, первый опыт можно признать удачным. А. Л. Чечевишников отметил, что справочник содержит значительный объем информации о биографиях исследователей, о географии исламских исследований, их тематике и динамике. Издание будет способствовать становлению такого междисциплинарного направления, как изучение современного российского ислама.

А. А. Ярлыкапов сделал презентацию-доклад «Ислам в современной России». Основой для выводов послужили исследования докладчика в мусульманских общинах Северного Кавказа, Поволжья, Урала и Сибири. А. А. Ярлыкапов констатировал некорректность утверждения, согласно которому с конца 1980-х гг. в России имело место возрождение ислама: «Была по большей части реисламизация. Возрождать на значительной части территории страны было нечего. Для того чтобы возрождать, нужно иметь те традиции, которые подлежат восстановлению. В России, за исключением, может быть, отдельных районов, прежняя исламская традиция, которая была в начале XX в., не сохранилась. Просто в 1980–1990-е гг. люди, которые позиционировали себя мусульманами, принадлежали к “этническим мусульманам”. Но на определенном этапе часть из них стала практикующими мусульманами. Заново, не опираясь на прежнюю традицию», — отметил А. А. Ярлыкапов.

В качестве примеров реисламизации, принятия ислама заново докладчик привел северные районы Дагестана и Кабардино-Балкарию. «В северных районах Дагестана в реальности были, может быть, один-два человека, которые могли читать Коран по-арабски и знали какие-то обряды ислама. Ситуация же в КБР была такова, что те молодые кабардинцы, которые стали соблюдать нормы ислама, были отчуждены своим же обществом, потому что не вписывались в его представления о месте и значении ислама, что в итоге и привело к трагическим событиям 13 октября 2005 г.», — констатировал А. А. Ярлыкапов.

Он также отметил постепенное изменение традиционной картины распространения богословско-правовых толков ислама, которое происходит в результате миграции людей и идей. «Размывается гомогенность “кавказского” и “поволжско-татарского” культурных ареалов и складывается смешанный “урало-сибирский” при активном участии мусульман из стран Центральной Азии», — заявил он.

Среди тенденций развития исламского сообщества в России А. А. Ярлыкапов выделил усиление его мозаичности, «не только в результате появления мигрантов, но и в результате деятельности новых групп: коранитов, “Хизб ут-Тахрир”, нурсистов и прочих. Идет мозаизация салафитов — течения, которое никогда не было единым и разделялось на множество, в том числе оппонировавших друг другу, групп. К имеющимся салафитам добавляются так называемые ихванизированные группы, подпавшие под влияние шейха Юсуфа аль-Кардави и его учеников. Их лидеры, в частности Салман аль-Ауда, арестованы в КСА в связи с катарским кризисом».

А. А. Ярлыкапов констатировал, что на Северо-Восточном Кавказе ислам стал активным «игроком» в правовой, экономической, образовательной и иных сферах. В частности, к исламскому праву мусульмане часто обращаются из-за неумения местных властей решить те или иные проблемы: «Нерешенность некоторых застарелых проблем иногда толкает мусульман к применению шариата. В Дагестане все чаще обращаются к шариатским понятиям. Например, жители равнин Дагестана говорят, что по шариату на равнине земли принадлежат им, а горцам, которые поселились там, нужно договариваться с ними. До 100 000 человек живут на равнине в поселениях, которые нигде не зарегистрированы, на карте их не существует. Хотя эти земли —

формально собственность государства, это не решает вопрос их статуса. Зафиксированы случаи, когда земельные конфликты общины местных жителей и переселенцев решали в мечети, по шариату (в рамках тех знаний, которые есть у духовных лидеров), фиксируя решение на арабском языке. Хотя настоящих знатоков шариата всё еще крайне мало».

Важной тенденцией А. А. Ярлыкапов считает и то, что официальные духовные управления мусульман конкурируют с альтернативными общинами и неформальными исламскими центрами: «У нас на виду соперничество между муфтиятами. Но их организационные противоречия далеки от реальности, в которой живут верующие в общинах и мечетях».

По мнению А. А. Ярлыкапова, в российском мусульманском сообществе имеет место борьба за лидерство, в которой заметны два крупных игрока: Духовное управление мусульман Дагестана и Рамзан Кадыров. Реальность свидетельствует, что на всероссийском уровне Кавказ бросает вызов татарскому лидерству в мусульманской общине: «ДУМ Дагестана сейчас активно включилось в борьбу за лидерство в российской умме. Так, газета этого духовного управления “Ас-салам” в настоящее время распространяется по всей России. Ее можно приобрести у многих станций московского метро, а не только в мечетях, и найти в отдаленных сибирских общинах мусульман. Во всех регионах дагестанский муфтият проводит какие-нибудь мероприятия. Их деятельность заметна в Новом Уренгое, в Томске. Активное сотрудничество с ДУМД идет в Татарстане. ДУМД предлагает своих имамов в разных местах. Используют они и сетевые возможности. Таким образом, у них реальная и результативная работа».

Вторая сила в борьбе за лидерство среди мусульман России — Рамзан Кадыров. «Хотя Кадыров не заявляет официально о лидерстве в мусульманском сообществе России, но реальность такова, что он участвует в этой борьбе. Он и его сторонники активно используют сетевые технологии, налаживают контакты с местными мусульманскими лидерами по всей стране. Они оказывают целевую помощь местным мусульманским общинам. Определенными своими действиями и высказываниями зарабатывают симпатии всех мусульман и по России, и за рубежом. Например, Кадыров решил вопрос с негативным впечатлением от грозненской фетвы. В отличие от Дагестана в Чеченской республике негативно восприняли фильм о пророке Мухаммаде, снятый по шиитской версии его биографии в Иране. Было довольно эмоциональное выступление муфтия республики о запретности шиитской пропаганды и материалов для мусульман региона. Это тоже связано с желанием позиционировать себя представителем всего мусульманского сообщества России. ДУМ Дагестана ограничен тем, что его имамы — в основном суфии, чем вызывают противостояние с салафитами. Кадыров же сохраняет широкие контакты, не ограничиваясь суфиями и официальными муфтиятами. Сейчас и среди некоторых групп салафитов распространено мнение, что делаемое им — полезно для уммы и достойно поддержки», — сообщил Ярлыкапов.

Участники высказались по поводу представленного словаря-справочника, отметив его сильные и слабые стороны. Было предложено перевести это издание в разряд ежегодника, что было воспринято участниками круглого стола положительно. В обсуждении приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института российской истории РАН, Института Африки РАН и других столичных научных центров.

* * *

24 октября 2018 г. в Институте востоковедения РАН состоялось 37-е заседание. С докладом «Язык (анти) исламского призыва на Кавказе конца XIX — начала XXI вв.: от православных миссионеров до салафитов и традиционалистов» выступил профессор филиала Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН В. О. Бобровников.

В докладе была затронута такая малоизученная тема, как традиция исламского призыва (да'ва) в России. До середины XIX в. исламский призыв велся только на арабском и других восточных языках. Однако с конца 1880-х гг. появляется литература исламского призыва на русском языке в Поволжье как ответ на деятельность православных миссионеров в этом регионе.

В современной России, по мнению докладчика, тема исламского призыва тесно связана с ответом на вопрос «Что такое реисламизация?». Трудность ее раскрытия в том, что объективная картина искажается исламофобскими дискурсами, доминирующими в средствах массовой информации. Этот дискурс формируется под влиянием ориенталистских стереотипов, различного рода страхов, обостренных ростом миграционных потоков. В этой ситуации следует при-

кладывать больше усилий для развития более взвешенного академического дискурса. Особую актуальность приобретают полевые исследования, которые позволят ответить на вопрос «Кто и как ведет да'ва в современной России?».

На полевых материалах, собранных в Дагестане, докладчик проанализировал особенности исламского призыва салафитов и муфтиятов. Он обратил особое внимание на феномен «советского наследия», проявляющегося в современных организационных и нарративных формах исламского призыва. Докладчик показал явные параллели, например, в организации советских праздников и современных мусульманских праздников (праздник Дня Победы и праздник Мавлида). Также докладчик продемонстрировал параллели между современной исламской литературой на русском языке, с помощью которой проводится призыв, и советской атеистической литературой. Параллели касаются прежде всего структуры текстов, характера аргументации.

В заключение докладчик пришел к предварительному выводу о наблюдаемой эволюции дискурсов, в ходе которой западный ориенталистский дискурс стал во многом основой для православного миссионерского, который в свою очередь повлиял на научный атеистический советский антиисламский дискурс. Последний, как было показано, во многом и обусловил формы и аргументацию современной исламской литературы призыва.

По итогам выступления В. О. Бобровникова состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие сотрудники МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

31 октября 2018 г. в МГИМО состоялось 38-е заседание семинара на тему «Проблема религиозно мотивированного насилия на Северном Кавказе». В ходе семинара с докладом «Религиозно мотивированное насилие в КБР и КЧР — как объяснить различия?» выступила руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Института Гайдара) *И. В. Стародубровская*. Она отметила, что Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия выбраны как объекты исследования по причине близости друг к другу по параметрам социально-экономического характера. В то же время эти регионы имеют различную динамику насилия, связанного с противостоянием части мусульман и государства.

И. В. Стародубровская указала на различный уровень потерь в республиках: «В КБР в целом потерь больше, чем в КЧР, в десять раз. Сначала шло нарастание насилия, затем пик и медленное снижение. В КЧР в основном всё ровно, хотя есть отдельные всплески насилия по годам, но нет спиралевидного роста». По мнению докладчика, объяснения показателям насилия на религиозной почве, которые уже давно пытаются дать ученые, в случае с Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкесией не совсем работают: «Например, указывают на рост радикализма в странах, где есть такой фактор демографии, как преобладание молодежи в обществе — так называемый молодежный пузырь. Однако в обеих республиках этого явления нет, “молодежный пузырь” небольшой и одинаковый. В сфере экономики — депривация, то есть лишение привычных источников доходов и в КБР, и в КЧР... Некоторые ученые говорят о внешнем влиянии на процессы, хотя я не сторонница такой конспирологии. Но почему в КБР и в КЧР оно по-разному воздействовало на ход событий? И, наконец, говорят, что якобы суфизм доминирует и не приемлет других течений. Ни в КБР, ни в КЧР нет какого-либо доминирования суфизма», — отметила она.

По мнению *И. В. Стародубровской*, при рассмотрении религиозно-мотивированного насилия в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии важно учитывать социальный контекст: «Происходят разрушение традиционных иерархий, усиление индивидуализма, урбанизация и институциональный хаос. Замещение прежнего городского населения сельским происходит в обоих регионах, начиная с 1990-х гг. Изменился этнический состав существующих городов».

И. В. Стародубровская также отметила различную роль городов в КБР и КЧР: «Нальчик в два раза больше Черкесска. В Нальчике городские традиции, центр межрегиональных гражданских движений. Например, здесь формировалась Конфедерация горских народов. В КЧР только сейчас стала меняться ситуация. Если ранее села воспринимались как оплот идентичности, то в настоящее время в восприятии молодежи между селом и городом различий не осталось».

И. В. Стародубровская остановилась также на политическом контексте, который определяет различия при проявлении насилия в обеих республиках. По ее мнению, конфликт в КБР

в 1992 г., арест Мусы Шанибова, подавление беспорядков при попытке отстранить бывшее партийное руководство КБР сформировало «культуру подавления». У власти сложилось впечатление, что все нужно давить в зародыше. В КЧР прежнее советское руководство дожило до 1999 г., и лишь тогда разгорелся конфликт между этническими элитами республики. Это вызвало шок. Но из конфликта вышли, договорившись. И. В. Стародубровская отмечает, что это породило культуру медиации и поиска компромиссов в этой республике.

По мнению докладчика, указанные различия повлияли и на отношение к исламским движениям: «В каждой из республик власти считали насилие в том или ином виде допустимым. К примеру, в КЧР имели место внутриэлитные кровавые разборки... Поэтому в обеих республиках часть мусульман, объединившиеся в джамааты, стали де-факто силовой корпорацией. Часть людей в исламское движение перешли из криминала. Степень радикальности исламских движений в республиках не отличалась. Войну в Чечне джамааты считали джихадом». Вместе с тем влияние на Кабардино-Балкарию оказала и война в Абхазии.

В то же время в Карачаево-Черкесии исламизация началась раньше антиваххабитской кампании конца 1990-х гг. Более того, по словам И. В. Стародубровской, в этой республике были проявления «политического ислама», что являлось, по её убеждению, определенным препятствием для радикализации. Политический ислам был связан с Мухаммадом Карачаем (Биджиевым), который представлял Исламскую партию возрождения. «Политический ислам не может быть закрытым. Ведь постановка политических целей делает необходимым взаимодействие с другими политическими силами и с обществом. А это не способствует оторванности и радикализации», — считает она.

По мнению И. В. Стародубровской, радикализация и взрыв насилия в Кабардино-Балкарии и умеренные формы противостояния в Карачаево-Черкесии являются итогом различной реакции властей на исламизацию. Докладчик отметила: «В КБР сужается пространство выбора. Создаются препятствия для исполнения религиозных обрядов, невозможно вести исламский призыв. Существует жёсткая дискриминация при трудоустройстве. И при всем при этом — невозможность эмиграции, не выдаются и отбираются загранпаспорта. Члены джамаата ощущают прямую угрозу жизни и здоровью. Реакция в КЧР на исламизацию похожа, но гораздо мягче. Обыски, ущерб имуществу, но не угроза жизни и здоровью. Избиения и пытки не приобретают массовый характер. Дискриминация при трудоустройстве мягкая. При наличии возможностей решить проблемы без применения насилия, в частности воздействовать на МВД, на увольнение провинившихся следователей (а в КЧР были такие прецеденты), терроризм — последнее звено в цепи выбора».

И. В. Стародубровская отметила, что силовые методы использовались и в Кабардино-Балкарии, и в Карачаево-Черкесии. По ее мнению, после событий в Нальчике в октябре 2005 г. в КЧР репрессии были сопоставимы с кабардино-балкарскими. Но прекратились. «Почему?» — спрашивает она. «Я думаю, что основное в этом деле — заинтересованность разных слоев и групп населения к медиации, к компромиссу. Его хотели и общественники, и представители власти. Помимо этого, на подходе был вопрос с развитием туризма на Архызе. В КБР на курортах работали в основном балкарцы, а официальные власти хотели их отодвинуть от этого бизнеса, поэтому им было не столь важно спокойствие ради туристов. В КЧР это сыграло свою роль для сдержанности властей», — считает Стародубровская. В итоге, по ее словам, в Кабардино-Балкарии шла раскрутка спирали насилия.

Состоялось активное обсуждение доклада, в котором приняли участие представители МГИМО, МГУ, Института Гайдара, ИВ РАН, ИЭА РАН.

* * *

30 ноября 2018 г. в МГИМО прошло 39-е заседание семинара, на котором с докладом «Русское население в Чеченской республике: статус, проблемы, перспективы» выступила Е. В. Нерозникова, известный российский журналист, специализирующийся на северокавказской проблематике.

Во вступительной части докладчик отметила, что к русскому населению были отнесены все те, кто идентифицировал себя таким образом. К числу русских относят себя не только этнические русские, но также православные украинцы, молдаване, цыгане, а также армяне. Докладчик также проследила демографическую динамику убывания русского населения в Чечне с 1979 г. по сегодняшний день.

Е. В. Нерозникова кратко остановилась на трагических событиях войны в 1990–2000-х гг., следствием которых стала массовая гибель, а также бегство русских из Чечни. В республике, прежде всего в Грозном, остались в основном пожилые люди, не захотевшие покидать свое недвижимое имущество, или одинокие старики, не имевшие возможности уехать в другие российские регионы. Бегство русского населения сопровождалось, как правило, полной потерей собственности. На данный момент известно совсем немного случаев возвращения собственности по суду. Были также отмечены факты помощи русским со стороны соседей-чеченцев, что помогло им выжить в условиях военных действий, а также насилия со стороны как боевиков, так и отдельных «федералов». Докладчик оценила реальную численность русского населения Грозного и близлежащих сел примерно в 200 человек (100 домов в частном секторе). При этом она не принимает в расчет русских в Ханкале и в Грозном, находящихся там по делам службы.

Основная часть доклада была посвящена механизмам выживания русского населения современной Чечни. Докладчик отметила фактическое отсутствие какой-либо реальной социальной помощи со стороны республиканских властей русским, живущим в социальной изоляции и бедственных условиях. По словам Е. В. Нерозниковой, главной проблемой для оставшихся русских является трудоустройство. Находясь в социальной изоляции, не имея поддержки со стороны родственников или знакомых, русские не в состоянии устроиться на хорошую, в плане постоянной занятости и оплаты, работу. Докладчик отметила, что эта проблема касается не только русских, но также других национальных меньшинств. Но русские особенно страдают от отчуждения, поскольку не являются мусульманами.

Ислам стал в последнее время главным объединяющим фактором для чеченцев. Чеченец — не мусульманин не признается чеченцем. Русские лишены доступа к социальным лифтам чеченского общества, выстроенным на основе единоверия и родственных, клановых связях. В этой ситуации русские, оставшиеся в Чечне, становятся перед трудным выбором: либо принять ислам и, следовательно, так или иначе быть принятым в чеченское общество, либо оставаться в изоляции. Чаще всего этот выбор должны делать русские женщины, которые, выйдя замуж за чеченца, при условии принятия ислама, могут тем самым повысить свой социальный статус.

Однако выбор первого пути, как правило, влечет за собой потерю русской идентичности. Выбор второго пути означает, что человек останется в ситуации социального «остракизма», не имея доступа к механизмам взаимопомощи. Несмотря на это многие представители немногочисленного русского населения демонстрируют религиозность, приверженность православию, что, по мнению докладчика, является следствием их сопротивления угрозе потери идентичности. Кроме того, докладчик отметила растущую в последнее время, несмотря на заверения чеченских властей, враждебность к русским, русской культуре со стороны чеченской молодежи (явным проявлением этого является нападение на православный храм в Грозном весной 2018 г., а также вандализм в отношении православных надгробий на главном грозненском кладбище). У большей части чеченской молодежи отсутствует адекватное, положительное представление о России как многонациональном государстве.

Единственным источником социальной взаимопомощи для русских Чечни остается православная церковь. Однако, по мнению докладчика, деятельность церкви в последние годы была малоэффективной. Более того, открытие — при покровительстве республиканских властей — православных храмов в казачьих станицах Шелковской и Наурской, а также создание казачьих фольклорных ансамблей, русских культурных центров носит, по мнению докладчика, по большей части постановочный характер.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие эксперты МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН и других московских научных центров.

* * *

5 декабря 2018 г. в Институте востоковедения РАН состоялось 40-е заседание семинара. С основным докладом «Основные тенденции в развитии архитектурной пластики периода Абхазского царства: новые данные и атрибуции» выступила старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН Е. Ю. Ендольцева.

Докладчик подвела итог многолетним исследованиям по средневековой христианской пластике Абхазского царства. Е. Ю. Ендольцева представила ряд новых памятников, а также проанализировала новые атрибуции ранее известных артефактов. В заключение были сделаны вы-

воды о стилистических особенностях и об основных тенденциях развития пластики периода Абхазского царства.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие эксперты МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН и других московских научных центров.

* * *

21 декабря 2018 г. в МГИМО состоялось 41-е заседание семинара, на котором с докладом-презентацией «Кавказ в этнографическом рисунке и фотографии (1940-е гг. XIX в. — 1940-е гг. XX в.)» выступила доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова З. У. Махмудова.

Доклад был приурочен к выходу книги-альбома «Образы Кавказа. Музейные раритеты XIX века», составителем которой стала З. У. Махмудова. В центре внимания исследователя — два альбома «Виды Кавказа» и «Воспоминания о Кавказе», хранящиеся в Государственном Русском музее, а также «Альбом Кавказский» в Государственном Историческом музее.

Альбом «Виды Кавказа» включает 80 листов рисунков и акварелей, наклеенных на не сброшюрованные паспарту из тонкого картона табачного и голубого цветов, с золотым обрезом. Паспарту были пронумерованы типографским способом и заключены в отдельную коробку с надписью «Виды Кавказа». Данный альбом поступил в Русский музей в 1928 г. Второй альбом — «Воспоминания о Кавказе» — включает в себя 40 рисунков и акварелей (поступил в Русский музей в 1976 г.). В ходе первоначального изучения рисунков специалисты музея предположили, что автором всех рисунков мог быть Алексей Владимирович Вышеславцев (1831–1888). На Атрибуционном совете Русского музея в 1995 г. доказательства авторства А. В. Вышеславцева приняли с «вопросом».

Однако знакомство с биографией Алексея Вышеславцева заставляет усомниться в его авторстве рисунков и акварелей из кавказских альбомов. В результате длительных разысканий удалось определить, что многие из рассматриваемых рисунков и описаний выполнены рукой Аркадия Сергеевича Вышеславцева (1820–1889), который является родным дядей Алексея. Именно А. С. Вышеславцев в 1840-е гг. служил на Кавказе, занимая различные должности в канцелярии Тифлисского военного губернатора, канцелярии Управления учебной частью за Кавказом и др. В частности, в газете «Кавказ» зафиксировано, что в январе 1849 г. А. С. Вышеславцев получил чин титулярного советника. Таким образом, авторами большинства кавказских рисунков из указанных альбомов являются А.В. и А.С. Вышеславцевы.

Рисунки различаются, но объединены темой Кавказа во всех проявлениях (природа, животный мир, население и его занятия, быт коренных жителей и т. д.). Вышеславцевы стали одними из тех «забытых героев», благодаря труду которых удалось сохранить редкие исторические образы Кавказа имперской эпохи.

Была также проведена кропотливая работа совместно с коллегами из Национального музея Грузии по анализу рисунков, хранящихся в Государственном Русском музее и сравнению их с материалами этнографического фонда грузинского музея. По ее итогам был сделан крайне важный вывод о том, что большинство рисунков было выполнено «с натуры» художником, который наблюдал быт и реалии жизни населения Кавказского края воочию. Причем значительная часть работ посвящена Тифлису, который в то время был главным центром региона, являясь столицей Кавказского наместничества.

Во второй части доклада З. У. Махмудова остановилась на фотографиях, сделанных известным советским этнографом Е. М. Шиллингом в ходе экспедиций на Кавказе в 1940-е гг., предложив их сравнить с рисунками и эскизами более раннего периода.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН и других московских научных центров.

* * *

На заседаниях семинара в 2019 г. планируется обсудить такие темы, как страны Балтии и Закавказье в постсоветский период; Израиль и Закавказье; российско-грузинские отношения на современном этапе; социально-политическая ситуация в Абхазии и Южной Осетии и перспективы их развития; сравнительный анализ систем управления и политики в отношении адата на российском Кавказе и в голландской Индонезии; введение воинской повинности на Кавказе

в позднеимперский период; суфийские братства в Чечне и Дагестане; история жизни и деятельности художника П. Захарова-Чеченца и др.

Оргкомитет планирует, по мере готовности, публиковать доклады на страницах журнала «Международная аналитика» и ежегодника «Кавказский сборник».

М. А. Волхонский, В. М. Муханов, А. А. Ярлыкапов

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

«Политические портреты деятелей Ближнего и Среднего Востока»¹

Так называется выпущенный Институтом международных исследований сборник статей, посвященный 12-ти видным политическим и общественным деятелям девяти стран Ближнего и Среднего Востока. Это — второе издание подобного характера, первое — увидело свет в 2015 г.

Книга посвящена памяти известного востоковеда, видного политического деятеля Евгения Максимовича Примакова (1929–2015) и открывается его очерком о деятеле курдского национального движения Мустафе Барзани (1903–1979).

Среди персонажей сборника — и другие лидеры национальных движений, внесшие ключевой вклад в национальное и социальное освобождение своих народов. Это — Гамаль А. Насер (Египет), А. Бен Белла, Хуари Бумедьен (Алжир), Хабиб Бургиба (Тунис).

Очерк о президенте Египта Г. А. Насере, подготовленный Чрезвычайным и Полномочным Послом А. Г. Баклановым, посвящен периоду 1952–1970 гг., отмеченному успехами этой страны во многих областях внутреннего развития и внешней политики. Президент Насер вошел в историю как харизматический лидер крупнейшего арабского государства, порвавшего с оковами зависимости от бывшей метрополии, Великобритании, и Запада в целом, что стало прецедентом для других арабских стран. Многие ближневосточные события той эпохи, прежде всего связанные с арабо-израильским конфликтом, пишет А. Г. Бакланов, так или иначе происходили под влиянием политики египетского лидера.

С появлением Израиля изменился политический пейзаж и даже демографический облик Ближнего Востока, расклад сил в нем. Учитывая эти реалии, подготовители сборника посвятили два очерка руководителям этой страны, сыгравшим большую роль в ее создании и становлении.

Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН и профессор МГИМО И. Д. Звягельская проследила биографию Голды Меир (1898–1978). Будущий пятый премьер-министр Израиля родилась в Киеве и вместе с родителями эмигрировала в США, где увлеклась идеями сионизма с социалистическим оттенком. Переехав в подмандатную Палестину, она погрузилась в политическую борьбу. Г. Меир, пишет И. Д. Звягельская, являла пример того, как в обществе, где были всегда сильны религиозные представления и традиционные нормы, женщина может выйти за отведенные ей рамки хранительницы домашнего очага.

Подобно Г. Меир Ицхак Рабин (1922–1995) с юных лет уверовал в идеи «рабочего» сионистского движения и выбрал карьеру военного. В 1967 г. он командовал израильскими войсками в ходе Шестидневной войны против арабов, в 1974 г. впервые стал премьер-министром Израиля. Руководитель Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН Т. А. Карасова прослеживает, как к началу 1990-х гг. Рабин из «ястреба» превратился в «голубя», представителя левого истеблишмента, выступавшего в пользу урегулирования палестино-израильского конфликта на основе территориального компромисса в обмен на мир.

Среди лидеров Ближнего Востока и Северной Африки, оставивших отпечаток в истории региона во второй половине XX века, нельзя пройти мимо алжирца А. Бен Беллы (1918–2012 гг.). Он был «историческим вождем» Алжирской революции, оказавшей влияние на подъем национального сознания в регионе и во всем Третьем мире. Очерк, посвященный этой яркой личности, принадлежит перу ветерана российского востоковедения профессору Р. Г. Ланде, главному научному сотруднику Института востоковедения РАН. Бен Беллу автор называет «революционным романтиком», которые обычно гибнут в пламени революций, но без них ни одна революция не может свершиться.

Ряд статей сборника посвящен правящим лидерам ближневосточных стран. Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Б. В. Долгов подготовил очерк о нынешнем президенте Сирийской Арабской Республики Башаре Хафезе аль-Асаде. С 2000 г., после кончи-

¹ Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: Очерки. Книга вторая / Под ред. В. В. Наумкина и В. В. Попова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 202 с.

ны отца, Б. Асад был избран президентом страны. В 2007 г. он был переизбран на второй срок, а в 2014 г. — на третий. Ключевым тестом, как для Башара Асада, так и для властей Сирии в целом, стал начавшийся в марте 2011 г. кризис, переросший в вооруженное противостояние властей Дамаска с радикальной оппозицией, представленной в основном исламистскими силами. Именно в действии внешних факторов автор видит главные причины продолжающегося поныне конфликта. Б. В. Долгов считает, что, как бы ни сложилась в дальнейшем судьба президента Б. Асада, он войдет в историю как лидер, твердо защищающий народ и национально-государственные интересы САР, устоявшей перед беспрецедентным давлением извне.

Президент А. Бутефлика почти двадцать лет бессменно возглавляет Алжирское государство. Ближайший соратник первых президентов независимого Алжира Бен Беллы и Х. Бумедьена, он для большинства алжирцев является символом стабильности и веры в будущее. В 2000-е гг. в стране удалось резко снизить уровень насилия, подавить радикальное исламское движение и начать процесс восстановления гражданского согласия, подчеркивает профессор МГИМО М. А. Сапронова.

В очерке, проливающим свет на биографию премьер-министра Турции Р. Эрдогана (авторы Л. Р. Садыкова и Э. Д. Эшба), отмечено, что его сильной стороной является способность к стратегическому видению событий и при этом умение подстраиваться под возникающие обстоятельства. Несмотря на ухудшение отношений с Россией, возникшее из-за разногласий по сирийской проблеме, Анкара и Москва сумели не только наладить контакты, но и достичь соглашения о тройственном альянсе (куда также входит Иран), позволившем обеспечить прогресс в сирийском урегулировании.

Рассказ о султанине Омана Кабусе бин Саиде стоит несколько особняком в сборнике, большинство материалов которого касаются деятелей республиканских режимов. В 1970 г. взошедший на престол тридцатилетний Кабус бин Саид объявил обширную программу преобразований. Главные принципы перемен в Омане, произошедших за истекшие десятилетия, — постепенность и непрерывность, делает вывод С. Н. Плеханов. Султанат движется по пути созидания и модернизации в духе прагматизма, но без рывков и разрыва с местными традициями.

Ценность вышедшей монографии в том, что она расширяет представления о деятельности ряда известных политических деятелей региона, людей различных взглядов и социальных корней. Одни — оставили заметный след в истории своих стран и региона, другие — и ныне вовлечены в политические процессы на Ближнем и Среднем Востоке. В этих процессах огромное значение по-прежнему имеют личные дарования лидеров. Без учета данного фактора вряд ли возможно понять внутреннюю логику событий, особенно «арабской весны», развернувшейся с конца 2010 г. Ее турбулентность оказала воздействие на государства, в которых проживает примерно половина всего арабского населения Ближнего Востока и Северной Африки.

Новый сборник «Политические портреты деятелей Ближнего и Среднего Востока», несомненно, привлечет внимание не только специалистов, но и всех тех, кого интересует проблематика современных международных отношений.

Ю. Н. Зинин,
ведущий научный сотрудник
Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО МИД России

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
ПИ № ФС 77-65736 от 20 мая 2016 г.

Редактор — *В. И. Шанкина*
Технический редактор — *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная вёрстка — *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8 (495) 434-20-44; 8 (495)-225-33-13.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru
Тираж 500. Заказ №

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.